С. 1125

Забавник 2

За 1816. 3.

I 63/18 c.
РГБ
VM I 45
РГБ Ср I 63/1816

№ 134.

К. Найлистъ рѣз.

PL 202 - PIx Cp I 63/1816

ЗАБАВНИКЪ
ЗА ГОДИНУ
1816.

ДИМИТРІЕМЪ ДАВІДОВИЧЕМЪ,

С' УЧРЕДНИКОМЪ НОВИНА

СРБСКИ, Gr. 43

САЧИНЪЊЪ.

СК. 502

У ВІЕННИИ

ПИСМЕНЫ Р. ІОАННА ШНИРЕР

ТЮКЮЛИ

49199

ЗАБАВНИКЪ

ЗА

1816 годину

СРБЉИМА и СРБКИЊАМА

ПОСВЕЋЕНЪ.

БЛАГОНАКЛОННЫЙ ЧИТАТЕЛЬИ!

И ЧИТАТЕЛЬИЦЕ!

И овогодишньій забавникъ Вама посвећуемъ. Ваша срдца нек' се облагородьаваю; Ваше душе нек' се увеселяваю, читаюћи га. Надамсе, даћете обое у нћму наћи; колико самь могао, трудїосамсе и єдной и другой потреби, и потреби сваке классе Србаля и Србкиня притећи.

У избираню ириповћдкій у нћму држао самь се мога вкуса, судећи, да ћу по нћшто и отъ Вашега погодити.

А писао самь онако, као што у посведпевномъ разговору Србльинъ са Србльиномъ говорити обычествуе. Єсамь ли у томъ сагрћшїо, или не, ученїи наши нек' разсуде, и мнћнїе свое о томъ преко новина пошлю ми. То їй молимъ явно и покорно. Тако ћемо до основаня доћи, како намъ писати треба. Основаня ньина или ћею ме опроврнути, и я ћу признати, да самь погрћшїо; или ћею ме у овомъ мнћнїю утврдити,

и я ћу се радовати, да самъ я првый быо, кой самъ се мнимогъ Славенскога оттргао, и србски онако писати почео, као што се єданъ съ другимъ разговарамо.

Пріймите га о Читателы! и Читательице! съ благонаклонпосћу, коя ће труду момъ сходна быти. Ваше свидѣтелствс, да Вамъ се допада, и да сте весело съ ньимъ време провели, быће ми награда за подвигъ мой, а побудьенѣ, да и у напредакъ за Васъ пишемъ.

Погрѣшке извините Вашомъ благосћу; све ће по времену болъ быти.

Привѣствуюћи Вамъ нову годину благодаримъ Вамъ на помоћи, кою сте ми пренумерацїомъ принели, са тимъ, што желити не престаемъ, да Вамъ ова година пуна свакогъ изобиля буде, као што првый образъ представля. Успѣваймо у свему сви и све, кои се Срблы и Србкињама называмо

У Вїени 1га Януара 1816.

съ

Вашимъ покорнѣйшимъ

ДИМИТРІЕМЪ ДАВІДОВИЧЕМЪ

Сучредникомъ новина Српски.

ПАСХАЛІА.

Ново лѣто починѣ у Субботу.
Месоѣдьа има 7 седмица и 2 дана, тт. є. 51 дань.
Месне покладе быти ћею 13га Февруара.
Бѣле — — — 2ога —
Четыридесеть мученика 9га Марта.
Воскресенїе Хрїстово пада 9га Апрїла.
Вознесенїе — — — 18га Маїа.
Дуови падаю 28га Маїа.
Петрове покладе падаю. 4га Юнїа.
Петрова поста има 3 седмице и 3 дана, свега 24 дана.
Праздникъ Петра и Павла быт' ће у Четвртакъ 29гъ Юнїа.
Постъ Пресветой Богородицы (Госпоини) трае отъ 1гъ Августа до 15га
Постъ божићный починѣ 15га Ноемвра, и трае до 25га Декемвра.
Такозовоме Фашаньге (месоедье?) траяш' ћесе 65 дана.

ЛѢТОСЧИСЛЕНѢ

ПАМЕТОДОСТОЙНЫ ПРИКЛЮЧЕНЯ.

Отъ створеня свѣта по счисленю восточне цркве има година 7324

— — — — — римске . . . 5765

— — — — — єврейске . . 5577

— рождества Хрїстова има година . . 1816

— Почетка Мачжарскогъ Кралѣвства . 816

— саєдинења Славоніе и Далмаціе съ Мачжарскомъ 796

— Постанка града Вїене 716

— — Турскогъ Царства . . . 513

— Паденя Србїе после Косовске битве са Турцы 426

— Изобрѣтеня печатнѣ 376

— — — Америке 375

— Родьеня Императора нашегъ Франца I. 48

— Почетка владѣпя Нѣгова 24

— Подизаня Печатнѣ Славено - Србске, Валахїйске, и прочи восточны єзыка 44

Опѣ Основаня Гїмназїе Карловачке (у Срѣ-
му) Митрополїтомѣ Србскимѣ, и Ар-
хїепїскопомѣ Карловачкимѣ, Г. Сте-
фаномѣ Стратимировичемѣ
Кулпїнскимѣ заведенне 24
— Основаня препарандски училища, К.
Савѣтникомѣ Г. Урошемѣ Несто-
ровичемѣ заведенне 3

УВѢДОМЛЕНѢ

о години 1816.

Година 1816 єсть приступна илити высокосна, т. є. састоисе изъ 366 дана.

О царствуюћой звѣзди.

Год. 1816 царствуе звѣзда, коя се Меркуріемъ называ. Она є найманя, найсвѣтлїя и сунцу найближа звѣзда тако, да само 8 миллїона миля далеко отъ нѣга отстои.

Меркурїй є 17 путїй маньій отъ землѣ, и отстои отъ нѣ 10,445,560 миля.

Звѣзда ова свршуе теченѣ свое сваке године; и може се кадкадъ у сумраку у югру и у вечеръ видити. У свакомъ секунду прелази 6 миля.

Година, у коїой Меркурїй царствуе, єсть премѣнипелна, и непостоянна, обычествуе ладна и сува быти; кромѣ тога є и рѣдко плодоносна.

Знакъ Меркуріевъ у Астрономїи єсть знакъ живе, т. є. ☿

О Зими.

Зима се їошть 1815 године 10гѣ Декемвра започела. Она ће до 9га Марта ове године трајти, и сносна, сѣ почетка сува, а позднїе до конца мѣсеца Јануара отвеђ влажна быти. У то доба ипи ћею многе кише, и нанети ћею и людма, и скотовма велику штету. Зимныи усѣви быти ћею год. 1816 малозрныи, но сламобогатыи. Ако ли се пакѣ у пролеће їошть покосе, то ћею богатїй плодѣ принети.

О Пролећу илити весни.

Пролеће почет' ће се 9га Марта, онда ће прѣый путѣ ноћ дану равна быти. Оно ће до 20гѣ Марта топло, до половине Апрїла суво, потомѣ ладно быти. Сѣ почетка друге половине Апрїла быти ћею дани суровыи и ладныи тако, да плодоносю яко вредоносныи быти могу. Воћа ће на нѣки мѣсты отвеђ много, на нѣки среднѣ, а на нѣки нимало быти.

О Лѣту.

Лѣто ће се 10га Јунїа почети, и онда ће дань найдужїй, а ноћ найкраћа быти.

Лѣтось ће много киша быти, ничимѣ манѣ неће їй земля доста имати. Сѣно и усѣви могу

се за времена їошть увести, но што скорїе, то болѣ.

Лѣтныи усѣви доћи ћею добро за рукомъ, а особито, єчамъ, овасъ — зобъ — сочиво, граа, и бобъ, ако се само на умѣренной, т. є. нит' на весма сувой, нит' на весма влажной земльи посѣю. Ланъ и конопля успѣт' ћею добро; конопля ће краткогъ стабла быти.

У овой четврти године быт' ће много бурны непогода — времена —.

О Єсени.

Єсень починѣсе 11га Септемвра, и онда ће другїй путъ дань ноћи раванъ быти.

Съ почетка єсени быти ћею многе кише; мразъ ће рано їошть пасти. По истеченю мѣсеца Септемвра настати ће сува времена, и траят' ћею до Декемвра.

Єсенньїи првыи и послѣдньїи усѣви быти ћею найбольїи, а посреднѣ ћею пужеви поєсти.

Вїно весма рѣдко успѣва, када Меркуръ царствуе, тако, да єдва у 50 и 60 година єданъ путъ добро быва, ако се вїногради у пролѣће добро показую.

Єсени ове быти ће много мышева, и пужева, кои ћею сѣменуа великїй вредъ нанети.

О помраченю Сунца и мѣсеца.

Ове године быти ће два помраченя сунца, а два мѣсеца. Мы ћемо єдно само помраченѣ сунца видити, кое ће 15га Маїа у ютру быти. А помраченя мѣсеца видит' ћемо оба. Єдно ће быти 29га Маїа у ютру, и то свецѣло, т. є. тако, да ће се цѣо мѣсецъ помрачити. Друго пакъ быти ће 22гъ Ноемвра ноћу, и то почастно т. є. тако, да ће се само єдна часть мѣсеца помрачити.

Знацы мѣсечны четврт'ї.

Новъ мѣсецъ има знакъ овай . . . . . ●
Прва четврть . . . . . ◑
Пунъ мѣсецъ . . . . . ○
Послѣдня четврть . . . . . ◐

Кодъ коїи дана ови знацы наодилисе буду, у оне дане сбывасе такореченна мѣна.

Знацы Праздника и недѣля.

Недѣлѣ и праздницы печатанныи су чрвенны, а тежатныи черны писмены.

ЯНУАРЪ има 31 дань.

Суб.	1	Обрѣзаніе Господ.	13	Иларіа	

У Нед. предъ Просвѣщ., Еванг. отъ Мар. зач. 1.

Нед.	2	Сїлвестра Папе Р.	14	Феліксa	
Пон.	3	Малахіа, и Гордіа	15	Мавра.	
Вто.	4	Соборъ 70 апостол.	16	Іисуса имя.	
Сред.	5	Оеопемпта и Оеон.	17	Антонїа	
Чет.	6	Богоявленіе Господ.	18	Прїски дѣв.	
Пет.	7	Іоанна крестителя	19	Фердїнанд	
Суб.	8	Георгїа и Емїліана	20	Фабїана и С.	

У Нед. по просвѣщенію Еванг. отъ Матѳея зач. 8.

Нед.	9	Полїевкта мученик.	21	Агнесъ дѣв.	
Пон.	10	Григорїа епїс. Нїс.	22	Вїнценціа	
Вто.	11	Оеодосїа преподоб.	23	Заручен. М.	
Сред.	12	Татїане мученице	24	Тїмооеа	
Чет.	13	Ермїла, и Страт.	25	Обр. Павла	
Пет.	14	Саввe Арх. Серб.	26	Полукарпа	
Суб.	15	Павла Оивейскаго	27	Іоанна Зла.	

У Недѣлю 31, Евангеліе отъ Луке зачало 93.

Нед.	16	Ап. Петра верига	28	Карола Вел.	
Пон.	17	Антонїа великога	29	Францішка	
Вто.	18	Аоанасїа, и Кїрїлла	30	Аделгунды	
Сред.	19	Макарїа Еґїптян.	31	Петра Нол.	
Чет.	20	Евтїмїа великогъ	1	Февр. Іг. Е.	
Пет.	21	Максїма исповѣдн.	2	Срѣтеніе	
Суб.	22	Тїмооеа и Анастасїа	3	Блазїа Епїс.	

У Недѣлю 32, о Закхею, Еванг. отъ Луке зач. 94.

Нед.	23	Климента епїс. Аґк.	4	Веронїка	
Пон.	24	Преп. матер. Ксенїе	5	Агаоы	
Вто.	25	Григорїа богослова	6	Дорооеа	
Сред.	26	Ксенофонта и друж.	7	Ромуалда	
Чет.	27	Іоанна Златоуст. м.	8	Іоанна Мил.	
Пет.	28	Ефрема Сїрїна	9	Аполлонїа	
Суб.	29	Прп. мч. Ігнатїа	10	Схоластїк.	

У Нед. 33. о Мытари и фарїсеи отъ Луке зач. 89.

Нед.	30	Велик. Іерарховъ	11	Евфросїнїа	
Пон.	31	Кїра и Іоанна	12	Евлалїи Д.	

ФЕВРУАРЪ има 29 дана.

Вто.	1	Трїфона мученика	13	Катеріны Ц.
Сред.	2	Сретеніе Господ.	14	Валентїна
Чет.	3	Сїмеона богопрїим.	15	Фаустїна
Пет	4	Ісїдора Пїлусїотска	16	Іулїанны
Суб.	5	Агаѳїи миченице	17	Сабїна Еп.

У Нед. 34. о блудномъ сыну, Еванг. отъ Луке зач. 79.

Нед.	6	Вукола епїс. Смїрн.	18	Сумео. Еп.
Пон.	7	Пяроенїа еп. Лампс.	19	Сосанны
Вто.	8	Ѳеод. Страт. и Зах.	20	Елеѳерїа
Сред.	9	Нїкифора мученика	21	Елеоноры
Чет.	10	Хараламиїа мучен.	22	Петра Каѳ.
Пет.	11	Власїа священомуч.	23	Лазара
Суб.	12	Мелетїа Патр. Анти.	24	Вїсокосъ

У Нед. месопустну, Еванг. отъ Матѳ. зач. 106.

Нед.	13	Марпїнїана и Сїм. С.	25	Мат. Апос.
Пон.	14	Авксентїа преподоб.	26	Вїкторїна
Вто.	15	Онисїма апостола	27	Валбурги
Сред	16	Памфїла мученика	28	Чиста Среда
Чет.	17	Ѳеодора Тїрона	29	Леандра
Пет.	18	Лва Папе Римскогъ	1	Мар. Албїн
Суб	19	Архїппа апостола	2	Сїмплїцїа

У Нед. сыропустну, Еванг. отъ Матѳ. зач. 17.

Нед.	20	Лва епїскопа Капан.	3	Кунегунды
Пон.	21	Тимоѳеа преподоб.	4	Казимїра
Вто.	22	Обрѣтенїе мщ. Евг.	5	Евсевїа
Сред.	23	Полїкарпа еп. Смир.	6	Фрїдерїк
Чет.	24	Обр. гл. Іоанна крес.	7	Ѳомы Ап.
Пет.	25	Тарасїа патр. Конс.	8	Іоанна
Суб.	26	Порфїрїа епїс. Газ.	9	Франціи.

У Нед. 1 великога поста, Еванг. ошъ Іоанна зач. 5.

Нед.	27	Прокопїа Декапол.	10	40 Мучен.
Пон.	28	Васїлїа Спостинка	11	Хераклїа
Вто.	29	Кассїана Римлянн.	12	Григорїа

МАРТЪ имa 31 день.

Сред.	1	Евдокїе преподобм.	13	Ернеста
Чет.	2	Θеодота еп. Кїрїн.	14	Маθїлды
Пет.	3	Евтропїа мученика	15	Хрїстофор
Суб.	4	Герасїма преподоб.	16	Ерїберта

УНед.2. тогоже, Еванг. отъ Мар. зач 7. и Іоан. зач. 36.

Нед.	5	Конона мученика	17	Гертруды
Пон.	6	Свят. 42 мученикъ	18	Александра
Вто.	7	Священном. въ Хер.	19	Іосифа
Сред.	8	Θеофїлакта еп. Нїк.	20	Нїкеты
Чет.	9	40. Мучениковъ	21	Бенедїкта
Пет.	10	Кодрата и дру. его.	22	Оттон. епї.
Суб.	11	Софронїа Патрїарх.	23	Вїкторїна

У Нед. 3. тогоже, Еванг. отъ Марка зачало 37.

Нед.	12	Преподоб. Θеофана	24	Гавріила А.
Пон.	13	Преп. мч. Нїкифора	25	Благовѣщ.
Вто.	14	Венедїкта преподоб.	26	Емануила
Сред.	15	Агапїа мученика	27	Руперта
Чет.	16	Савїна и Папе	28	Гунтрама
Пет.	17	Алексїа чел. Божїя	29	Мехтїлды
Суб.	18	Кїрїлла Архїеп. Іерл.	30	Регула

У Нед.4. тогоже, Еванг. отъ Мар. зач. 40. и Матѳ. 10.

Нед.	19	Хрїсанѳа, и Дарїи	31	Балбїна
Пон.	20	У обители с. Саввы	1	Апр. Хуго.
Вто.	21	Іакова епїскопа	2	Фран. Пад.
Сред.	22	Васїлїа пресвїтера	3	Рїхарда
Чет.	23	Нїкона преподобна	4	Ісїдора
Пет.	24	Артемїа еп. Θесс.	5	Вїнценцїа
Суб.	25	Благовѣщенїе Б.	6	Целестїна

УНед.5. тогожде, Еванг. отъ Марка зач. 47. и Луке 33.

Нед.	26	Собор. Арх. Гавріила	7	Херманна
Пон.	27	Матроне матере	8	Дїонvсїа
Вто.	28	Іларїона и Стеф. чуд.	9	Марїи Егv.
Сред.	29	Марка Еп. и Кїрїлла	10	Іезекїиля
Чет.	30	Іоанна лѣствичника	11	Льва Папы
Пет.	31	Іпатїа епїс. Гаггр.	12	Іулїа Папы

АПРІЛЪ има 30 дана.

Су .	1	Прп. Маріе Егіпт.	13	Іустіна

У Нед. 6. цвѣтоносиу, Еванг. отъ Іоанна зач. 41.

Нед.	2	Прп. Тіта чудотв.	14	Воскр. Хр.
Пон.	3	Прп. Нікиты исп.	15	Бог. пом.
Вто.	4	Іосифа, и Георг. М.	16	Турібія
Сред.	5	Ѳеодула и Агахон.	17	Рудолфа
Чет.	6	Евпіхія Архіеп. Кп.	18	Аполлонія
Пет.	7	Георгія еп. Мелітп.	19	Антонін
Суб	8	Апостол. Продіона	20	Сулпіція

У святу велику Нед. Пасхи, Еванг. отъ Іоан. зач. 1.

Нед.	9	Воскресеніе Хріс.	21	Анселма
Пон.	10	Воскресн. Понед.	22	Рафаила
Вто.	11	Воскресн. Вторникъ	23	Адалберта
Сред.	12	Васіліа Епіс. Парійс.	24	Георгія вел.
Чет.	13	Артемона Свящеим.	25	Марка евар.
Пет.	14	Мартіна папе Рим.	26	Іезекіиля
Суб	15	Аріст. Пуда и Троф.	27	Анастасіа

У Нед. 2 о Ооми, Евангеліе отъ Іоанна зачало 65.

Нед.	16	Агапіи, Ірины и Хіо.	28	Віталіса М.
Пон.	17	Сімеона Персідска	29	Петра М.
Вто.	18	Іоанна учен. Гр. Дек.	30	Екатеріны
Сред.	19	Іоанна Ветхопещер.	1	Маій Ф. и І.
Чет.	2	Прп. отца Ѳеодора	2	Аѳанасіа
Пет.	21	Януара и Александ.	3	Обрѣтен. †
Суб	22	Ѳеодора Сікеота пр.	4	Флоріана

У Нед. 3. о Міроносицахъ, Еванг. отъ Марка зач. 69.

Нед.	23	Георгіа великом.	5	Готтхарда
Пон.	24	Муч. Савы Страт.	6	Іоанна
Вто.	25	Евангеліста Марка	7	Станислава
Сред.	26	Свящм. Васіліа Е. А.	8	Міхаила
Чет.	27	Сімеона срод. Госп.	9	Григоріа
Пет.	28	Іасона и Сосіпатра	10	Гордіана
Суб.	29	Святыхъ 9. мучен.	11	Беатріцы

У Нед. 4. о Разслабленномъ, Еванг. отъ Іоан. зач. 14.

Нед.	30	Іакова брата Іоаннія	12	Панкратіа

МАЇЙ имa 31 данъ.

Пон.	1	Пророка Іеремїе	13	Сервація
Вто.	2	Аѳанасїа патр. Але.	14	Хрістіана
Сред.	3	Тїмоѳеа, и Мавре	15	Софіи
Чет.	4	Пред. мучц. Пелагїе	16	Іоан. Непом.
Пет.	5	Ірине мученице	17	Убалда
Суб.	6	Іова многострадал.	18	Венантіна

У Нед. 5. о Самаряныни, Еванг. отъ Іоанна зач. 12.

вд.	7	Акакїа Мученика	19	Івоблажен.
Пон.	8	Іоанна Еванг. и Арсен.	20	Бернардіи.
Вто.	9	Исаїи и мщ. с. Нїкол.	21	Констанп.
Сред.	10	Ап. Сїмона Зилота	22	Елены
Чет.	11	Мокїа, и Меѳод. Еп.	23	Вознесен.
Пет.	12	Епїфанїа и Германа	24	Іоанны
Суб.	13	Мученице Глікерїе	25	Урбана

У Нед. 6. о Слѣпомъ, Еванг. отъ Іоанна зачало 34.

Нед.	14	Мученика Ісїдора	26	Філіп. Нер.
Пон.	15	Преподоб. Пахомїа	27	Іоанна П.
Вто.	16	Ѳеодора освященна	28	Германа
Сред.	17	Андроніка Апостола	29	Максіма
Чет.	18	Вознесеніе Хрїст.	30	Фелікса
Пет.	19	Патрїкїа Епїс. Прус.	31	Петронілл.
Суб.	20	Мученика Ѳалалеа	1	Іуній. Н к.

У Нед. 7. святыхъ отецъ, Еванг. отъ Іоан. зач. 56.

Нед.	21	Конст. и Елене	2	Духовы
Пон.	22	Васїлїска мученика	3	Духов. по.
Вто.	23	Мїхаила Еп. Сїнад.	4	Квирина
Сред.	24	Сїмеона на дивн.	5	Готхарда
Чет.	25	Ш. обрѣт. главе Пр.	6	Норберта
Пет.	26	Апостола Карпа	7	Роберта
Суб.	27	Свящм. Ѳерапонта	8	Медарда

У Нед. 8. Пятдесятнице, Еванг. отъ Іоанна зач. 27.

Нед.	28	Сошест. ст. Духа	9	Пресв. Тр.
Пон.	29	Духов. Понедѣл.	10	Маргареты
Вто.	30	Ісаакїа преподобна.	11	Варнавы
Сред.	31	Ермїа, и Ермеа.	12	Олимпіа

ЮНІЙ има 30 дана.

Чет.	1	Юспіна Мч. Фїлос.	13	Брашанч.
Пет.	2	Нїкифора П. Конст.	14	Василіа
Суб.	3	Лукіллїана мучен.	15	Віта

У Нед. 1. сви святыхъ, Еванг. отъ Матѳ. зач. 38.

Нед.	4	Митрофана Патр.	16	Франціш.
Пон.	5	Дороѳеа Еп. Тїпска.	17	Райналда
Вто.	6	Висаріона чудотвор.	18	Марцеліна.
Сред.	7	Ѳеодота Еп. Агкир.	19	Гервасіа
Чет.	8	Ѳеодора Страпил.	20	Флоренпіи
Пет.	9	Кїрїлла Архїеп. Алек.	21	Алоизіа
Суб.	10	Тїмоѳеа Еп. Прусска.	22	Ахатіа

У НедѢлю 2, Евангеліе отъ Матѳеа зачало 9.

Нед.	11	Варѳоломѳ. и Варнав.	23	Сідоніа
Пон.	12	Онуфрїа великогъ	24	Іоан. крест.
Вто.	13	Мученице Акїлїне	25	Проспера
Сред.	14	Елїсеа прор. и Меѳ.	26	Іереміи про.
Чет.	15	Амоса пр. и К. Лазар.	27	Ладислава
Пет.	16	Святаго Тїхона	28	Льва Папы
Суб.	17	Мануила и Савела	29	Петра и П.

У НедѢлю 3, Евангеліе отъ Матѳеа зачало 18.

Нед.	18	Леонтїа мученика	30	Павла Гед.
Пон.	19	Юде брата Господ.	1	Іулій. Ѳео.
Вто.	20	Меѳодїа Епїс. Пат.	2	ПосѢщ. Б.
Сред.	21	Юліана муч. Тарсїй.	3	Корнеліа
Чет.	22	Евсевїа Еп. Самосад.	4	Удалріка
Пет.	23	Агрїпїне мученице	5	Домиціана
Суб.	24	Рождес. Іоан. кр.	6	Исаіи прор.

У НедѢлю 4, Еванг. отъ Матѳеа зачало 25.

Нед.	25	Февронїе мученице	7	Есѳиры
Пон.	26	Преподобн. Давїда	8	Кілліана
Вто.	27	Сампсона странн.	9	Лукреціа
Сред.	28	Кїра, и Іоанна безср.	10	Веніаміна
Чет.	29	Ап. Петра и Пав.	11	Піа П. Рим.
Пет.	30	Соборъ 12 апостол.	12	Хайнріка

ЮЛІЙ има 31 данъ.

Суб.	1	Космe, и Дамїана	13	Маргарeфы	

У НедѢлю 5, Евангелїе отъ Матѳея зачало 28.

Нед.	2	Положенїе ризы Бц.	14	Бонавентн	
Пон.	3	Вакїнѳа мученика	15	РаздѢл. ап.	
Вто.	4	Андреа Крит. Архїп.	16	Фаvспіа М.	
Сред.	5	Аѳанасїа Аѳонска.	17	Алексіа	
Чет.	6	Сїсоа великаго	18	Арнолда	
Пет.	7	Ѳоме у Мал.	19	Арсенїа.	
Суб.	8	Прокопїя великомуч.	20	Прор. Илїи	

У Нед. 6, Еванг. отъ Матѳ. зач. 29. и Іоан. зач. 56.

Нед.	9	Панкратїа Еп. Тавр.	21	Прор. Дан.	
Пон.	10	45 муч. у Нїкоп. Ар.	22	Мар и Маг.	
Вто.	11	Евфимїе мученице	23	Лvворіа	
Сред.	12	Прокла, и Іларїа	24	Христины	
Чет.	13	Собор. арх. Гаврїила	25	Іакова апос.	●
Пет.	14	Акїре апостола	26	Анны	
Суб.	15	Кирїка, и Юлїтте	27	Пантелеон.	

У Нед. 7, Еванг. отъ Матѳ. зач. 33. и Іоанна зач. 56.

Нед.	16	Аѳиногена свящ. муч.	28	Інноценц а	
Пон.	17	Маріне вел. мучце.	29	Маѳы	
Вто.	18	Вакїнѳа и Емїлїана	30	Абдона	
Сред.	19	Макріне сестр. в. В.	31	Ігнатіа	
Чет.	20	Пророка Илїе	1	Авгус. Ч. В.	☽
Пет.	21	Сїмеона и Іоанна	2	Порц унк.	
Суб.	22	Маріе Магдалине	3	Стефана	

У НедѢлю 8, Еванг. отъ Матѳеа зачало 58.

Нед.	23	Трофїма и Ѳеофїла	4	Доминика	
Пон.	24	Христїне мученице	5	Маріа Шне	
Вто.	25	Успенїе свящ. Анне	6	Преображ.	
Сред.	26	Ермолаа священнм.	7	Каетана До.	
Чет.	27	Пантелеимон. велик.	8	Кvріака	
Пет.	28	Прохора и Нїканора	9	Романа	
Суб.	29	Каллїнїка мученика	10	Лаврентіа	

У НедѢлю 9, Евангелїе отъ Матѳ. зачало 59.

Нед.	30	Сїле, и Аггел. Деся.	11	Сосанны	
Пон.	31	Евдокїма праведна	12	Клары	

АВГУСТЪ има 31 данъ.

Вто.	1	Происхож. честн. †	13	Іполіта
Сред	2	Мощи с. Стефана	14	Евсевіа
Чет.	3	Ісаакїа и Фавста	15	Успен. Б.
Пет.	4	7 Отроковъ у Ефес.	16	Рохуса и Іс.
Суб.	5	Евсїгнїа мученика	17	Ліберата

У НедѢлю 10, Евангеліе отъ Матѳеа зачало 72.

Нед.	6	Преображ. Хріс.	18	Елленьцар.
Пон.	7	Домет. Пулхеріе ц.	19	Лудвіка
Вто.	8	Еміліана Епіс. Кізіч.	20	Стеф. Кр.
Сред.	9	Матѳїа апостола	21	Іоанны
Чет.	10	Лаврентїа архїдїак.	22	Тімоѳеа
Пет.	11	Евпла муч. и дїак.	23	Філіппа
Суб.	12	Фотїа, и Анїките	24	Варѳоломеа

У НедѢлю 11, Еванг. отъ Матѳеа зачало 77.

Нед.	13	Максїма исповѢдн.	25	Лудовіка
Пон.	14	Міхеа пророка	26	Самуила
Вто.	15	Успеніе Богород.	27	Іосифа
Сред.	16	Святаго Убруса	28	Августіна
Чет.	17	Мїрона мученика	29	УсѢк. Іоан.
Пет.	18	Флора и Лавра м.	30	Розы
Суб.	19	Андреа Стратилат.	31	Раймунда

У НедѢлю 12, Еванг. отъ Матѳеа зачало 79.

Нед.	20	Самуила пророка	1	Сеп. Егідіа
Пон	21	Ѳаддеа апостола	2	Іодока
Вто.	22	Агаѳоника мученик.	3	Мансуета
Сред.	23	Луппа мученика	4	Розаліи
Чет.	24	Евпїха священном.	5	Вікторіна
Пет.	25	Варѳол. апос. и Тїта	6	Захаріи
Суб.	26	Адрїана, и Наталіе	7	Регіны

У НедѢлю 13, Еванг. отъ Матѳеа зачало 87.

Нед.	27	Преподобн. Пїмена	8	Рожд. Бог.
Пон.	28	Пр. Мойсеа Муріня	9	Горгоніа
Вто.	29	УсѢк. Іоанна кре.	10	Ніколаа
Сред.	30	Алексан. и Іоан. Пат.	11	Еміліи
Чет.	31	Честног. пояса Богр.	12	Товіи

СЕПТЕМВРІЙ има 30 дана.

Пет.	1	Сїмеона и Марое	13	Мавріка
Суб.	2	Маманта мученика	14	Воздвиж.

У НедѢлю 14, Еланґеліе отъ Матѳея зачало 89.

Нед.	3	Аноїма и Ѳеоктіст.	15	Нікодима
Пон.	4	Вавїлы Епїс. и Мовс.	16	Евфіміи
Вто.	5	Захаріа пр. и Єлісав.	17	Ламберта
Сред.	6	Евдоксіа мученика	18	Ѳомы †
Чет.	7	Созонта мученика	19	Констанц
Пет.	8	Рожд. Богородиц.	20	Евспахіа †
Суб.	9	Іоакїма и Анне	21	Матѳ. ап. †

У Нед. предъ воздвиженїемъ, Еванг. отъ Іоан. зач. 9.

Нед.	10	Минодоре, и Митр.	22	Мавріка
Пон.	11	Преподоб. Ѳеодоре	23	Ѳеклы
Вто.	12	Автонома священм.	24	Герарда
Сред.	13	Корнилїа сотника	25	Клеофы
Чет.	14	Воздвиж. честн. †	26	Кипріана
Пет.	15	Нїките великомуч.	27	Космы
Суб.	16	Евфимїе великомуч.	28	Вѣнцес. Кр.

У Нед. по воздвиженїю, Еванг. отъ Марка зачало 37.

Нед.	17	Софїе и чадъ нѢн.	29	Міхаила
Пон.	18	Евменїа Еп. Гортїн.	30	Іеронима
Вто.	19	Трофїма и Савват.	1	Окт. Реміг.
Сред.	20	Евстаѳїа великом.	2	Леодегарда
Чет.	21	Кодрата апостола	3	Кандіда
Пет.	22	Фоке и прор. Іоне	4	Франц. Сер.
Суб.	23	Зачатїе Іоанна крес.	5	Плаціда

У НедѢлю 17, Евангеліе отъ Луке зачало 17.

Нед.	24	Ѳекл. и Сїм. К. Серб.	6	Бруна
Пон.	25	Препод. Евфросїніе	7	Розіны
Вто.	26	Престав. Еванг. Іоан.	8	Брігитты
Сред.	27	Каллїстрата муч.	9	Діонусіа
Чет.	28	Препод. Харїтона	10	Фран. Бор.
Пет.	29	Преподоби. Кїріака	11	Еміліана
Суб.	30	Григорїа в. Арменїи	12	Максіміл.

ОКТОВРІЙ има 31 данъ.

У НедѢлю 18, Евангеліе отъ Луке зачало 26.

Нед.	1	Покровъ Богородиц.	13	Коломанна
Пон.	2	Кіпріана и Юстіне	14	Каліста
Вто.	3	Діонісіа Ареопагіт.	15	Терезін
Сред.	4	Ієроѳ. и Стеф. Щил.	16	Галла
Чет.	5	Харіпіне мученице	17	Хедвіги
Пет.	6	Ооме апостола	18	Луки Евагг.
Суб.	7	Сергіа, и Вакха	19	Фердінан

У Нед. 19, Еванг. отъ Іоанна зач. 56, и Луке зач. 30.

Нед.	8	Преподобн. Пелагіе	20	Феліціана
Пон.	9	Іакова ап. и Стеф. Д.	21	Уршулы
Вто.	10	Евлампіа мученика	22	Кордулы
Сред.	11	Філіппа апостола	23	Северіана
Чет.	12	Прова, Тараха муч.	24	Рафаила
Пет.	13	Карпа и Папіле	25	Кріспіна
Суб.	14	Прен. Параскеве	26	Димитріа

У НедѢлю 20, Евангеліе отъ Луке зачало 35.

Нед.	15	Евоїміа и Лукіана	27	Савіны
Пон.	16	Логгіна мученика	28	Сим. и Іуд.
Вто.	17	Осіи пророка	29	Киновіа
Сред.	18	Евангелїста Луке.	30	Клаудіа
Чет.	19	Іоили пророка.	31	Волфган
Пет.	20	Артемїа великомуч.	1	Нарм. Вс. е
Суб.	21	Іларіона преподобн.	2	ВсѢхъ душ.

У НедѢлю 21, Евангеліе отъ Луке зачало 83.

Нед.	22	Аверкіа Епіс. Ієрап.	3	Хуберта
Пон.	23	Іакова брата Господ.	4	Карола Бор.
Вто.	24	Ареѳе мученика	5	Емеріка
Сред.	25	Маркіана и Мартір.	6	Леонарда
Чет.	26	Димитріа велик.	7	Енгелберта
Пет.	27	Нестора мученика	8	Готтфріда
Суб.	28	Терентіа, Арсенїа А.	9	Ѳеодора

У НедѢлю 22, Евангеліе отъ Луке зачало 38.

Нед.	29	Анастасіе мученц.	10	Трифона
Пон.	30	Зинов. и Милут. К.	11	Март. Епіс.
Вто.	31	Стахіа, и Амплїа	12	Еміліана

НОЕМВРІЙ има 30 дана.

Сред.	1	Косме и Дамiана	13	Станислав
Чет.	2	Акiндiна, и Пигасiа	14	Арваама
Пет.	3	Акепсiме, и Iосифа	15	Леополда
Суб.	4	Прп. Iоаннiкiа Вел.	16	Едмундя

У НедѢлю 23, Евангелiе отъ Луке зачало 39.

Нед.	5	Галактiона, и Епiс.	17	Григорiа
Пон.	6	Павла Архiеп. Кпол.	18	Еугекiа
Вто.	7	33 Мучен. у Мелiш.	19	Елисаветы
Сред.	8	Михаила Архiст.	2	Фелiкса
Чет.	9	Онисифора, и Порф.	21	Вход Богор
Пет	10	Еразма, и Олiмпа	22	Цецiлiи
Суб.	11	Мине, и Стеф. Дич.	23	Климента

У НедѢлю 24, Евангелiе отъ Луке зачало 55.

Нед.	12	Iоанна милостивогъ	24	Iоанн Злат
Пон.	13	Iоанна Златоуста	25	Екатерины
Вто.	14	Фiлiппа апос. и Пок.	26	Конрада
Сред.	15	Гурiа, постъ Р. Х.	27	Вiргiлiа
Чет.	16	Матѳея Евангелiст.	28	Состена
Пет.	17	Григорiя Епiскопа	29	Сатурна
Суб.	18	Платона и Романа	30	Андреа

У НедѢлю 25, Евангелiе отъ Луке зачало 66.

Нед.	19	Авдiа пророка	1	Дек. Елiгi
Пон.	20	Григорiа Декапол.	2	Бiбiанны
Вто.	21	Входъ Богород.	3	Фран. Ксав
Сред.	22	Фiлимона апостола	4	Варвары
Чет.	23	Амфiлох. Еп. Iконiйс.	5	Саввы
Пет.	24	Екатерiне великом.	6	Николаа
Суб.	25	Климента Папе Р.	7	Амвросiа

У НедѢлю 26, Евангелiе отъ Луке зачало 71.

Нед.	26	Преподобн. Алiпiа	2	Зачат Бог.
Пон.	27	Iакова Персянина	9	Леокадiа
Вто.	28	Стефана Новогъ	10	Iудiѳы
Сред.	29	Парамона мученика	11	Дамаса
Чет.	30	Андреа первозванна	12	Аделхайды

ДЕКЕМВРІЙ има 31 данъ.

Пет.	1	Наума пророка	13	Луціи
Суб.	2	Аввакума и Уроша	14	Ніксіа

У Недѣлю 27, Евангеліе отъ Луке зачало 85.

Нед.	3	Софоніа пророка	15	Валеріа
Пон.	4	Бярваре великомуч.	16	Албіна
Вто.	5	Савве освященногъ	17	Лазаря
Сред.	6	Свят. Николая	18	Грацiана ✝ ●
Чет.	7	Амвросіа Епіс. Мед.	19	Немесіа
Пет.	8	Преподоб. Пьтаніа	20	Феофілак ✝
Суб.	9	Зачатіе Богородице	21	Фомы ап ✝

У Недѣлю 28, Евангеліе отъ Луке зачало 91.

Нед.	10	Ермогена и Іоан Д.	22	Зенона
Пон.	11	Даніила Столпника	23	Вікторіи
Вто.	12	Спіріідона Еп. Трім.	24	Адама
Сред.	13	Евстратіа и Авксен.	25	Рож. Хріе
Чет	14	Оіірса, Левкіа и Філ.	26	Стефана ☽
Пет.	15	Елевоерія священм.	27	Іоан Елагг
Суб.	16	Аггея Пророка	28	Нев млад

У Недѣлю 29, Евангеліе отъ Луке зачало 76.

Нед.	17	Даніила пророка	29	Фомы Еп
Пон.	18	Севастіана мученик.	30	Давіда
Вто.	19	Воніфатіа мученика	31	Сулвестра
Сред.	20	Ігнатіа богоносца	1	Ново лѣто
Чет.	21	Юліанїе мученице	2	Макарія
Пет.	22	Анастасіе великом.	3	Геновезы ●
Суб.	23	10 Муч. у Криши.	4	Тима

УНед. предъ рожд. Хріспов., Еванг. отъ Матѳ. зач 1

Нед.	24	Евгеніе мученице	5	Телесфора
Пон.	25	Рождество Хріс.	6	III Крали
Вто.	26	Соборъ Богород.	7	Валентіна
Сред.	27	Стефана Архід.	8	Саверіна
Чет.	28	Двутмму мученикъ	9	Іуліанны
Пет.	29	14 тысящъ младенц.	10	Павла Пус ☾
Суб.	30	Аніісіе мученице	11	Феодосіа

У Нед. по Рожд. Хрістову, Еванг. отъ Матѳ. зач. 4

Нед.	31	Преподоб. Меланіи	12	Ернеста

МѢНЕ И ПОГОДА - ВРЕМЕ - ЦѢЛЕ ГОДИНЕ.

МѢсецЪ Јануаръ.

МѢсеца овогЪ быти ће мѣсецЪ 3га у 2 часа и 23 минута пре полдне пунЪ. Четврть та пуномѣсечна быти ће облачна, снѣжна, а потомЪ ведра.

ПослѢдня четврть сбыт'ће се 11га у 5 часова и 29 мїнута после полдне. Ведра, но весма ладна.

НовЪ мѣсецЪ указат' ће се 17га у 10 часова и 15 мїнута пре полдне. СѢверныи вѢтрови раздѢлит' ћею облаке, и дани ћею быти прїятныи.

Прва четврть указат' ће се 25га у 2 часа, 45 мїн. после полдне. Зима ће несносна быти.

Февруаръ.

ПунЪ МѢсецЪ быти ће 1га у 1 часЪ и 24 мїн. пополдне. Четврти ове иѣи ће киша топла.

ПослѢдня четврть сбыти ће се 8га у 4 часа, и 57 мїн. пре полдне; време ће кишовито быти.

НовЪ мѣсецЪ указат' ће се 14га у 4 часа и

46 мїн. пре полдне. Четврть ова быти ће вѣтровита, ружна, и снѣжна.

Прва четврть видит' ће се 24га у 9 часова, 11 мїн. по полдне, и быти ће цѣла отвеђ студенна.

Мартъ.

Пунъ мѣсецъ быти ће 1га у 11 часова и 2 мїн. пополдне. Четврти ове траят' ће зима єднако.

Четврть послѣдня настат' ће 8га у 6 часова и 56 мїн. по полдне. Време ће отпустити отъ топлы киша, потомъ ће се разведрити.

Новъ мѣсецъ указат' ће се 16га у 10 часова и 42 мїн. по полдне. Четврть ова быти ће топла и лѣпа, а напослѣдакъ ладна.

Прва четврть указат' ће се 24га у 5 часова и 39 мїн. по полдне, и быти ће ладна и сува.

Пунъ мѣсецъ по другїй путъ истогъ овогъ мѣсеца указат' ће се 30га у 7 часова и 27 мїн. пре полдне. Четврть ова быти ће ладна и сува.

Апрїлъ.

Послѣдня четврть настае 7га у 10 часова и 54 мїн. пре полдне, съ почетка ће ладна, а на концу топла быти.

Новъ мѣсецъ указат' ће се 15га у 2 часа, и

47 мїн. пополдне, четврть ова быти ће топла. И веће ће грмити почети.

Прва четврть настае 23га у 1 часъ и 23 мїн. пре полдне. Четврть ова быт' ће вѣтровита.

Пунъ мѣсецъ указат' ће се 30га у 4 часа, и 54 мїн. пополдне. Четврть ова быти ће весма жарка, и по свой прилицы безкишна.

Маїй.

Послѣдня четврть починѣ 7га у 3 часа и 49 мїн. пре полдне, и быти ће жарка и сува.

Новъ мѣсецъ указат' ће се 15га у 4 часа и 20 мїн. пре полдне. Четврти ове иѣи ће киша благодатна.

Прва четврть настае 22га у 6 часова и 33 мїн. пре полдне, и быти ће по свой прилицы пріятна.

Пунъ мѣсецъ указат' ће се 29га у 2 часа и 32 мїн. пре полдне: Четврть ова быти ће съ почетка кишовита, поздніе свако ютро магловита

Юнїй.

Послѣдня четврть настае 5га у 9 часова и 7 мїн. по полдне, и быти ће кишовита.

Новъ мѣсецъ указат' ће се 13га у 3 часа и 24 мїи. пополдне. Четврть ова быти ће пріятна.

Прва четврть указат' ће се 20га у 10 часова

и 7 мїн. пре полдне, и бити ће жарка, а на концу кишовита.

Пунъ мѣсецъ указат' ће се 27га у 1 часъ и 35 мїн. пополдне; четврть ова бити ће кишовита.

Ю лїй.

Послѣдня четврть настае 6га у 2 часа, и 2 мїн. пополдне; съ почетка кишовита, а на концу пріятна.

Новъ мѣсецъ указат' ће се 13га у 10 часова и 24 мїн. пре полдне, благопріятни дани бити ћею и ове четврти.

Прва четврть являсе 20га у 3 часа и 39 мїн. пополдне: съ почетка прежарка, на концу кишовита.

Пунъ мѣсецъ указат' ће се 27га у 2 часа и 33 мїн. пре полдне. Четврть ова быт' ће кишовита.

Августъ.

Послѣдня четврть наступа 4га у 6 часова и 14 мїн. пре полдне; съ почетка пріятна, а на концу непостоянна.

Новъ мѣсецъ указат' ће се 11га у 8 часова и 21 мїн. пре полдне. Погода непостоянна.

Прва четврть указат' ће се 17га у 10 часова 57 мїн. пополдне топла, и кишовита.

Пунъ мѣсецъ указат' ће се 25га у 5 часова и 37 мїн. пополдне. Четврть ова быпи ће кишовипа съ грмлавиномъ.

Септемврїй.

Послѣдня четврть настае 2га у 9 часова и 2 мїн. по полдне, са свимъ пріятна.

Новъ мѣсецъ указат' ће се 9га у 4 часа и 19 мїн. по полдне; погода съ почетка лѣпа, а на концу кишовипа.

Прва четврть указат' ће се 16га у 9 часова и 39 мїн. пре полдне; кишовипа.

Пунъ мѣсецъ указат' ће се 24га у 10 часова и 33 мїн. пре полдне. И ова четврть быт' ће кишовипа.

Октоврїй.

Послѣдня четврть наступа 2га у 9 часова и 49 мїн. пре полдне. Съ почепка мупна и кишовипа, на концу пріятна.

Новъ мѣсецъ указат' ће се 9га у 1 часъ и 12 мїн. пополдне: съ почепка ове чепврти быпи ће доспа кише, а на концу дани пріятныи.

Прва четврть указат' ће се 16га у 0 час. и 12 мїн. пре полдне пріятна, на концу маглови-па и ладна.

Пунъ мѣсецъ указат' ће се 24га у 4 часа и

32 мїн. пре полдне: четврть ова бити ће сь почетка магловита, и ладна, мало потомь лѣпа, а напослѣдакь вѣтровита.

Послѣдня четкрть настае 31га у 8 часова и 25 мїн. пополдне: кишовита, потомь пріятна.

Ноемврїй.

Новь мѣсець указат' ће се 7га у 11 часова и 38 мїн. пре полдне. Погода ове четврти сь почетка мутна, и ладна, а на концу кишовита.

Прва четврть явит' ће се 16га у 6 часова и 19 мїн. по полдне, сь почетка кишовита, на послѣдакь лѣпа.

Пунь мѣсець указат' ће се 22га у 10 часова и 6 мїн. по полдне. Тай дань бити ће и помраченѣ илити ущрбь мѣсеца, кси ћемо и мы видити. Четврть ова обѣћава лѣпе даие.

Послѣдня четврть насшае 30га у 8 часова и 8 мїн. преполдне. Лѣпа, на послѣдакь сурова и ладна.

Декемврїй.

Новь мѣсець указат' ће се 6га у 11 часова и 52 мїн. пополдне. Четврть ова сь почетка ладна и неповольна, а на послѣдань снѣжна.

Прва четврть указат' ће се 14га у 3 часа и 8 мїн. по полдне. Снѣгь ће землю покрыти, и за шимь ће люта стужа настапи.

Пунъ мѣсецъ указат' ће се 22га у 5 часова, и 31 мїн. по полдне. Четврти ове быт' ће стужа їошште люта.

Послѣдня четврть наступит' ће 29га у 1 часъ и 57 мїн. пополдне. Студена, као и протаста.

РОДОСЛОВЪ.

Садашньи Влядѣтеля у Европи.

Царства.

АУСТРІА.

ФРАНЦЪ I. Наслѣдственный ИмператорЪ Аустрїйскїй, Краль Мачжарскїй и Чехскїй. РожденЪ 31га Януара год. 1760. ступїо на престолЪ свїю наслѣдственны Аустрїйски Држава 18га Февр. 1792.

Марїа Лудовика, Императрица и Кральица, рождена 2га Декемвра 1787; Сестра отЪ Тетке Є. В. Императора; ступила у бракЪ сЪ Є. В. ИмператоромЪ 25га Декемвра 1808: прѣња Супруга Императорова.

Чада Є. В. Императора и Краля.

Сва стЪ второга брака сЪ МарїомЪ Терессїомъ, блаженопочившомЪ. И убо:

Марїа Луиза, Императрица Французска, Супруга Императора Наполеона, сада шня Херцогиня Пармїйска и Пяченцска: рожд. 30 Ноем. 1791.

ФердинандЪ КаролЪ ЛеополдЪ ІосифЪ, НаслѢдникЪ Царства, рожд. 6/19га Апрїла 1793.

Леополдина Каролина, рожд. 9/22га Января 1797.

Марїа Клементїна, рожд. 18га Февруара 1798.

Каролина Ферднинанда, рожд. 15/27га Марта 1801.

ФранцЪ КаролЪ ІосифЪ, рожд. 13/25га Ноемвра 1802.

Марїа Анна ФранцїскаТересїа, рожд. 15/27га Маїа 1804.

Брать Є. В. Императора.

ФердинандЪ ІосифЪ, бывшїй Князь великїй Вырцбургскїй, сада Тосканскїй рожд. 11/24га Апрїла 1766.

КаролЪ ЛудовикЪ, рожд. 11/24га Авг. 1771.

ІосифЪ Антонїй, ПалатинЪ Мачжарскїй, рожд. 14/27га Апрїла 1776.

Антонїй ВикторЪ, рожденЪ 18/31га Юлїа 1779.

ІоаннЪ БаптїстЪ, рожд. 20га Января 1782.

Райнерѣ Іосифѣ, рожд. 17/30га Септемвра 1783.

Лудовикѣ Іосифѣ, рожд. 14га Декемвра 1784.

Рудолфѣ Іоаннѣ Іосифѣ, рожд. 12га Јануара 1788.

Сестра Є. Величества.

Марїа Терезїа, за Кралѣмѣ Саксонскимѣ, рожд. 18га Октовра 1746.

Маши Єя В. Императрице.

Марїа Беатрикѣ, Княгиня Моденска, рожд. 1780.

Браћа Єя В. Императрице.

Францѣ Іосифѣ Каролѣ, рожд. 24га Септемвра 1779.

Фердинандѣ Каролѣ Іосифѣ, рожд. 24га Апрїла 1781.

Максїмїлїанѣ Іосифѣ, рожд. 14га Јулїа 1781.

Сестре Єя В. Императрице.

Марїа Терезїа, рожд. 20га Окт. 1773. за Кралѣмѣ Сардинскимѣ Викторомѣ.

Марїа Леополдина Анна, рожд. 28га Ноем. 1776 удова Княгиня Пфалцска.

РОССІА.

Александеръ Павловичь I. Императоръ Всея Россіи, рожд. 23га Декем. 1777. на престолъ ступіо 24га Марта 1801.

Єлисавета Алексіевна, Императрица Всея Россіи, рождена кѣи Наслѣдногa Князa Бадеискогb: вѣнчаласе сb Императоромb Александромb 9га Окт. 1793.

Маши Є. В. Императора.

Маріа Феодоровна, Госпожа Маши и Императрица.

Браћа Є. В. Императора.

Константіинb Цесаревичь, великій Князь, рожд. 28га Маіа 1779.

НіколайПавловичь, рожд. 2га Юліа 1796.

МіхаилЪ Павловичь, рожд. 8га Февруара 1799.

Сестре Є. В. Императора.

Маріа Павловна, рожд. 1786 год. Херцогиня Ваймарска.

Катарина Павловна, рожд. 1788 год. Херцогиня удова Олденбургска.

Анна Павловна, рожд. 1795 год. неудата.

ТУРСКА.

Махмудъ, рожд. 1785. ступїо на престолъ год. 1810.

Кралѣвства.

ЕНГЛЕЗСКА.

Георгїй III. Краль Енглезскїй, рожд. 4га Юнїа 1738; ступїо на престолъ 25га Окш. 1760.

Софїа Каролина, Кральица, рожд. 19га Маїа 2744.

Откако є Краль болестанъ, управля дѣлы државны Прїнцъ Регентъ Георгїй Фридрихъ Августъ, аки Наслѣдныїй Князь Енглезскїй, рожд. 12га Авг. 1762.

ПРАЙЗСКА.

Фридрихъ Вилхелмъ III. Краль Прайзскїй, рожд. 3га Авг. 1770, ступїо на престолъ 16га Ноемвра 1797.

Удовъ.

Наслѣдныїй Князь Фридрихъ Вилхелмъ, рожд. 15га Октовра 1795.

ФРАНЦУЗСКА.

Лудовикъ XVIII. Краль Францускїй и Наваррскїй, рожд. 1755 год. ступїо на пре-

столъ год. 1814 у мѣсецу Юлїю, после двадесетогодишнѣга свогъ отсутствїя.

Удовъ, и безъ дѣце.

СПАНІА.

Фердинандъ VII. Краль Спанскїй, рожд. 14га Окт. 1784. ступїо на престолъ год. 1814 у мѣсецу Юлїю, шестъ година у Француской сь Отцемъ своимъ Каролом IV. у робству пробавившїй. Пре нѣга быо єКралѣмъ Іосифъ Бонапарте.

Марїа Антонїйна Терезїа, Кральица, кѣи Фердинанда IV. Краля обе Сїцїлїе.

Безчадныи.

ДАНСКА.

Фридрихъ VI. рожд. 28га Януара 1768; ступїо на престолъ їошть год. 1784. кадъ є заєдно сь покойнымъ своимъ Отцемъ Христїаномъ VII. владапи почео.

Марїа Софїа, Кральица, рожд. Кнагиня Хессен-Касеелска.

Фридрихъ Хрїстїанъ, Сыноваць и Наслѣдникъ, рожд. 1753 год.

ШВЕДСКА и НОРВЕГСКА.

Каролъ XIII. Краль Шведскїй и Норвегскїй, рожд. 1748 год. ступїо на престолъ 1809 год. после сбаченогъ Густава IV.

Хедвига Єлисавета, Кральица, рожде-на кѣи Херцога Холштайнско-Олденбургскогѣ и Еп:їскопа Любечскогѣ.

Каролѣ Іоаннѣ, Наслѣдникѣ, рожд. 1774 год. посынѣнѣ.

БАВАРСКА.

Максѣ Іосифѣ, Краль Баварскїй, рожд. 1756. ступїо на престолѣ Кралѣвскїй 1806, дотле Курфырстѣ само бывшый.

Фридерика Вилхелмїйна Каролина, Кральица, рожд. Княгиня Баденска.

Каролѣ Лудовикѣ, Наслѣдникѣ, рожд. 25га Августа 1786.

ВЫРТЕМБЕРГСКА.

Фридрихѣ II. рожд. 1754 год., ступїо на престолѣ Кралѣвскїй 1806, дотле чрезѣ 4 године Курфырстѣ бывшїй.

Каролина Августа Матилда, рожд. Княгиня Енглезска.

Фридрихѣ Вилхелмѣ Каролѣ, рожд. 1781. Наслѣдникѣ.

СІЦІЛІА.

Фердинандѣ IV. Краль обе Сїцїлїе, рожденѣ 12га Януара 1751. Ступїо на престолѣ 6га Октовра 179[illegible]. а на престолѣ Неаполитан-

скїй 1815 год: по паденїю Іоакїма Наполеона (Мырата) отъ 1806 допле Кралѣмъ Неаполитанскимъ бывшегъ. Удовъ. Наслѣдникъ Леополдъ.

САРДІНІА.

Викторъ Емманулъ, Краль Сардїнїйскїй, рожд. 11/24га Юлїа 1795; ступїо на престолъ 1802 год.

Терезїа, Кральица, кѣни Ерцхерцога Фердинанда.

ПОРТУГАЛЛІА.

Марїа Францїска, Кральица Португалска, рожд. 17га Декем. 1734, ступила на престолъ год. 1777.

Іоаннъ Максїмїлїанъ Лудовикъ Іосифъ, Наслѣдникъ и Регентъ, рожд. 13га Маїа 1767.

ДРЖАВА РИМСКА.

Пїюсъ VII. Папа Римскїй, пре тога Григорїй Варнава Карамонтїй званъ, рожд. 14га Авг. 1742. изабранъ у Млетцкама (Венецїи) 24га Марта 1800.

ВЫШША ДУХОВНА ДОСТОИНСТВА

ВОСТОЧНЕ ЦЕРКВЕ.

Архїепїскопъ и Митрополїтъ.

Є. Превосходителство, Высокопреосвященнѣйшїй и Высокодостойнѣйшїй Г. Стефанъ Стратимировичъ Кулпинскїй, православный Архїепїскопъ Карловачкїй, и цѣлогъ у Држављамъ К. К. находећегсе народа Србскогъ и Валахїйскогъ Митрополитъ, Ордена Импер. Австрїйскогъ Леополдовогъ великога Крста Кавалѣръ, и дѣйствителный тайный Совѣшникъ Є. К. К. и А. Величества.

ГГ. Епїскопи.

Епархїа Арадска удова.

Г. Данїилъ Влаховичъ, Епїскопъ Буковинскїй.

Г. Дїонїсїй Поповичь, Епїскопъ Будимскїй.

Є. Превосход. Г. Стефанъ Аввакумовичь, Епїскопъ Темишварскїй, и Є. К. К. В. дѣйствит. Тайный Совѣтникъ.

Є. Превосход. Г. Петръ Іоанновичь Видакъ, Епїскопъ Вершачкїй, и Є. К. К. В. дѣйствит. тайный Совѣтникъ.

Г. Гедеонъ Петровичь, Епїскопъ Бачкїй.

Г. Іосифъ Путникъ, Епїскопъ Пакрачкїй и Вараждинскїй.

Є. Превосх Г. Мойсей Мїоковичь, Епїскопъ Карлштадтскїй, К. К. дѣйствителный Тайный Совѣтникъ.

Г. Васїлїй Мога, Епїскогъ Ердельскїй.

ГГ. Архїмандрїти.

Г. Ісаїй Георгїевичь Балашескулъ, Архїмандрїтъ Монастыра Драгомирне, у Буковини.

Г. Павелъ Кенгелацъ, Архїмандр. Св. Георгїа у Темишварской Епархїи, Присѣдатель Консїсторїума Епархїалногъ.

Г. Прокопїй Боличь, Архїмандр. Мон. Раковца у Епархїи Архїепїскопской, Консїсторїума исте Епярхїе, и Вармедьа Темишварске, Крашовске и Сремске Присѣдатель.

Г. Сїнесїй Радивоевичь, Архїмандрїтъ

Мон. Месића у Епархїи Вершачкой, Маловъ Креста Ордена Леополдова Кавалѣръ, и Консї-сторїума, и Вармедье Темишварске Присѣдатель.

Г. Павелъ Хажићъ, Архїмандр. Мон. Гергетега у Епархїи Архїепїскопской, Консїсторїума и Вармедье Сремске Присѣдатель.

Г. Лукїанъ Мушицкїй, Архїмандр. Мон. Шишатовца у Архїепїскопской Епархїи, Консїсторїалный Присѣдатель.

Г. Августїнъ Петровичь, Архїмандр. Мон. Бездина у Епархїи Темишварской, и Консїсторїума Епархїалногъ Присѣдатель.

Г. Димитрїй Крестич, Архїмандрїтъ Мон. Крушедола у Епархїи Архїепїскопской: и Консїсторїе Присѣдатель.

Г. Антонїй Графъ Бранковичь, Архїм. общежителногъ монаст. Опова у Архїепїскопской Епархїи, и Консист. Прнсѣдатель.

Г. Мойсей Мануйловичь Архїм. Мон. Ходоша у Епархїи Арадской Конс. Присѣд.

Архїмандрїство Монастыра, Грабовца, Ковиля и Ораовице удово стои.

Назначенѣ торгова илити вашара.

У АУСТРІИ.

У Вїенни, 1 Понедѣлньика по Юбилати } по 30 дана
2 дана после сви светы
О Маргарети, 14 дана

У Градцу у первой половини поста } 3 седмице.
О Егїди.

У Линцу 1 Понедѣльникъ по воскресенїю рим: и
61 Августа. Свакїй по 3 седмице.

У ЧЕХСКОЙ.

У Прагу у среди поста великогъ, и
О свет. Вѣнцеславу. Свакїй по 3 седмице

У МОРАВСКОЙ.

У Брынну (Брню) 1 Понедѣлникъ по пепелявой среди.
У Понедѣлникъ по брашанчеву.
3га Септемвра
У Понедѣлникъ после зачатїя Хрїстова. Свакїй по 3 седмице.

У ШЛЕЗІИ.

У Тропави 1га Февр. трае 14 дана.
1га Маїа — 8 —
1га Авг. — 14 —
1га Ноем. — 18 —.
Свагда єданъ данъ пре марвенный торгъ.

У МАЧЖАРСКОЙ.

У Пешти. 19га Марта, 8га Юнїа, 29гъ Августа, и 15га Ноемвра.

У Дебрецїну, на 3 Краля, 24гъ Апрїлїа, 15га Августа, и 9га Октовра.

У Араду, 1 Марта, 29 Януара, 1 Августа, и 4 Ноемвра.

У Баи Бачке Вармедье, на 1 данъ напредъ марвенный вашаръ быва, 22 Юлїа, 21 Септемвра и 6 Декемвра.

* У Броду 10 Януара, 14 Апрїлїа, 10 Юлїа, и 8 Октовра.

У Будиму, 1 Марта, 27 Юнїа, 14 Септемвра, и 30 Ноемвра.

У Вацу, 25 Февруара, на єданъ данъ предъ цвѣтни, 2 Юлїа, 16 Октовра, на недѣлю дана предъ рождествомъ Хрїстовымъ.

* У Верщцу, у Недѣлю цвѣтну восточне цркве, и 28 Октовра.

У Весприму, 6 Јнуара, 12 Марта, 10 Августа, и 6 Декемвра.

* У Винковцы, 22 Јнуара, и 22 Юлїа.

* У Вуковару, 1 Маїа.

У Гачу, 25 Јнуара, на великїй ПонедѢлникЪ, 15 Юлїа, 1 Септемвра, 25 Ноемвра, и 13 Декемвра.

У Градишки Новой, о Рождеству пресвяте Богородице по нашему Календару, и 15 Октовра,

* У Градишки старой, 29 Септемвра.

У Гьармату, 2 Февруара, у 4 ту НедѢлю Четыредесятнице, 1 Маїа, 20 Августа, и 29 Септемвра.

У Гьуру, у 2-ру НедѢлю четыредесатнице, у Среду по БлаговѢщенїЮ, у Среду предЪ Брашанчево, 22 Юлїа, 8 Септемвра, и 19 Ноемвра.

У Егри Хевешке Бармедье. 10 Јнуара, 12 Маїа, 29 Юнїа, 7 Юлїа, и 29 Септемвра.

У ЕперѢшу, 27 Јнуара, у НедѢлю пресвяте Троице, 10 Августа, и 30 Ноемвра.

* У Земуну, 24 Февруара.

* У Іригу, предье на 1 данЪ марвеный ваварЪ, 3 Февруара, 24 АпрїлїА, 8 Септемвра, и 15 Ноемвра.

* У Іллоку, 13 Юнїа, 2 Авг., и 23 Октов.

У Каныжи, 1 Маїа и 19 Септемвра.

У Кежмарку, у 1 ву НедѢлю четыредесятни-

це, у 1 ву Недѣлю по недѣли пресвяте Троице, 3 Маїа, 14 Септемвра, и 13 Декемвра.

У Кечкемету, 12 Марта, 10 Маїа, 10 Августа, 29 Септемвра, и 25 Ноемвра.

* У Кикинди, о Рождеству пресвете Богородице по нашемѣ Календару.

У Коморану, 1 Маїа, 29 Юнїа, 4 Окшовра, и 30 Носмвра.

У Кракови, о Мїholю дну.

У Кремницу, 4 Маїа, и 2 Августа, и у четвртакѣ по Мїholю дну.

У Левчи у Цїпской, 1 Януара у 5-ту Недѣлю по Воскресенїю; 25 Юлїа, и 16 Октовра.

* У Лугошу у Банату Крашовске Вармедье, 10 Февруарїа, 10 Маїа, 2 Юлїа, и 21 Октовра.

* У Митровицы. у Недѣлю цвѣтну по нашемъ Календару, о вознесенїю Господнѣмъ такодье по нашемъ; О Петрову дану восточне церкве, и 29 Септемвра.

У Мохачу, 25 Февруара, 17 Апрїлїа, 24 Юнїа, 14 Ноемвра, и 21 Декемвра.

У Ораовицы у Банату, 3 Маїа, 14 Септемвра, и 25 Ноемвра.

У Осеку, 20 Януара, 24 Апрїлїа, и 30 Юлїа.

У Острогону, 12 Марта, 25 Маїа, 10 Августа, и 1 Ноемвра.

* У Панчеву, о Петрову дану восточне цер-

кве, и о Рождеству пресвате Богородице восточне церкве.

У Петроварадину, 25 Февр. и о Петрову дну.

У Печую, 2 Февруара, о Духови. 27 Авг. 25 Ноемвра, на 2 дана прежде марвеный ватарЪ.

У Пожеги, 17 Januara; У НедЂлю цвЂтну. О Духови, 23 Юніа, 10 Августа, и 15 Октовра.

* У Раковцу, О Преображенію восточне церкве, и 27 Септемвра.

У Рима Сомбату (Großsiffeldorf) у ХонтЪ Бармедьи, 6 Januara, 15 Маіа, 13 Юліа, 29 Августа, и 21 Октовра.

* Руми, у НедЂлю пвЂтну восточне церкве. О Вознесенію ГосподнемЪ, 29 Юніа, и 29 Септемвра.

У Сегедину, 14 Апріліа, 31 Юліа, 29 Септемвра, и 30 Ноемвра.

У СентЪ-Андреи близу Будима, 5 Маіа, 1 Августа, и 20 Октовра, предье на 1 дань марвеный ваштарЪ.

У Сенти, 17 Августа, и 19 Ноемвра.

У Сомбору, 25 Марта О Вознесенію ГосподнімЪ восточне церкве. О Усвенію БогородичномЪ восшочне неркве, и 1 Ноемвра.

У СполномЪ БЂограду, у 1-ву НедЂлю четыредесятнице, 24 Апріліа, 24 Юніа, 24 Августа, и 26 Октовра, свагда у ВторникЪ.

У Тати Коморанске Вармедье, у 1 Недѣлю по Пасцы. У Недѣлю пресвете Троице, 29 Августа, и 5 Ноемвра.

* У Темишвару, 19 Марта, 1 Юнїа, 29 Септемвра, и 17 Декемвра.

У Токаю, 25 Марта, 24 Юнїа, 26 Юлїа, 21 Септемвра, 26 Октовра, и 21 Декемвра.

У Турскомъ Бечею, у Недѣлю цвѣтну, 7 Августа, и 3 Октовра.

У Трнави, 22 Януара, у 1-ву Недѣлю четыредесятнице, 24 Апрїлїа, 15 Юнїа, 25 Юлїа, у Недѣлю по Рождеству Богородичномъ, 28 Октовра, и 9 Декемвра.

У Фїлми, 15 Юнїа.

* У Франьови у Банату о пророку Іеремїи восточне церкве.

У Футоку Бачке Вармедье, 5 Апрїлїа, о Благовѣщенїю восточне церкве, 26 Маїа, о Духовы восточне церкве, и Митрову дну восшочне церкве, на 1 дань предье марвеный вашаръ быва.

* У Чакови у Банату, 30 Марта, о Мїхолю дану восточне церкве, и 11 Ноемвра.

У Шїклошу, у Недѣлю пресвете Троице, и 30 Ноемвра.

У Шопроню, у вторникъ 1-ве Седмице четыредесетнице, 1 Маїа, 13 Юлїз, 6 Августа, и 19 Ноемвра.

СПИСАКЪ.

Поглавитыи купечески или трговачки градова:

Амстердамъ и Антверпенъ (у Холландской).
Аугсбургъ (у Швабской).
Берлїнъ (у Прайзской).
Бошцснъ (у Тиролской).
Брауншвайгъ (у Нѣмецкой).
Бременъ (у Нѣмецкой).
Врашиславъ — Бреслау — (у Шлезской).
Вїена (у Аустрїи).
Гданскъ — Данцїгъ — (у Прайзской).
Генуа (у Италїи).
Копенхагенъ (у Данской).
Кралѣво — Кенигсбергъ — (у Прайзской).
Ливорно (у Италїи).
Липско — Лайпсикъ — (у Саксонской).
Лисавонъ (у Португаллской).
Лондонъ (у Енглезской).

Любека — Лыбекъ — (у Нѣмецкой).
Мадридъ (у Спанїи).
Магдебургъ (у Нѣмецкой).
Мемелъ (у Прайзской).
Милано — Майландъ — (у Италїи).
Москва (у Россїи).
Неапель у Неаполитанской).
Нырнбергъ (у Баварской).
Парижъ (у Французской).
Петерсбургъ (у Россїи).
Пешта (у Мачжарской.)
Прагъ (у Чехской).
Ревалъ (у Россїи).
Рига (у Россїи).
Римъ (у Италїи).
Ростокъ (у Нѣмецкой).
Стралсундъ (у Помораніи Шведской).
Трїестъ (у Иллїріи).
Штеттинъ (у Нѣменской).
Шпокхолмъ (у Шведской).
Франкфуртъ на Майни, а другїй на Одри (у Нѣмецкой).
Хамбургъ (у Нѣмецкой).

ГГ. ПРЕНУМЕРАНТИ

Превосходителнѣйшій, Преосвященнѣйшій, и Высокодостойнѣйшій Г. Стефанъ Стратимировичь Кулпинскій, православный Архїепископъ Карловачкій, и Митрополитъ Србскогъ и Блашкогъ Народа, К. К. Дѣйствителный тайный Совѣтникъ, и Кавалѣръ Великога Крста Ордена Императорско-Аустрїйскогъ Леополдовогъ. 30.

Є. Превосходит. Г. Мойсей Мїоковичь, Епїскопъ Карлштадтскій, и К. К. дѣйствителный тайный Совѣтникъ. 20.

Є. Преосвященство Г. Гедеонъ Петровичь, Епїскопъ Н. Садскій. 30.

Є. Преосвящ. Г. Данїилъ Влаховичь, Епїскопъ Буковпнскій.

Є. Преосвящ. Г. Іосифъ отъ Путникъ, Епїскопъ Пакрачкій.

Є. Преосвящ. Г. Бенедиктъ Кралѣвичь, Епїскопъ Далматїинсиій.

ГГ. Архїмандрїти.

Прокопій Боличь, Архїмандрїтъ Раковачкій.
Сїнесій Радивоевичь, Архїм. Месичкій.
Лукїанъ Мушицкій, Архїм. Шишатовачкій.
Августинъ Петровичь, Архїм. Бездинскій.
Димитрій Крестичь, Архїм. Крушедолскій.
Мойсей Манойловичь, Архїм. Ходошскій.
Герасїмъ Зеличь, Архїм. Крупскій у Далмацїи.

Г. Стефанъ Станковичь, Протосингьелъ Па
крачкій.

Ада.

Г. Максїмъ Райковичь, Нотарїй. Гавріилъ Манойловичь, Трговацъ.

Ст. Андрей.

Г.Г. Павелъ Аманацковичь, Катехета; и Г. Димитрїй Исайловивь, Професоръ у заведенїю училища педагогически. — Г. Месаровичь, Учителъ Юносши Србске мѣспне.

С. АрадЪ.

Господа.

Савва Благор. отъ Арсичь, Бургермайстеръ. Іосифъ Орловичь, Нїколай Поповичь, и Георгїй Фруша Сенатори. Емануилъ Пулїо, прьый Нотарїй Георгїй Иличь, Туторъ пупил. Павелъ Марковичь Емануилъ Хажичь, Димитрїй Константїновичь и Марко Бабичь, Членови общества. — Александръ Лазаревивь, Нїколай Клаичь, Павелъ Вушичь Трговцы. — Георгїй Стефановичь, купледѢй.

Госпоже.

Евстахїа отъ Арсичь. Елена Лазарова.

Бая.

Господа.

Самуилъ Ненадовичь, Сенаторъ. Урило Златинковичь, шрговацъ. Георгїй Янковичь.

БелегишЪ.

ГГ. Кїрїлъ СабовлѢвичь, Парохїе Спомощникъ.

Н. Бечей.

Господа.

Гавріилъ Константїновичь, фискалъ. Лука Кисичь,

Іоаннъ Тимарчевичь, Теодоръ Нїколичь, и Гавр. Максїмовичь Трговцы. Павелъ Петровичь, Учитель Србскїй. Димитрїи Кисичь, сынъ; и Рахила Кисичева, кћи Луке Кисича.

Ст. Бечей.

Г. Георгїй отъ Чокичь, дисприкт. Потискогъ округа Членъ. Ісїдоръ Стояновичь трговацъ.

В. Бечкерекъ.

ГГ. Еммануилъ Іоаннъ Георгїевичь, и Несторъ Димитр евичь, Купцы.

Бочаръ.

Г. Петръ Заричь, Трговацъ.

Господа.

Будимъ.

Г.Г.Іоаннъ Витковичь, Парохъ. Георгїй Станковичь. Андрей Крестичь.

Господичне.

Єлена Чапа, и Анна и Єлисавета Банди.

Варазднинъ.

Г. Тома Георг евичь. Трговацъ. —

Вершацъ.

ГГ. Савва Стефаеовичь, Парохъ, Димитрїй Младеновъ, Дїаконъ и Учишель — Вршачкїи. — Г. Димитрїй Пешо, Пошаръ. 2. — Аксентїй Николаевъ, Живописацъ; Лазарь Везенковъ, и Лазаръ Нанчинъ — Трговцы.

Войловица.

Предоб. Г. Іоанникїй Милковъ, Игуманъ Ман. Войловице. 3.

Винковцы.

Прч. Г. Теодоръ Кндеричь, Протопресвїтеръ Г. Станиславо-Поповичь, Трговацъ.

Ваць.

ГГ. Стефанъ, Мойсей и Васїлїй Ивїяни — Трговцы — 3.

Вїенна.

Господа.

Г. Благородный Георгїй отъ Диванъ, земледрж. Подскїй у Попнсїю — 3. Васїлїй Демеличь, отъ Панѣве. Мїхаилъ Бояджїй, Учитель Грчкїй. Димитрїй Нешичь, Адвокатъ. Александръ Милуновичь, Лѣкаръ. Сїмеонъ Янковичь, Георгїй Іоановъ 2. Братїя Владиславъ Петръ Вулко и Георгїй Вулко-Гьина, Тома Симичь, и Димитрїй Тирка Трговцы. ГГ. Емануилъ Іоаниъ Георгїевичь, Георгїй Кажимиръ, Марко Брапочличь Петръ Демеличь, Мїхаилъ Дерра и Мїхаилъ Ѣопека Купледѣи. Г. Милетичь, К. К. числителный Савѣтникъ.

Госпоже.

Сарра отъ Демеличь, Господич. Софїа отъ Демеличь

Вранѣво.

Господа.

Г. Александръ Іоянновичь, Парохъ. Кїрїлъ Юрасъ, Касиръ. Братїя Катетановичь, Теодоръ Секуличь, Іоаннъ Сервинацъ, Іосифъ Максїмовичь, и Арсенїй Главашкїй — Трговцы.

Вуковарь.

Господа.

Нїколай Плавшичь, Іоаннъ Мїхаиловичь, Хрїстофоръ Мїхаиловичь, Георгїй Петровичь, и Гавріилъ Гавріиловичь, Трговцы. Атанасїй Лазаревичь, Трговацъ — 2.

Балаша-Гьармать.

Господа.

Іоаннъ Бозда, Іоаннъ Аввакумовичь, Георгїй Селидъ, Іоаннъ Сплнковичь, и Стефанъ Гарба, Трговцы.

Габошь.

Г. Кїрїлъ Гавріиловичь, Парохъ.

Госпић.

Г. Димитрїй Соларъ, КК. Оберлїетн. Аудиторъ.

Грегуревцы.

Господа.

ГГ. Васїлїй Марковичь, и Фїлїппъ обрадовичь Пароси Грегуревачкїй. Станиславъ Обрадовичь, Учитель, и Григорїй Іоанновичь, Ученникъ.

Даль.

Господа.

ГГ. Пароси. Аксентїй Поповичь и Косма Миланковичь, Теодоръ Миланковичь, Ишпанъ. Нїколай Живковичь, Адюнктъ. Георгїй Георгїевичь, Кнезь. Евтїмїй Вармеджїа, Нотарїй. Іоаннъ Спефановичь, Учитель. Андрей Караянковичь, Лазаръ Кнежевичь, Павелъ и Васїлїй Спефановичи — Трговцы.

Дивошь.

ГГ. Константинъ Фрушичь и Апанасїй Мїхайловичь, Трговцы.

Донауфелдварь.

Г. Михаилъ Янковичь. Трговацъ — 10.

Загребъ.

Господа. Трговцы.

Мировичь и Поповичь — 5 — Данїйлъ Якшичь — 2 —

Кїрїлъ Сукнянчь — 6 — Нїколай Мїровичь — 2 — Димитрїй Новаковичь — 2 — Марко Кузмановичь.

Земунъ.

Господа.

Преч. Г. Євтїмїй Ивановичь, Протопресвїтеръ, Спїрїдонъ Сеничь, Іеродїаконъ и Учитель. Іоаннъ Кїрица, Мїхаилъ Павковичь — 2 — Живко Васїлїевичь, Константїнъ Соларъ, Петръ Хажи Баичь, Братїя Лекко, Димитрїй Томичь, Димитрїй Спирта, Георгїй Романовичь Стефанъ Романовичь, Трговцы. Теодоръ Неделовичь, Купледѣй. Лазаръ Костичь, Кроячъ, и Живво Максїмовичь и Павелъ Каичевичь, Сапунджїе. Мїхаиль и Лазаръ Давїдовичи, Лебцелтери. Нїколай Штоларъ, контумацкїй служитель.

Карловцы.

Господа.

Григорїй Гершичь, Дїректоръ Сремскїй, Іоаннъ Живковичь, Яковъ Гершичь и Георгїй Магарешевичь, Професcори Гїмнасїе. ГГ. Евтїмїй Стоичевичь и Іоаннъ Арсенїевичь, Пароси. Марко Гойковичь, Александръ Живковичь, Константїнъ Стойшичь, Капит. Ландвера Карлов. Тїмотей Сїмеоновичь, Матей Живойновичь, Петръ Марїнковичь Павелъ Маринковичь, Іоаннъ Обрадовичь, Нїколай Савковичь, Андрей Кїрїловичь, Евтїмїй Славковичь, Петръ Слаккаменацъ, Трговцы и Домостроителѣи.

Госпоже.

Благородне Графыня отъ Бранковичь, Єлена отъ Замфїръ. Наталїа Стефановичь.

Господа:

Карлстадтъ.

Мусулинъ Димитрїй — 2 Іоаннъ Димичь — 2 —

Григорїй Малешевичь, Лазаръ Ладьевичъ, Димитрїй Живковичь, Сїмеонъ Мусулинъ, Андрей Вуичичь, Радомировичь и Бладиславъ, Григорїй Кушевичь, Сїмеонъ Роксандичь, Іосифъ Поповичь, Сїмеонъ Кисичь, Данїилъ Любопина, Іоаннъ Теодоровичь, Антонїй Маливукъ, и Нїколай Вилличь, Трговцы.

Госпожа:

Екатерина Живковичка.

Т. Канижа.

Господа:

Влагород: Г. Георгїй отъ Сервїйскїй, землѣдржацъ Канижскїй. Александръ Жигичь, Провисоръ. Чч. Гг. Парохъ Т. Канижскїй Дамїанъ Магаращевичь. Георгїй Завишичь, Нотарїй. Яковъ Нецичъ, Соларъ. Мардарїй Антоновичь, Мїхаилъ Янковичь, и Северинъ Димитрїевичь, Трговцы.

В. Канижа.

Г. Анастасїй Добровичь, Трговацъ.

В. Кикинда.

Господа:

чч. гг. Ксенофонтъ Блаховичь, и Іоаннъ Поповяпь, Пароси. Лука Кенгелацъ, Директоръ. Благород: Александръ отъ Стояновичь, и Іосифъ Шрибльъ, Сенатори дистриктуалнїи. Іоаннъ Таназевичь, Вице: Нотарїй: Фїлїппъ Вайдичь, Вице: Фикалъ; Іоаннъ Маргетичь, Акцесистъ. И Лазаръ Поповичь, Урошъ Теодоровичь, Константинъ Янковичь, Ілїа Томашевичъ, Енохъ Стояковичь, трговцы.

Господичне:

Софїа отъ Стояновичь, Марїа Недичь, Хрїстїна Стефановичь, Терезїа Виловскїй, Меланїя отъ Стояновичь, Рахїла Стояновичь, Софїа Поповичь, Марїа Трифунацъ, Софїа Исааковичь. Юлїанна Стефановичь.

Кишфалу.

Преч. Г. Савва Косичь, Протопресв. Мохачко: польсскїй.

Коморанъ.

Г. Стефанъ Ненадовичь.

Костайница.

ГГ. Радаковичеви Сынови. — 3. — Г. Сїмеонъ Беричь, прговцы.

Кутрица.

Госпожа Анна Габбо, родь. Лаюлъ.

Львовъ (Лембергъ).

Г. Станиславъ Анпичь, Трговацъ.

Лежимиръ.

Г. Теодоръ Дочичь, Кречаръ.

Мартоношъ.

Г. Іоаннъ Єремичь, Нотарїй.

Мезыхегьешъ.

Г. Нїколай Поповичь, Трговацъ.

Меленцы.

Господа:

Чеспн: Г. Ааронъ Поповичь, Капеланъ Тараш-

кій. Павелъ Бибичъ, Дїаконъ. Пантелеймонъ Недельковичъ, Хїрургъ. Іоаннъ Поповичъ, Арсеній Поповичъ, Іоаннъ Граничъ, и Теодоръ Дада, Трговцы — Атанасій Ніколичъ, Ученикъ.

Госпоже.

Мелапїа Трифунацъ. Екатеріна Галетичка, Ученица.

В. Сп. Миклеушъ.

Преч: Г. Нїколай Нїколичъ, Протопр: Чанадїйскій.

Митровица.

Господа:

Георгій Поповичъ, Максїмъ Радосавлѣвичъ Трговцы. Ілїа Янковичъ, Нотарій Мангьелосскій.

Монастыри.

Крушедолъ.

Преподоб: ГГ. Давїдъ Поповичъ Намѣстникъ; Данїйлъ Кїрїлловичъ, Гедеонъ Беселиновичъ, и Синесій Савичъ, Єромонаси.

Язакъ.

Препод: Г. Дїонисій Чупичъ, Игуманъ, и Г. Макарій Георгїевичъ, Про-Игуманъ.

Шишаповацъ.

Преиод: Г. Нїкифоръ Стойковичъ, Іеромонахъ.

Бешеново.

Преподоб: Г. Несторъ Іоанновичъ, Игуманъ.

Кувеждинъ.

Препод: Г. Генадій Кїрїлловичъ, Игуманъ. Герасімъ Банянинъ, Іеромонахъ.

Бечинъ.

Препод: Г. Генадїй Милиновичь Игуманъ.

Раковацъ.

Препод: Г- Теофїлъ Ковачевичь, Сїнесїй Косаничь, Іеромонаси. и Атанасїй Гудуричь, монахъ.

Осѣкъ.

Г. Іоаннъ Іоанновичь Бекешъ, и Госпожа Марїа ошъ Юрковичь.

Панчево.

Преч: Г. Арсеновичь, Протоправ:
ГГ. Павелъ Димовичь, Димитрїй Ненадовичь, Єфремъ Баричь, Іоаннъ Попъ Девинъ, и Тома Поповичь — Трговцы. —

Петрыня.

Госиода:

Сїммеонъ Кавичь — 10 — Атанасїй Костичь — 4 — Васїлїй Петровивь — и Мїхаилъ Мїлаковичь, Трговцы. — Госпожа Екатерїна Пешровичка, Контролороница.

Пешта.

Общество Србско за свою библїотеку.

Господа:

Чест: Г. Іоаниъ Теодоровичь, Парохъ Греко-Валахїйскїй. Ігнятїи Станковичь, Константїнъ Станковичь — 2. — Іоаниъ Каулицїй, Іоаннъ Гьармашїй, Кузжанъ Нїкодимъ Стефановичь, Стефанъ Лазаръ Іоанновичь, Андрей Іоанновичь, Атанасїй Пулѣвичь, Георгїй Адамовичь, Георгїй Кусмановичь, Павелъ Стефановичь, Нїколай, и Георгїй Зографи, Іоаннъ Конспанп: Чапа, Іоаннъ

Георгїевичь, Георгїй Станковичь. Петръ Чокаричь Іоаннъ Димитрїевичь. Григорїй Седоглавичь Мїхаилъ Іоанновичь — 15 — Хрїстофоръ Гершичь 10 — Петръ Раичь — 4. — Александръ Марковичь 2. — Г. Мїхаилъ Витковичь, Адвокатъ. Г. Лазаръ Боичь Фїлософїе Слышатель.

Госпоже:

Рахиль Іоанновичка, Пулхерїа Кауличиница, и Господичне Єлисавета, Єлена и Софїа Дїемандїйне.

Пожега

Г. Евтїмїй Стефановичь — 4. —

Пакрацъ.

Г. Викентїй Орлушичь.

Рума.

Господа.

Прач: Г. Васїлїй Крестичь, Намѣстникъ; Бысоу: Г. Стефанъ Фїлїповичь; Благор: ГГ. Мїхаилъ и Петръ отъ Младеновичь, Павелъ Камберъ, Соларъ. Димитрїй Станчь, и Іоакїмъ Гойновичь, Трговцы. Іоаннъ Пантеличь, Живописацъ. Іоаннъ Гаврїиловичь, Златокузнацъ. Богосавъ Кавачевичь, Кожухаръ. Пантелеимонъ Нїколичь, Абаджїа Петръ Богдановичь и Іоаннъ Васичь, Ученицы. Господична: Екатерїна Нїколичева.

Господа.

Васїлїй Станчь, Недельо Стефановичь, Мїхаилъ Крїтоваць, и Іоаннъ Маринковичь, Ученикъ.

Господа: Н. Садъ.

Андрей Камберъ, Докторъ. Лазаръ Драгоевичь,

Лукичъ и Райковичъ, Григорїй Хрїстичъ, Павелъ Манойловичъ Братїя Захаричъ, Братїя Нїколичъ, Петръ Станоевичъ, Григорїй Петровичъ, Георгїй Янковичъ, Аввакумъ Аввакумовичъ, Іаковъ Филковичъ, Ісаакъ Груичъ, Стефанъ Марковичъ, Савва Паевичъ, Димитрїй Чакрїй, Константїнъ Хачїй, Іоаннъ Паничъ, Димитрїй и Ілїа Стояновичи, Іоапнъ Лазаревичъ, Сїмеонъ Стояновичъ, Іоаннъ Ісааковичъ, Іоаннъ Янковичъ, Іоаннъ Бижичъ, Іоаннъ Чокаричъ, Гаврїилъ Станковичъ, Арсенїй Клаичъ, Кроячъ, и Неторъ Петровичъ.

Госпоже.

Марїа Давїдовичъ, Н. Паевичка, Марїа Груичъ, Марїа отъ Станисављевичъ; Елена Марковичъ, и Петронїа Бабичъ.

Господичне:

Марїа Паевичева, Марїа Георгїевичева, и Юлїана Давїдовичева.

Ученицы:

Хрїсто Пустенниково, Стефанъ, Нїколай и Георгїй Груича; Константїнъ Чокичъ, и Александръ Георгїевичъ.

Господа. **Сегединъ.**

Благор: Аксентїй Андреевичъ ошъ Присаке — 2 Гаврїилъ Іоанновивъ — 2 — Ісаакъ Георгїевичъ, Іоаннъ Іаковичъ, Іоаниъ Савичъ, Теодоръ Стойковичъ, Софронїй Стойшичъ, Іоаннъ Чаковацъ Михаилъ Живановичъ, Іоаннъ Мїрковичъ, Іоаннъ Жеравица, Нїколай Чаковацъ, Мїхаилъ Живановичъ, Георгїй Субичъ, Димишрїй Лопичъ, Стефанъ Савичъ, Дамїанъ Кеановичъ, Романъ Сремчевичъ, Петръ Чаврго Младьй, Косма Ариовъ, Максїмъ Брановацъ и Григорїй Крестичъ — 2 —

Сента.

Господа:

Ч. Г. Сїмеонъ Нїколичь, Дїаконъ и Учитель. ГГ. Георгїй Маливукъ и Іоаннъ Єднакъ.

Сень.

Господа:

Стефанъ Рашевичь, Мїхаилъ Гербоевичь, и Іоаннъ Тюелацъ, Трговцы.

Сибинь.

Г. Тїмотей Георгїевичь, Трговацъ.

Сланкамень.

Г. Павелъ Марковичь, Соларъ.

Сполный Бѣоградъ.

ГГ. Мїхаилъ Ивановичь — 3 — и Іоаннъ Дукоевичь — 3. —

Темишваръ.

Господа:

Чести: Г. Іоаннъ Васичь, Парохъ. Благор: Г. Константїнъ отъ Даданьїй, Благор: Г. Іоаннъ Нїколичь отъ Рудне. Благор: Г. Іоаннъ Палику-чевный отъ Фурлукъ. Іоаинъ Марковичь, Іоаннъ Савва Іоанновичь, Теодоръ Крановъ, Павелъ Димитрїевичь, Васїлїй Лаюлъ, Іоаннъ Нешковичь, Николай Нека Недельковичь, и Димитрїи Панта Тїролъ. Сїмеонъ Поповичь Мїлованъ Іосифовивь. Лазаревичь и Стоиковичь — 10 — Димша Нїколичь — 10 — и Іоаннъ Георгїй Лазаревичь — 3. — Павелъ Савва Іоанновичь и Атанасїй Звекичь, Слышательи Фїлософїе. Нїкїфоръ Чолаковичь; Кроячъ; Іоаннъ Звекичь, Мїхаилъ Шевичь, и Аркадїй Шћаровиић — Купледѣи. —

Госпоже:

Благор: Тересїа Маленица отъ Стамора; Софїа отъ Видакъ, Ефросинїа отъ Папхязїй, Ефїмїа Коичь отъ Фуреѣхаза, Елисавета отъ Даданій, Ернестїна Коичь отъ Фиреѣхаза, и Сарра Коичь отъ Фиреѣхаза, Удова. Екатерїна Лазаревичева, Дмитра Стойковичь, Елисавета Кустурусїй, родь. Тїролъ, и Господична Тересїа Софронїа Стефановичева. — (Г. Теодоръ Дамаскинъ Недельковичь изъ Логоша; Прокопій Бошковичь, Провисоръ Кадарскій, и Г. Емманунлъ Антоновичь, Живописацъ изъ Орловата.)

Трспъ.

Господа:

Петръ Теодоровичь, Великокупацъ. Іоанинъ Пошарацъ изъ Обрежа у Срему, Атанасій Георгїевичь изъ Н. Сада, и Рафаиръ Вукасовичь, Атанасій Поповичь, Міхаилъ Медаковичь, Стефанъ Юрковичь — 2 — Г. Димитрій Гладиславлѣвичь, Учитель I. Классе. И ученицы исте Классе: Станиславъ Петровъ Теодоровичь, Теодоръ Драго Теодоровичь, Александръ и Лазаръ Баїовичь, изъ Сараева, и Іоанинъ Миллинковичь, изъ Морина у Боки Катарской. — ГГ. Ученицы II. Классе: Петръ Георгїевъ Теодоровичь, Георгій Петровъ Димитр и Георгїевъ и Константїнъ Петровъ Теодоровичи; Константїнъ Фїлїппъ Цепковичь, Александръ Рашевичь, изъ Рѣке, Гавріилъ Кїрковичь и Богданъ Вучетичь.

Госпоже:

Анна Вучетичь, родь. Ризничь Господичне: Елена Кїрковичь, Екатерїна и Елена Вучетичева, и Марїя Раевичева.

М. Тересїопель.

Господа:

Г. Г. Іоаннъ Вуичь, Парохъ. Іоани отъ Милп
вичь, В. Фїскалъ. Александръ Петровичь Анто
Маиойловичь, Петръ Іосифовичь, Іоаннъ Раи
Теофанъ Арадскїй и Мїхаилъ Петровичь —
говцы.
Юдита Нинковичь, и Господична Катерїна Б
говичь.

Тителъ.

Гг. Тїмотей и Георгїй Георгїевичи. 10.

Фелдваръ.

Господа:

Георгїй Хажичь, Учитель; Сїмеонъ Пачичь и
велъ Авраамовичь, Трговцы — Димитрїй Бе
Сапонаръ.

Фиреѣхаза.

Благор: Г. Георгїй отъ Коичь, Фиреѣха
Землѣдрж: — 2 —

Футокъ.

Г. Евтїмїй Плачко, Племен: землѣдрж: фу
когъ Адюнктъ кассирный.

Чаково.

Господа.

Георгїй Лаюлъ, Атанасїй Величковичь, Л
Лазаревичь. Благор: Еммануилъ отъ Нїко
Григорїй Шандровичь, Димитрїй Антоно
Констант: Георгїй Дина, Нїколай Спура
колай Паничь Георгїй Флоричь, Мїхаилъ Тр
фїдовичь, Георгїй Лера и Теодоръ Констан
вичь, Трговцы. Лука Споановичь, Солар

нъ Константїновичь, Ученикъ. — Госпоже:
атерїна Георгъ Тїролъ, родь. Живановичь, и
атгрїна Константїновичь, родь. Тїролъ.

Ченпа.

Господа:

нъ Оракуличь, Трговацъ, и Сынъ Димитрїй
куличь Ученпкъ III. Классе.

Фїума.

Господа:

насїй Милидраговичь, Петръ Петровичь,
насїй Міатповачь, Н. Петровичь, Атанасїй
повичь — Трговцы.

Шаренградъ.

Георгїй Іличь, Парохъ; и Авраамъ Мойсило-
, Трговацъ.

Егра.

Господа:

Гаврїилъ Грегоровичь, Парохъ, и Нїколай
овичь, А. Е. Соларъ.
ожа: Пулхерїа Савичь, родь. Димитровичь.

Митровица.

кеф. Живковичь, са Супруг. своїомъ Єлисавет.

Кракава.

офессоръ Бандтке.

Варшава.

С. Линде, Ректоръ Ликеа варшар:

Прагъ.

осифъ Добровскїи, и Ганке.

Млетке.

велъ Соларичь.

Вїена.

Г. Вартоломей Копытаръ, Библїотекаръ.

Болгарїа.

Биддинъ.

ГГ. Браћа Милановичь. — 2 — и Димитрїй Шманоглу Ганчо Тошкоглу.

Кралѣво.

Г. Крачупъ Іоанновичь — 3 —

Сербїа.

Г. Вукъ Стефановичь.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

К. Жомлистъ рѣз.

ДВА ПУТНИКА.

Већ се сумракъ по дубрава хваташе, и само по высоки врховы гоора руменяшесе у свѣтлой пурпурной сїяйности зракъ заодећегъ сунца — найпосле се и то руменило угаси, и све више и више густый мракъ наилазаше.

У то доба усамлѣнъ проодашесе старый Србскїй Сердаръ Яблановичь подъ высокимъ липама, кое су се предъ нѣговымъ замкомъ на планини Яблаником веће цѣла столѣтїя зелениле. Свакояке мутне мысли наилазаху на нѣга. Часъ бы у землю гледао, аки бы што изъ нѣнога крила нищати видїо, што є сердцу нѣговому недостаяло — а часъ бы на тамне врхове дрва погледао, коя су надъ главомъ нѣговомъ шушшила, и листъ о листъ трла. Она су свидъ-

тельи бывшегѣ нѣговогѣ щастя была, какогодь што су и садашню нѣгову скорбь видила: често се нашемѣ Яблановичу чинило, да шуштаюће ньине гране тїя уздысаня саспраданя нѣму шиляху. А кадѣ бы изѣ чрнога облака ньины сѣнїй изишао, и кадѣ бы небо бистросяйнымѣ звѣздама осуто плаветнило свое ведро надѣ главомѣ нѣговомѣ распростирало, онда бы се тїо животѣ у срдцу нѣговомѣ порадьао, и блаженна сновидѣня о састанку разведрила бы тугу, коя є тако дуго душу нѣгову узмуѣавала.

Тако є старый Ябланович, у свѣтѣ свои чувствованя удублѣнѣ, и садѣ сву дѣйствителност изѣ очїю изгубїо, и осетїо, да га мрави чисто пролазе, и страхѣ нѣкїй напада. Тако измедьу липа оны одаюѣи, у єданѣ путѣ мужкїй єданѣ и ясанѣ гласѣ чуе, и два Путника у широко одѣло завїенна, и сѣ школкама украшенна, предѣ ньимѣ на мѣсечини се укажу.

Помоз Богѣ! рекне єданѣ отѣ ти путника Ябланович у, и какогодь што нѣжанѣ отзывѣ благогласѣ пріятны звукова тїо усугублюе, тако другїй путникѣ поздравѣ свога Спутника повтори. Богѣ Вамѣ помогао! отговори имѣ Ябланович ь, откудѣ тако, и кудѣ идете, тако поздно по ноѣи? Ако оѣете, у момѣ замку отпочинути, и отѣ трудиога путованя оттморити-

се, а оно айдете у нѣга, оборав'тесе єломъ и пиѣемъ, и отспавайте сладкїй санакъ подъ моимъ кровомъ.

Ты намъ, благородный Господине! молби нашой предусрѣтаишь! рекне му на то вѣшшїй онай путникъ. Изъ дальина насъ дужность амо води, благоговѣнным пупешествѣмъ завѣтъ наших Родителя да искупимо; и данась смо преко планина на овомъ запарномъ дану шли. А особито се мой Братъ, младьїй и слабїй отъ мене, веће са свимъ уморїо бьо, и отъ тежкога умора далѣ иѣи не бы могао, но Твой замакъ намъ се на мѣсечини укаже, и насъ къ себи позове. Тако насъ прехвати подъ Твой гостолюбивый кровъ за ноћась, да бы на ново подкрѣплѣнныи супра, кадъ пресвета зора заплави, далѣ у име Божїе поћи могли.

Одите за мномъ, рекне имъ Драгимиръ Яблановичь, предъ ньима идуѣи, и слугама наручуюѣи, да вечеру носе. Оба младиѣа, ништа не говорећи, за ньимъ идяху, и кадъ у высоко сводну собу удьу, и кадъ їй свѣтлость свѣћа обплавляти стане, зачудисе Яблановичь не само првомъ цвѣту ньине младости, но и блесшной красоти благороднога ньиногъ лица, аїошть вѣћма нѣкомъ величеству и достоинству, кое су у свему, што су радили, показывали;

и то му є показывало, да младићи истыи простогъ рода быти не могу. Чрне и свѣтле очи старїега путника обузимале су старо нѣгово срдце, какогодь споминанѣ давно исчезнувшегъ блаженногъ времена. И кадгодь бы на страну кудъ погледао, све бы се несвоевольно къ таинственной оной дублыини повратїо, у кою су га они полагали. Исто тако, и съ истымъ благосѣу утишаннымъ пламенемъ погледала є нѣга цвѣтућа нѣгова супруга првы дана нѣгове младости, она бы га съ истымъ осмѣиванѣмъ, кадъ бы или съ битва, ил' изъ лова кући долазїо — поздравлала. Ахъ! — та прїятность душе прешла є, као наслѣдѣ какво, на єдинну кћерь, кою му є по себи оставила — —но у жалостны само и тужны образы представляо му се нѣнъ пре двадесетъ година їоште исчезнувшїй обликъ, кадъ бы отеческо гореће желанѣ споменъ о нѣой у нѣмъ обновлявало.

Сѣдну сви за трапезу, но са тимъ и ућуте — отъ саме жалости уста Јблановичева, а отъ сучастїя о нѣговой туги устне гостїю ништа не говораху, докле чаша редомъ не подье, и сокъ гроздьа малый степень ведрине у мрачно нынно ћутанѣ не помѣша.

Истинна, да є то отъ мене смѣло, проговори старїй Пупникъ, што се као иностранацъ

усудьуемъ, о тугы оной пытати Те, коя на Теби као мрачанъ єданъ облакъ лежи; но весма се знацы нѣныи на блѣдымъ Твоимъ ланитама —образы— и на Твоимъ живота веће уморнымъ очима виде. Зато ми Господине! опрости, што ме само саучастѣ и само почитанѣ, а не младо пытолюбство гоне, упытати Те, зашто тако самъ у овы зидина живишь, зашто никакве любезне Фамилїе около Тебе не има, и шта Те є, као што ми се чини, пре времена осѣдило, шта ли бразде скорби и туге у Твой обликъ укопало?

Добрый Дечко! отговори му Драгимиръ, какву бы ползу оттудъ имао, што бы повѣсть сны страдания знао, коя ме къ пустомъ и усамлѣномъ гробу воде, а то я заслужїо нисамъ. Пошпеди Сыне! и мене и себе, и не терай ме, да ій се опеть споменемъ. Ты їошть стоишь у осмѣюћемсе пролѣћу година, у коима цѣо животъ као будущность само закрывенъ предъ нами лежи, и у коима никаква прешедность са жалостнымъ отзывомъ неповратимо изгублѣние радости намъ непредставля. Зато не слушай, доклегодь узможешь, тужногъ искусства, да се и оно, што намъ є найпостоянніе, и найсветіе, и што є природа гвозденны узы срдцу нашемъ пригвоздила, непрїятельно отъ човека оттргнути може, када страсти блуднымъ свѣћамъ

(Irrlichter) подобно чувства человеческа отъ праве стазе у тамну и безданну дальину отмаме.

Тако се Драгимиръ трудьаше, молбу Путника отбити; но овай не престане молбу свою повтораваши; гласъ младићевъ, кой му є гласъ нѣкадъ притежаванна щастя на память позывао, подкупи найпосле Драгимира, свое давно веће затворенно бывше срдце оттворити.

Тако слушай Путниче, веляше му Драгимиръ, шта ми срдце мое, као отрованъ какавъ чрвъ гризе, и ако и Тебе нѣкадъ судбина человеческа спопадне, кол често надежде и радости нашегъ быта (екзистенције) уништожава, онда се мое судбе спомени, и утѣшавайсе съ томъ мыслїю, да ни є могуће, да си нещастнїй, отъ мене!

Вы ме садъ истинна усамлѣнна и овако оставлѣнна овде видите, као дрво єдно, кое буря непогоде вѣнца нѣговогъ лишава, и до основа кореня нѣговогъ затреса. Но вѣруйте ми Дѣцо! и мени су прїятельне звѣзде нѣкадъ свѣпиле, и я самъ быо богатъ, знаюћи, да самъ крѣпакъ, и имаюћи толико дарова, кое ми є преблагїй Богъ подао. Силныя Поддаиицы и Привренницы подпомагалису мою крѣпку тыщцу, и чинили су, да су ме се сви непрїятельи бояли, кои су ми или завидили, или кое є покровител-

ство мое безъ помоћи суще невинности противъ суровы Угнѣтателя на ме навукло. — Излишство за мене и за сиромае цѣлогъ околногъ предѣла производила є моя богата земля, коя се до половине Яблапника простире, и кою ће ахъ! кадъ се сѣда моя глава ни отъ кога неоплаканна у гробъ свали, иностраниацъ наслѣдити! Я самъ и найвећшій благословъ на свѣту уживао, супругу такву имавшій, коя є красна и добродѣтельна будући їошшь у смртномъ своемъ одѣлу Анге-ломъ подобна была, кои су ю наскоро, сродство нѣно съ собомъ видећи, изъ обятя мои испергли, и медьу себе отнели. Она є само єдну, но єдну срећну и пресрећну годину са мномъ пожибила; и онда се у вѣчность пресели; туга моя за ньомъ была є велика, и бы ме у испу ону гробнину, коя Супругу мою покрыва, свалила была, да ми ни є кћерь єдну, образъ и подобїе свое по себи оставила, и да ми ни є горку дужность наложила, да могъ єдинногъ чада ради живити моромъ.

Сву любовь, кою самъ матери посветїо био, све попеченѣ, и сву надежду будући радостній пренео самъ на малу кћерь мою, у коїой се, што є старїя бывала, све то прїятнїе красота мое Супруге, као какво помладьено продужаванѣ нѣногъ прерано угашенногъ бытя развїяла. И зато самъ почесто мыслїо, да є на ню не само

лѣпота, но и свака добродѣтель матере послѣдньимъ благословомъ прешла. Истинна, да самь я їошть у пролѣћу младогъ вѣка столо, и често за вѣрномъ и любећомъ Спутницомъ мои дана чезнуо — истинна, да су ми и найугледнїе и найблагонравнїе дѣвойке по Сербїи за супругу даванне, но я образъ прешедности у прсима моима никоимъ начиномъ избрисати и искоренити не мого; и кадгодь бы ми се умрша моя Милица на сну показала, и мене састрадателно молила, да толико већ не тужимъ, и мѣсто нѣ другу какву достойну Србкиню за Супругу узмемъ, то бы опеть погледъ само єданъ на иѣерь мою сваку недозрѣлу намѣру растерао, и зато самь се завѣтовао, нѣ ради овако усамлѣнъ остати, надаюћисе, да ћею ми любовь и вѣрность дѣтинска сваку жертву нѣкада наградити.

Но та надежда была є на песку зиданна, и страшно и престрашно срушиласе са свимъ у исто доба, кадъ самь мыслїо, да ће ми испунѣнна быти. И моїой кѣери надео самь быо име Милица, отеческомъ нѣжносћу желећи, да ми ю име то милїю учини, ако ми и єсть отъ свегъ прочегъ на свѣту наймилїя была. Истинна, да ми є Милица моя сладко и умилято ласкала, истинна, да ми є свакїй облачакъ съ чела мога спирала, и надамномъ, и кадъ самь здравъ, и

болестанъ быо, внимателнымъ попеченѣмъ лебдила. — Истина да се она непрестаннно прудила, желѣ мое погодити, и ньи предусрѣпати. Но све то было є сама суета, превара и лукавство, све то тамо се само клонило, да ми очи замаже, и да ме безбѣдніе превари.

Сердарь Радованъ Рвоевичь яко ме є увредіо; и истина, да самъ му се за све мени нанешенне обиде осветіо, но іоште ій све прегорео нисамъ. Мрачанъ гнѣвъ, изъ кога є при найманѣмъ поводу, найвеѣшій пожарь постало, пламтіо є непрестанно и у моимъ и у нѣговымъ прсима. Ничимъ манѣ ни є се онъ више усудьивао, са мномъ боритисе, ибо є више путій отъ мене и отъ силногъ могъ воинства побѣдьенъ искусіо, да самъ я силній отъ нѣга было: и зато є друга, тврдьа и отъ челика и отъ гвоздьа средства изабрао, како бы путъ къ неоружанномъ момъ срдцу наѣи могао.

Мене сирѣчь єданъ путъ Крагоевцы позову, да ій отъ Приштчана на ньи ударившы отбранимъ, кое є ньинъ Кнезь Храбричь предводіо. Дуго време борилисмосе съ ньимъ, но найпосле праведно наше предпріятѣ нѣму преодолѣ, и онъ опъ свега, што є отъ Крагоевчана искао, отустане. И онда съ подлымъ осмѣиванѣмъ мени руку пружи, да се помиримо, и я му ю

безстрашно дадемъ, и не слутећи, да лажливость подъ нѣговымъ пріятельскимъ рѣчма лежати може. И почемъ се помиримо, а онъ ме у свой замакъ у Притоки позове, да тамо кодъ нѣга нѣколико дана пребудемъ, да бы, вели, и споменъ о бывшей нашой распри, и саму распру у влагу Смедеревска вїна утопили, кое ће насъ по крвавой битви опоравити, и пріятельство наше на вѣки укрѣпити. Истинна, да самъ се весма нерадо на то склонїо, цѣлу годину био самъ отъ зидова мои Отаца удалѣнъ, и све самъ за єдинномъ моїомъ кћерю гинуо, ничимъ манѣ опеть се приволимъ, ибо самъ свагда мекосрдъ био, кадъ бы ме тїе и благе молбе умилостивиле, а гвозденнотврдъ, кадъ бы ме насилѣ и пркосъ подъ иго прегнути хтела.

И на скоро по томъ познамъ, да самъ много више за врвенѣ битва, у коима се мужъ опликовати може, родьенъ био, негол' за подле и пузле Дворане, кои самъ се свагда, као самы змїя чувао и клонїо. Я самъ у Двору Храбричевомъ ясно примѣтїо, како су се угладьенныи нѣговыи Дворяни суровымъ моимъ обычаемъ смѣяли; но Кнезъ самъ предусрѣтао ме є свагда съ особитымъ почитанѣмъ, и то ме є съ околицы нѣговы умирило, кое ни гнѣва могъ достойныма држао нисамъ, кадъ бы помыслїо, да

се гомила подлы насѣкомы свагда на зраку сунца грѣе. Но после нѣколико данан Сердарь Рвоевичь у дворь Кнежевь додье, и сь почитанѣмь пріимлѣнь и дочеканъ буде. Често бы за трапезомь спроћу мене сѣдїо; и у мени бы се, како бы га видїо, сва крвь узмупила, ибо нисамь радь био, сь онымь човекомь у єдну соль хлѣбь умакати, и изь єдне чаше пити, на кога самь изь дубльине срдца мога мрзїо.

И зато сь Кнезомь опростити се намѣримь; но онь ми никако дотле отићи не даде, докле му причину тога брзогь отлазка не кажемь. Я му причину ту простодушно исповѣдимь, и Рвоевичь є ту био.

На то ми Кнезь овако говорити почне: неосуећуй оно бодрый Яблановичу! што самь я тако радостно измисліо. Ни є противникь Твой Рвоевичь изненада само у дворь мой дошао, него самь я срдечно желїо, да Те сь ньимь помиримь, и зато самь га амо позвао. Оканисе изь свегь срдца старогь непріятельства, и ако я што кодь Тебе важимь, то ме послушай, и дай прекрасну Твою и на гласу ћерку за нѣговогь єдинца, ево я ю просимь за младога Рвоевича; тако ће се дугїй немирь измедьу Вась у тврде узе сродства претворити.

То саслушавшїй неблаговоленѣ, адекомь огню

подобно, продье ме, и савъ разяренъ повикнемъ: шако найдрагоцѣнній мой бисеръ свиняма да дадемъ? Не! не! шако ми пепела нѣне матере! волимъ гледати, да младость нѣна у моанстырскомъ закрывалу вене, него да ю породу мога непрїятеля за супругу дадемъ! —

Твое рѣчи, прекине ми Рвоевичь бесѣду, заслужую, да се сада крвь пролїе. Но присутствъ Кнеза не да ми мача изъ корица извући, и будућность ће Ти се за ме осветити!

Како си ми дрзновенъ Сердару Яблановичу! проговори Кнезь, заиста ћешь се їошть каяти, што предложеня могъ прїимїо нисн.

Истинна, да самь дрзновенъ, отговоримъ му я на то, но я мыслимъ, какогодь што предъ Богомъ истину свободно исповѣдити смѣмъ, исто тако смѣмъ ю и предъ Кнезовы исказати. По чини ми се, да Ти се простосрдъ мое не допада, то ми дозволи, да идемъ отавде, на мое добро, кое давно мою мышцу потребуе. — То Ти дозволявамъ, отговори Храбричь, и ледьа ми ладнокрвно окрене.

Радостанъ савъ ускочимъ на срдчанногъ могъ коня, и шаки свободнїе дисати станемъ, како се отъ Кнежева замка поудальимъ, и како ме домашньїй воздуси задану. Но ахъ! тежко мени! наскоро искусимъ, да се пророчество

Храбричево, кое самь я у мысли моїой изсмѣивао, страшно испунило: и данась, а већ двадесеть година има, ошкако ми га є Храбричь рекао, и данась, велимь, каемсе, да се изь дубоко укоренѣине мрзости съ Рвоевичемь никако помирити не кшедо.

Кадь самь у сѣдалице мои праотаца опеть ушао, зачудимсе, шшо є у нѣмь тако пїо, као да є савь замакь изумрео био — само су ми пси, улагиваюћисе на сусретъ скакали — а слуге мое? све то видилосе, као да се съ боязльивомь нѣкомь савѣсћю отъ мене крїю. И сама кћи моя Милица къ мени недолазаше, а досадь ме є у вѣкь съ добро дошао! поздравляла: и всуе самь ю изь гласа тако яко по имену звао, да су се стѣне — дувари — замка отъ звука гласа могь затресли: срдце мое не може се веће више задржати, и све самь радь био видити ю. Найпосле изидье предаме управитель могь замка — добрый тай старина зато се само отъ мене клонїо, што се бояо, извѣстїемь своимь нензмѣриму скорбь и тугу на главу мою изсути. Тежко мени! и тежко по сто пупїй, шта самь морао чути!

Младый Рвоевичь, Сынь могь найгорегь непрїятеля, чуо є био за лћпоту мое кћери Милице, и то га пытолюбнымь учинин. Зато се

онѣ све оноло могѣ замка врзао, и увреба ю єдаиѣ путѣ, кадѣ є у оближнѣ село у цркву пошла была. Ни само то свето мѣсто ни є желю нѣгову обуздало, коя се у нѣмѣ зажегла была — и онѣ се кћери моїой приближи. Гладкоєзычаиѣ и умилятѣ будуѣи надье путѣ кѣ срдцу мое Милице. Истинна, да се она усудывала ни є, нѣга преко прага мога двора пустити, но често га є у развалина брда, и у помрчини шума сусрѣтала; но найпосле му и то дозволи, да у саме мое бѣле дворе удье, яко ю и єсу челядь моя довольно опоминяла, да могѣ не чини.

Слабо є срдце єдне жене, кадѣ га любовь подпали — слаба є и Милица была, и ни є више внутреннѣга гласа слушала, кой їой є сѣ моїомѣ яростномѣ клетвомѣ о нѣномѣ избору претїо; и кадѣ їой є понититель нѣвѣ представляти почео, да ћу я узѣ неповратимо заключенѣ пре опростити, негол' предстоећїй дозволити, а она сѣ ньимѣ изѣ прибѣжища дѣвическа цѣломудрїя побѣгне, и на вѣки се отѣ срдца своѓѣ неутѣшимоѓѣ отца отпргне.

Жалость о опомнианю томѣ надвлада Яблановича, и сузе се на трепавица нѣговы засїяю, нѣколико магновеня поћути, да бы горкой туги преодолѣти могао, коя срдце-нѣгово пренспуняваще.

Прво мое чувствованѣ, продужи, по дугомъ ћутаню, бесѣду свою Иблановичь, био є гнѣвъ и ярость. Све небесне казни сазывао самъ на повинну мою Милицу, при томъ и Поддан-ике мое оружамъ, да се Поищнику нѣномъ о-свешимъ.

Но и шо послѣднѣ удовлетворенѣ буде ми осуећенно. И самъ Кнезь Храбричь са свимъ своимъ хоругвама къ непрїятелю момъ Рвоевичу предье. — И на нѣгово позыванѣ додьу къ нѣму и околныи Србльи пропивъ мене и мои оружника. Множествомъ непрїятеля надвладанъ чувство-вао самъ я заєдно съ мои ранама испунѣны привр-женницы, да правица често побѣду многосилю, а не праведному предпрїятю подае. Но како бы се мало опоравїо, и више людїй у помоћ добїо, таки самъ опетъ войну понавляо, докле ме на-послѣдку крви безполезно проливенне жао не бы, и дома се не врати, да превећ увредьенъ и оби-дьенъ у бѣлы дворовы мои праотаца пребывамъ, и као у гробу каквомъ отъ цѣлога свѣта сакрї-емсе. Никаква гласа о изгублѣнницы моїой доби-вао нисамъ, ибо самъ строго запретїо быо, и имена нѣногъ предамномъ не изрећи, док' ти найпосле гласъ не стиже, да є у Грецїю съ му-жемъ своимъ опишла. Сродницы мои изумрли су сви до єдногъ, ни найманѣгъ чеда не имамъ,

кое бы подрааниши могао, да бы отечество мое ползу какву отъ Јавлановича имало: и само сѣме спаре мое Фамїлїе утрши ће се; ниш' ће имена и дѣла Јављановичьа у лѣтописы Србски више быши. А! премило Отечество! све иманѣ мое дао бы запо, кадъ бы ши само єдногъ наслѣдника по мени оставїо, кой бы Те мышцомъ своїомъ противъ непрїяшеля защишїо, и кой бы невинносшь отъ неправде и злобе браніо, кой бы човечеству услуживао, и срдцемъ и душомъ свега оногъ придржаваосе, шшо добродѣшель изискуе. — При шимъ рѣчма наводнесе очи Јавлановичеве, и поток суза подъ брадомъ састављюћисе бесѣду му пресѣче; єцаюћи само и уздышући позадуго ћушаше, и оба Пушника чувсшвованѣ жалосши сь ньимъ дѣлећи ни слова проговорити не могау, шакодье бризну плакаши, и бы му заисша предъ ноге пали, да спарца у чувсшвованѣ шолике жалосши погруженна, и да є чисто изванъ себе быо, не видише.

Дуго време продье, и Јавлановичь єдва къ себи дошавшїй бесѣду свою далѣ продужи. И отъ тогъ доба овако усамљѣнъ, и човечесшво мрзећи, и очаваюћи лѣша живоша могъ проводимъ: но по нѣкомъ времену шїо шеченѣ времена огорченно мое чувсшво умегша, и чезненѣ за Милицомъ моїомъ спане ме жарче гризши, него

што га любезникъ єданъ къ заручницы своїой чувствуе. Кадгодь бы у овой моїой самости о прешедшыма мыслїо, свагда самь топло плакаюћи и каюћисе клетву мою натрагъ узимао, и Бога са сви светцы молїо, найбогатїй благословъ на прелюбезну Милицу да излїю. — Но о! тко зна, нису ли итре мое клетве страшно главу нѣну єгодиле — не жели ли и она сиротица, исто овако бѣдна и отъ свїю оставлѣнна, да се къ отеческомъ срдцу повратии, кое є само за ню вѣрномъ любвомъ кућало. Или Богъ зна! може быти, да є досадъ већ а Боже мой! и умрла; ибо бы тек' єданъ путъ досадъ запытала, неће ли їой старый Отацъ већ єданъ путъ опростити, и помиренъ къ прсима своима пригрлити ю. Истинна, да є првы времена после бѣгства свога толико путїй кушала, нећу ли їой опростити — но я самь само неблаговоленъ мое слушао, а сузе нѣне и просбе презирао — и кадъ самь се већ склонїо быо, послушати ю, а она онда онѣми, и мене тврдоглавству момъ остави, да бы тако не само ослаблюћу тежину туге, но и горкоспь покаяня осетїо. Да самь їой опростїо быо, що бы може быти сада цвѣтући унука имао, у конма бы опетъ не само моему Двору но и отечеству оживїо. Они бы вечеръ могъ живота разведравали, щитъ мои Отаца носили, и

наслѣдѣ мое пріимили, кое ће сада тудьину у руке доћи, како ми наемницы (Miethling) превраћаюћесе на самрти око затворе, и како сузе састраданя, а не сузе сыновне нѣжности усамлѣнь мой гробъ оросе.

Истинна, да є старій Путникъ непрестанно и досадъ на старца гледао, и топле сузе роніо, но сада га чувствованѣ већ облада, и у внутренности срдца нѣговога троне. И онъ у єданъ путъ пупничко оно и широко одѣло съ себе сбацы, и Яблановичь у нѣму младића єдногъ у оклопы види. Клекне предъ Старца на колѣна, и у нѣга очима погледа, кои сладка тма више изражаваше, него што бы цѣла струя (Strom) рѣчій изразити могла. Дѣда! повикне онъ, оћешь ли унука Твогъ зато отбацыти, што є и нѣму Рвоевичь име? Оћешь погрѣшку матере и на дѣтету нѣномъ казнити? Гледай сладкій Бабо! я самь сынъ кћери Твое Милице: я самь дошао, да Ти старость Твою олакшамъ, и опрощенѣ кћери Твоїой отъ Те испросимъ, нћери, коя сада по полямъ вѣчногъ блаженства Бога за миръ и спокойство твои дана моли. Оле жалости! тежко є она за вину свою платила; све радости и сва веселя овогъ свѣта нису могла срећи чисте савѣсти преодолѣти, кою є она изгубила, кадъ є изъ Твогъ двора побѣгла.

О опрости їой! опроспи їой родьенный Бабо! Я ћу све то поправити, што Ти є она сгрѣшила: я ћу сь неусыпнымь попеченьмь надь сѣдиномь Твоїомь лебдити, я ћу оружнике (Reiſigen) Твое на битве и на смрть водити, кудь їй честь и воля Твоя позове; я ћу све оно чинити, што любовь учинити узможе, чимь бы быть Твое разведрите могло!

Као громомь пораженъ, укоченъ и недвижимь гледаше Ябановичь Путника, нит' се усудьиваше, сь мѣста макнутисе, боећисе, да му прекрасный тай санъ какогодь не отлети, у кой га є Путникь поставїо, казавшїй му, да є онь Сынь нѣгове кћери Милице, за коїомь є онь толико гинуо. Сь укоченнымь очима непрестанно на Путника гледаше, и рѣчи проговорити не знадяше, устне му дркћау, чо никаква слога произнети не могау. Тако превыспренну и небеснопарну човеческу душу снага са свимь остави, кадь їой се оно сбуде, чему се никадь надала ни є, а о чемь є може быти и даню и ноћу снивала. О Бабо! Бабо! проговори му Путникь, смилуйсе на мене, не отбацуй порода утробе оне, кою си Ты сь онымь существомь на свѣтъ произвео, кое си више отъ самога себе любїо. Я самь єдинно чедо Твое Милице, за коїомь си ты толико тужїо; кадь бы

она садъ предъ Тебе доћи могла, я бы радо младый мой животъ зато жертвовао; топла нѣна кћерска обятїя тврдо бы Те! загрлила, нити бы Те икаква човеческа сила изъ ныи истргнути могла: погледай ме добро милый Дѣда! познай на мени черте оне, кое су образъ кћери Твое и Матере мое красиле: види, єсу л' очи ове, коима я Тебе молебно гледимъ, оныма подобне, кое су Те пре двадесеть година весело погледале, кадъ бы съ лова долазїо, и кое су се смућавале када бы се Ты сѣнку єдну само жалостивъ показао. Прїими Дѣда! Сына Миличина! загрли га, и привуцы га къ старимъ Твоимъ прсима, кое єдинна любовь и човеколюбїе надимаю! Буди милостивъ! Призри на сузе младића єдногъ, кой ће блаженнымъ быти, ако га прїателъногъ само Твогъ погледа удостоишь, а на вѣки несрећнымъ, ако очи Твое отъ нѣга отвратишь. Гледай Дѣда! види предъ Тобомъ клечећа Сына Миличина, кой къ Теби долази, сѣни нѣной опрощенъ отъ Те да испроси. У мени признаи наслѣдника Твога; я ћу Ти дане Твое развеселявати, у болести Твоїой надъ Тобомъ лебдити, сыновномъ нѣжносћу чашу водице додати, цѣле ноћи около Тебе бдити, и—а! Боже! само да то пре мене не буде—кадъ се єданъ путъ на смртномъ часу узнаодишь, онда ћу я, я Дѣда! я Твой Лю-

бисавѣ очи Твое за — за — овде се Любисавѣ нашѣ сузама загуши, и далѣ говорити не може, само є Старцу Јбланновичу колѣна обуватїо, и рекао бы гвозденномѣ снагомѣ загрлѣна држао, и сузама орошавао.

Јбланновичь се їошште отѣ удивленя своѓѣ повратїо быо ни є, и послѣдиѣ ове Любисавлѣве речи саслушившїй увѣрисе, да све то ни є само санѣ єданѣ, но да є права дѣйствителност, и шек' што руке свое кѣ Любисяву пружи, да га подигне, а радостѣ о таквомѣ нечаянномѣ и за стара нѣгова и жалосћу и тугомѣ пораженна чувства пресилномѣ догадьаю тако га надвлада, да се сирома обнезнани, и у несвѣсть падне. Но младый Любисавѣ обувати га якимѣ своимѣ мышцама, и другїй Путникѣ одѣло путничко сѣ себе сбацы, у правомѣ своѓѣ, у женскомѣ сирѣчь, одѣлу покажесе, и трудѣ Любисавлѣвѣ около старца сѣ особитомѣ нѣжносћу дѣлити почне.

Помоћ ньина повратн старца опеть кѣ себи, и мало отданувшїй Јбланновичь у Путника погледа. Ахѣ премилый Боже! савѣ у радости пливаюћи, и єдва отѣ усхищеня рѣчи проговарати могући, та ово су нѣне, та ово су Миличине невинне очи, обликѣ ньѣ, уста, и све, та све є нѣно. Пригрли отеческомѣ нѣжносћу

младога Рвоевича къ своимъ прсима, излюби га, и сузама, но сузама радости ороси. Бацы око и на Путницу, коя є покрай нѣга, као Ангелъ какавъ, Ангелъ невинности и доброте, стояла. И у то магновенѣ заборавїо є быо све свое страданѣ, и у себи и изванъ себе ништа друго видїо ни є, но само блаженство вѣчногъ царства.

Кадъ се Яблановичь већ толико опорави да є разрѣшенїе загонетке оне преслушати могао, запыта младогъ Рвоевича, шта се са нѣговомъ Матеромъ Милицомъ сбыло, за коїомъ є онъ толико тужїо, коя му є све благо на свѣту была, и коя му є најпосле толика страданя причинила. И Рвоевичь Дѣду свому удовлетвори, и повѣсть матере свое приповѣди.

Любовь є, веляше онъ, матерь мою, а кћерь Твою у обятя Отца могъ отвела — но, што свему на свѣту вѣнацъ щастя намѣне, внутреенньїй сирѣчь миръ и спокойство савѣсти, нису ньой у новоизбранно жилище слѣдовала, кое їой се чинило, као да є клетвомъ отчїйномъ обазсвећенно. Она се сиротица всуе трудила, праведну Твою ярость какогодь умирити; строгошћу Твоїомъ, коїомъ сию свагда отперывао, престрашенна, а кривицомъ своїомъ непрестанно мучима ни є се више усудьивала,

надатисе, да ће се срдце Твое къ њойзи опеть обратити, као што ю є нѣкадь отеческомь нѣжносћу любило и обузимало. Она є съ Отцемь моимь у Бугарску отшла, но нити любовь горећа мога Отца, нити разна отъ стране нѣгове разве. селяваня могау тугу утолити, коїой се она предала была: и сузе нѣне тамо су горко непрестанно текле, какогодь што су и онда текле, кдь се по горамь Отечества свога проодала. Родвай сына єдногъ на свѣтъ причинява сваной майцы превелику радость, свака га пламенномь любкосћу пригрлява, и люби; но моя Мати? она є са рождествомь моимь другїй новъ источникъ туге и жалости получила, ако ме и єсть весма любила. Тако є онъ около мене, мысляше она о Тебп, нѣкада нѣжно лебдїо: тако є и онъ спрпѣливо и радостно цѣле ноћи не преспавльивао: а я — мѣсто да му за савъ нѣговъ неусипанъ трудъ благодарна будемь, и мѣсто да га искренигмь любвомь наградимь, я самь му нийвећу жалость причинила, найгоре неблагодарна была, и може быти пре времена їошть тугомь преиспунѣнь нѣговъ животъ окончала, и у гробъ сатерала.

Такве мысли искореньивалесу скаку дражь, коя є бытъ нѣно украшавала; само време ни є смутну ньину бою избрисати могло, но паче їй

с све то чрньїимъ и гор имъ чинила. Тако є сиропица дуго трпила; но прелюбезный нѣнъ Супругъ, и мой Отацъ умре; съ жалосћу за ньимъ сасшависе и непрестанно мученѣ внутренньы пребацыванѣ, и ньой тако досадисе овай животъ, и са свимъ изнуренна у постелю надне, и изъ нѣ а! єдинна моя Майко! више и не устане, и у моїи обятїя умре.

Ова рѣчь: „умре“ Яблановича у несвѣсть бацы; и єдва къ себи дошавшїй изъ гласа повикне: О єдиннице моя! тако Те є свирѣпость Отца Твогъ у гробъ бацыла. Опрости душо Миличина! строгосћь отчину! извини ю, знаюћи, да є она само изъ пресилне любве къ добродѣтельи проистицала; и кадъ бы Тебе Милице моя! сада живу предамномъ видити могао, я бы предъ Тебе на колѣна клекнуо, и за опрощенѣ Те молїо, што срдца отеческогъ послушати не кшедо, кое ми є увѣкъ говорило, да и заблудившу овцу опеть прїимимъ. И сыну Твому гледат' ћу, све да накнадимъ, што самъ зла Теби учинїо. Овде му успне задеркћу, и онъ ућути, и замыслисе.

Младый Рвоевичь расположенѣ нѣгово видећи повѣсть свою настави, мыслећи да ће га, далъ приповѣдаюћи му, мало поутвшити. Но пре вели, него што їой смрть тамну свезу

на очи свеже, позове мене къ себи, и мени, као дуовнику єдномъ све свое заблудьенъ исповѣди. Иди, веляше ми сиротица, како я умремъ, иди, и обувати колѣна Отца мога, ако їошть живъ буде. Моли га, да ми опрости, и клетву свою са ме скине, да бы ми земльица, коя ће ме покрывати, лака была, и да ми не бы копрive и трнѣ на усамлѣнномъ момъ гробу растло. Кажи му родьенный мой Драгимиру! — тако є младомъ Рвоевичу име было — кажи му, да су жалость и тужењ о нѣгогомъ гнѣву, строго покаянѣ о момъ прегрѣшеню и щастльиво мое и любвепуно супружетво, да и само матернѣ веселѣ, кое самь съ Тобомъ имала, непрестанно узмућавала; заклиньи га Сынко! именемъ Божїимъ, да отъ ярости свое престане, да се поне на ономъ болѣмъ свѣту опрощеню нѣговомъ радовати узмогу.. Овде се младый и старый Драгимиръ заплачу.

Буди Ти просто Милице моя! рекне на то старый Яблановичь, буди Ти просто све, што си ми скорби причинила! лепео Твой чистъ є сваке клетве, кою самь на Те єдиннице моя! у првомъ ономъ гнѣву изговорїо. Шествуй любезна моя! медьу Ангелы, коїи си достойна! прости Отцу Твому, кой Те є толико клео! и моли Све-

вышнѣга, да ме сбогъ толикогъ прегрѣшеня о Теби не осуди.

По смрти матере мое, продужи младый Рвоевичь бесѣду свою, подьемъ я, нѣнъ завѣпъ испунити, и ударимъ на Кнеза Храбрича, и опъ нѣга савѣта поиштемъ, како бы къ Теби Дѣда! дошао, и как' затворенно Твое отечесско срдце умекшао.

Но кадъ къ Кнезу Храбричу додьемъ не надьемъ више у нѣму весела оногъ и цвѣтућегъ мужа, кой є Отца могъ у поћеню матере мое пако силно подпомагао, и кой се у време свемогућства сногъ лакомысленно свакомъ праву подсмѣвао, кадъ су или ћудь или пристрастъ къ другима исправицу отъ нѣга искала. Близу конца свое стазе будући показало му се гдикое досадъ учинѣнно дѣло другоячїе, него што му се онда чинило, када їй є чинїо: и само пащенъ, зла она опеть поправити, коя є пре тога починїо бьо, осветлявало є смутне часове нѣгове болешльиве старости. Да бы пакъ благомъ небу жертву єдну сбогъ грѣова своїй принео, опредѣли свою кћерь Милисаву монашскомъ животу. Благоговѣйна молитва нѣне невинности, надаосе опъ, умалип' ће тежину нѣговы прегрѣшеня, и свевышню силу умилостивити. Милисави се жребъ то допадало, јербъ є пїя и богомольна срдца

была: и сама нѣна природа вукла ю є више у неузнемириму самостъ, негол' у вику свѣта. Такокадъ їой Отацъ каза, да ће неспокойна нѣгова савѣстъ у жертви младе нѣне свободе покоя наћи, завѣца му се она, да ће жертву ову за нѣга радо принети. Но ни саняла ни є о томъ, какво чувство у прсима нѣнымъ почива. — Чувствования любве сирѣчь была су їой непознанна, какогодь што се воня балсамскогъ пролѣћногъ воздуха цвѣта єдногъ развїя, кой у соби из окна єдногъ цвѣта. И тако ни є она ни єднога отъ свїю Сердара у отчїйномъ своемъ двору иначе смапрала, но као немарлыве слуге свое Кнегинѣ. Но я на то у дворъ Отца нѣногъ дођемъ. Я самъ у млады и свѣжы цвѣтући година био, и съ благоразсудѣмъ мужа єдногъ благостъ пренебесне тиїости съ моћу єдногъ юнака саєдинѣну имао. Участъ, кое є Кнезь Храбричь Отцу момъ свагда показывао, брзо и на мене предье; погледъ мой привлачїо є око сваког ъ човека кѣ мени, а говоръ мой обаявао є срдце свакога, кой ме є слушао. Кнезь ме предъ Милисаву свою отведе, и каже їой, да самъ я сынъ найискренїегъ нѣговогъ пріятельства. Младић будући и Милисаву предамномъ видећи, савъ се затресемъ, красоту лица нѣногъ съ неограниченномъ умилящосћу сложенну упазивший: очи

ми се засвѣтле, ничимъ манѣ смирению мудро у ню погледимъ, и душу нѣну пронземъ. — И она се сва промѣни, мене упазивши: и манастырь їой изъ главе изидье, и увѣрисе, да и у мїрскомъ животу пѣсны, и тврды узова има, кои га, као волшебанъ какавъ сплетъ, тїо и любвепуно обвезую. Чисто благородство нѣногъ срдца, кое се изъ сваке черте нѣногъ лица показывало, брзо и неизбрисаемо впечатлѣнѣ у мене учини. Чисто самъ за ньомъ гинути почео: све самъ гласъ нѣнъ вребао, кадъ бы пѣвати почела: мрачно бы се свагда чело мое облачило, кадъ бы она изъ собе свога Отца у усамнце свое отъшла: свагда бы око мое за ньомъ тамо ишло. Свакїй дань ктео самъ отъ Кнеза Илинича отићи, и све оно испунити, што самъ умирућей моїой матери завѣщао, и опетъ ме є близкость любезнице пресладко и свесилно задержавала.

Но найпосле се орабримъ, и наумимъ отъ нѣ оттргнутисе, и да бы ме Богъ зна шта стало, ибо ми є свагда высокога рода была, а и савршенство нѣно узвышавало ю є надъ свимъ женама, при томъ є и као Богу посвећенна дѣвица предамномъ стояла, и зато ми се чинило, да ю никадъ досегнути нећу, кадъ бы себи ласкати започео, да ю икадъ припажавати могу.

Киежево, искусствомъ изострено око давно є веће тайну ону изслѣдило, кою є Милосава у прсима своима уздышући раанила, и кою самь и я гвозденымъ постоянствомъ сакрыти всуе трудїосе. И о твоїой безчадной старости почне га у многомъ чемъ савѣсть гризсти, ибо є онъ онай быо, кой є къ поиѣеню твое Милице поспѣшествовао, и Твомъ отчаяню смѣяосе. О кадъ бы могао, говораше Храбричь, самъ у себи, све оно опеть поправити, што никакво злато овогъ свѣта накнадити не може! о кадъ бы му у Милисави моїой кћерь єдну поклонити могао, коя бы му оно была, што мени свагда єсть, и коя бы му страданя прошаста радостномъ и веселомъ будућностћу умегшала, и учинила, да їй сва поредъ нѣ заборави; та кадъ бы то учинити могао, то бы се небо на ме исто тако благодѣтельно смѣяло, као кадъ бы младость нѣна у манастыру у усамлѣнной молитви венула, у коима бы само половину срдца приносила.

Кнезь Храбричь испытывао ме є подобро, и надье, да самь драгинѣ нѣгове достоянъ. И зато науми, насъ обое благополучныма учинити. Додье и време и часъ разстанка: съ каквомъ жалосћу приближавао самь се Милисави, да їой съ Богомъ остай! рекнемъ? Устне мое задркћу, и

колико самъ се усиљавао, да не заплачемъ, ничимъ манъ топла суза низъ образе полети ми; и Милисава, нѣма, блѣда и дрктаюћи силе наћи не може, рѣчь разстанка изрећи — но я руку нѣну счепамъ, пламенно ю къ прсима моима приписнемъ, окренемсе, да бы што брже на полѣ излетїо — Милисава у несвѣсть падне, Кнезь ю преваги, мене натраг позове, несвѣстну своју кћерь къ срдцу момъ приписне, и рекне: „узми ю, и држи ю, за найвеће благо на свѣту, кое небо човеку дае, за жену пивою, и за вѣрну спутницу твое будуће радости и Твоїи страданя —

Ни рѣчи на то проговорити не могући, гледао самъ на Храбрича укоченнымъ очима, не могући самъ моимъ ушыма вѣровати, какве рѣчи онъ изговори, шта ли ми у истому магновеню даде, чему се никадъ надати нисамъ могао. Рѣчїй нашао нисамъ, коима бы радость мою изразити могао; сузе само рониле су низъ ланите — образе — мое: и у предчувствованъ среће мое удубльившїйсе прекрасно отъ Кнеза наложенно ми бреме къ прсима моима привучемъ, и ладне нѣне уснне съ првымъ и страшльивымъ полюбцемъ любве огрѣемъ.

Када Милисава очи опеть оттвори, и у обяпїямъ моима, свога любезника, видисе, сва се

зачрвени, и мысляше, да што не снива. Но њиһ Отацъ руку свою на главу њиу метне, благослови ю, и веселъ оно освети, кое є крозь њно срдце пролазило. Но таки се съ жалосћу опомене, да є манастыру посвећенна. Иди, рекне їой на то Отацъ, иди, и разрѣши Твой завѣтъ, непріятеля єдногъ са мномъ помирующи, и дѣтинскомъ нѣжносћу нѣму оно накнадьующи, што є посредствомъ тебе изгубїо. У странствователномъ одѣлу почни путешествѣ Твое къ самоостављѣнномъ и увредьенномъ Старцу за єдно съ Твоимъ заручникомъ. И кадъ му се, старостъ нѣгову штедећи, кажете, тко сте, и када Те онъ за заручницу свогъ Унука пріїми, онда ћу я Монастыръ єданъ сазыдати, и съ многимъ добрама снабдѣти, у комъ ћею благоговѣйне дѣвице небу мѣсто Тебе служити и Бога молити, мени прегрѣшеня моя да опрости. — Тако любимый Дѣда! ево насъ садъ кодъ Тебе, завѣтъ Матери моїой и Кћери Твоїой на смрти њной учињнъ да испуњимо: пріїми насъ и неотбацуй насъ. Сынъ утробе твое Милице, и кћи непріятеля Твога за то Те моле.

Старый Ябланович слушао є савъ трои пъ и уєдинно чувствованъ утопљнъ повѣсть Унука свога; и кадъ младый Драгимиръ повѣсть свою саврши, а онъ га къ прсима своима

їошть єданѣ путѣ привуче, и за чадо свое Милице призна.

Устрашенна стояше Милисава нѣколико коракляїй далѣ, и дрктаюћи очекиваше, кадѣ ће и ню кѣ себи позвати. Отацѣ Твой, проговори їой на то Яблановичь, учинїо ми є много зла; но кћери ради све му праштамѣ. И то изрекшїй и ню кѣ прсима своима привуче, и мѣсто Милице свое излюби. И ни є се никадѣ каяо, што є и ню пріймїо; она є дѣтинскомѣ приверженносћу и попечителносћу све оно опеть накнадила, што му є Отацѣ нѣнѣ зла учинїо быо. И тако є смутанѣ и буранѣ дань живота Драгимира Яблановича у преведро вече прешао, и окончаосе.

К. Наинлистъ рѣз.

Водите ме тамо, гди Вы пребываше!

ДАРМАНСЪ и ХЕРМИНА.

Єданъ опиъ нещастныхъ воспитанаца Французскогъ Архимандрїта л' Епеа (првогъ Учителя глувы и нѣмы) именемъ Дармансъ, єдинный сынъ нѣкогъ Сердара изъ Нормандїе, изгуби отца своегъ їошть у 25 години свое младости, и пако прекрасно єдно добро, кое му є сваке године 10000 ливра прїода доносило, заєдно съ єднымъ пр веселымъ сеоскимъ домомъ кодъ Париза у селу Сенп. Манде наслѣди. После отчине смрти преселисе младый нашъ Дармансъ у Сп. Манде, и ту пребываше. Єстество га є и глува и нѣма на свѣтъ произвело, ничимъ манъ получїо є бѣдныи Дармансъ отъ Учителя свога све оно, шпо га є о недостатку тюмъ утѣшавати могло. И сама природа ни є са свимъ не-

праведна њему била, и она му є накнаду њ-
ку за толико нещастѣ учинила, са шимъ, што
є све проче дарове, кое другоячїе рѣдко єдномъ
човеку подае, на њега щедромъ рукомъ, рекао
бы, излила. Онъ є стаса прекрасна и угледна,
разума превысока, и срдца блага и чувствител-
на био, читанъ књига страстно миловао, и
изредно чертао; но будући да му великїй свѣтъ,
но вольи не бы, то мысляще у себи, да га є не-
щастѣ његово осудило, у дубокой самости жи-
вити. Я могу, веляше онъ у себи само мои дѣлы у
союзъ съ людма доћи; зато треба да се попа-
шимъ, срдца свїю оны, коима услугу какву у-
чинити могу, моимъ владаньмъ, а не моимъ рѣч-
ма, коснуписе, и ныи нѣшини. Кадъ сиромау
благодѣянѣ какво учиним, онъ ће заиста мыс-
ли моє погодити, кое я изговорити не знамъ. И
самъ несрећникъ, кому я ни у чемъ помоћи не
узмогу, разумѣт' ће ме заиста, ибо ће ме ви-
дити, гди съ њимъ за єдно плачемъ... Такве
благе и нихе мысли упѣшаваю благодѣтелногъ
Дарманса; и онъ бы заиста, ако не са свимъ
срећанъ, а оно поне миранъ и спокоянъ био, да
га жалостива мысль, да му никадъ любведостой-
на єдна спутница усамлѣнѣ његово украсити неће,
тугомъ погружавала ни є. Никадъ ни є сирома
Дарманъ лѣпу єдну дѣвойку безъ тужногъ

чувствованя видити, нит' се икадь усудити смьо, веселю томь предаписе, и ню дуже мотрити: „меко нѣгово сердце повпоравало бы онда уздыщући ове рѣчи: Та неће ме лю бити!...

У прекрасно єдно и пролѣтно ютро сѣдне Дарманєь наш, дуго време проодавшійсе и уморанъ будући у Венсанской шумицы испод єдногь дрвета. Погледи нѣговы ски таусе, рекао бы да снива, по єдномь реду дрва, кой спроћу нѣга быяше. У єданъ путь младу єдну дѣвойку упази, коя му се полагано идући приближаваше и дѣте єдно опь 13 до 14 година за руку водьаше. Видећи красну ту дѣвойку бѣдный Дарманєь изь дубльине сердца уздане. Самость лѣса, у кой тако рано нитко долазити не обычествоваше, дражь ту сердца нѣговога већшомь їошть учини; и штогодь є ближе непознанна та дѣвойка кь нѣму ступала, све по више растло є распламененъ нѣгова сердца, све више и више видећи, да є лѣпа. . Но у єданъ путь се дѣвойка иста подтакне, и падне. Дарманєь брже болѣ устане, кь ньой поити, и надье ю на рудини у несвѣсти и у руку малогь оногь дѣтета, кое се сузама загушаваше, леже ћу. Пала є была сиротица преко єдногь дрвета и падши ногу є уганула. Дѣте бѣдно Дарманс

говорити почне, Дарманс̀ глув̀ и нѣм̀ будући нити што чути, нити што отговорити могаше: но стакленце єдно извади, и непознанной дѣвойки под̀ нос̀ метне, да к̀ себи дође, кое є и было, и дѣвойка очи отпвори. Дарманс̀ є на првый тай погледъ очекивао, но нимало чудїосе ни є, што є у очима нѣнымъ израженъ удивлѣния читао, коим̀ ю є присутствъ нѣгово поразило было: Дарманс̀ є пред̀ ньом̀ на колѣны клечао.

Непознанна та дѣвойка имала є прекрасно плавепно око, но нѣка немарности о свему, и потайна туга ясно се из̀ нѣга видьау. Дарманс̀, незнаюћи, да є ногу уганула, подигне ю на ноге. И тек' што рукомъ своїом̀ нѣну руку превати, а она се сва зарумени и зачуди., Дарманс̀ се сав̀ уздеркне, и сад̀ топрьв опази, да є она слѣпа... Мѣко нѣгово срдце с̀ радостю сладкїй извѣт̀ нѣжног̀ милосердя счепа, да бы се любви предати могло. Силна свеза, кою нитко на свѣту разрѣшити не може, сестраданѣ сирѣчь о нещастю ньом̀, свеже га на вѣки к̀ красной той Слѣпицы... Он̀ извади свою запи: саоницу (Schreibetafel), запише нѣколико рѣчїй у ню, и дода ю дѣтету ном̀, кое є на велику срећу читати и писати знало. И оптада почну се договарати. Дарманс̀ дозна, да є дѣ-

те исто, именемъ Леонъ, Братъ лѣпе Херминїе — тако се непознанна та слѣпица именовала — да є Херминїа лѣву ногу уганула, да ю нога яко боле, и да никоимъ начиномъ пѣшке до куће, коя є само четвертъ (Ферталь) часа далеко была, доћи не може. На то Дармансъ Леону ово напише; „Водите ме тамо, гди Вы пребиваше!“ И за тимъ Херминїю на раме, хотя да се она довольно противила, упрти, и съ пресладкимъ тимъ бременемъ подье. После єдне честверти часа стане Леонъ предъ єдну малу и уєдињену кућу, коя є при излазку шуме лежала. Куцну на двери (врата) и великій єданъ пасъ залае, а стара єдна служкиня полагано изидье, и двери оттвори. Леонъ у собу єдну у найдолњемъ спрату (кату) оттрчи, да бабу свою о несрећи Херминїйной издалека извѣсти и преправи. За њимъ и Дармансъ съ Херминїомъ отиде, и ню на велику єдну кожну столицу посади, съ кое є баба устала, и унуки своїой на сусретъ пошла была. Леонъ съ благодарностію Дарманса около врата обувати; и Дармансъ њега нѣжно загрели и исчезне. Штогодь є Дармансъ у кући истой видїо, све то показывало му є, да у њой богатство не царствує, но да и спромаштва не има. И то є новъ предметъ његовога сучастя было. Она є

сирота, рекне онъ, несрећна, она є лѣпа и дражести пуна, може бити, да я никадъ нѣнимъ Супругомъ бити нећу, но утѣха нѣна и подпора, то ћу їой заиста бити. А како ћу їой я чувствована моя изразити? Како се могу я съ њомъ разговарати? какол' ћемо єдно другомъ мысли наше собштавати. — Ахъ! Боже Мой! ако є срдцу нѣномъ чувствованѣ познанно, то ћемо се мы и у несрећи, коя насъ єдно отъ другогъ може бити, разстављя, разумѣти, и єдно друго погодити!

Сутрадань у ютру пошлѣ Дарманъ Херминїи єдну котарицу цвећа и воћа. Даръ тай прїимила є Херминїя съ особитомъ радостю. Херміїнїи є Дарманъ драгъ већ постао, она є чувствовала сстрадань о нѣговомъ нещастю, и доброта нѣгова превећ коснуласе срдца нѣногъ. И Леонъ є Хермїинїи Дарманса весма добро и живо описао, каквога є сирѣчь стаса, какова ли срдца.

Три године было ни є, откако є Херминїа ослѣпила, кадъ є на двнадесету годину сирѣчь наступила, а зао нѣкїй пюкъ (Fluß) на очи їой додье, и после нѣколико мѣсецїй Херминїа оневиди. Лѣкари, отъ кои су о томъ совѣта искали, были су тога мнѣнїя, да бы се слѣпота та съ очїю нѣны ножемъ лѣкарнымъ скинути могла;

но ни єданъ отъ њи зато добаръ стояо ни є, оће л' и помоћи какве оптудъ быти, развъ ако се лѣченъ то у 17 Херминѣйной годыни предузме. А садъ їой тек' 16 година и полъ было; Отацъ њънъ умрео є їошть, док є она писала. Истина, да ю є мати њна по отчиной смрти подробно придержавати могла, но и она се наскоро преспави, а Херминїа ослѣпи, и тако цѣла њна Фамїлїа осиромаши: и тако є сиротица їошть у дѣтинству своме на єданъ путъ са всимъ пренебрегнута была.

Херминїа отъ двана десете свое године непрестанной самости наученна зедержала є и у опрастлости своїой сву свою дѣтинню невиность и просподушѣ. Само се ћудъ њна мало измѣнула; особито є жалостива и невесела была: и непрестанно є за матеромъ своїомъ плакала, какогодь первы година свое жалости. Будући да ю ништа развеселити не може, то є жалость сваћй дань онако живо чувствовала, као што ю є прошастый дань осећала. Слѣпа будући све ю є немрчина окружавала, а непрестанно у жалости, и све у еднакомъ стаю чинило їой се време, да непрестанно стои и не мичесе. Никакова промѣна никаква друга окретность (Umgebung) нису їой дозволявала, сѣћенъ часова и бѣланъ мѣсецїй примѣчавати.

По обѣду (ручку) самѣ Дармансѣ кѣ Херминїи додье. Херминїю є нога їошть єднако болела, но заспао ю є поредѣ бабе нѣне сѣдећи. Баба нѣна 80 година стара имала є на крылу преслицу, и прела є. Предѣ Херминїомѣ пакѣ стоило є старѣ єданѣ и неудешенѣ клавирѣ, и она є старе нѣке гласове, кое є отѣ дѣтинства своѓѣ научила была, на нѣму свирала, и узѣ свирку пѣвала. У среди єдноѓѣ стїха стане, и сва се зарумени, чуюћи, да су се двери собне оптворише, и обонюћи, да се по соби благовонѣ амбрїйно распростире. Воню ту примѣтила є была їоште ючерь у коси Дармансовой, тако га по ньой и садѣ позна, и по имену позове га... Младый Леонѣ чудїо се тому тако, да є приключенїе по Дармансу преко писма сообщїо. Дармансѣ Херминїю о томѣ упыта, и она му исповѣди, да она остроту обоняясвоѓѣ вонномѣ праy, конмѣ су косе Дармансове посуте, благодарити има, и дода кѣ тому, да она воню испоѓѣ праа воньи свакоѓѣ цвѣта предпочитуе. Іошть оно испо вече Дармансѣ їой купїю єдну пуну амбрїйна праа пошлѣ; она ю остави, и ни є праомѣ тимѣ косу свою посипати кћѣла, кѣ Леону говорећи, ако бы се и я ньимѣ прашила, то не бы Дарманса више познапи могла, када кѣ мени додье, и кадѣ бы

самномѣ у соби био, то не бы знала, или кѣ мени иде, или се отѣ мене удалюе. Често бы она, кадѣ Дарманса кодѣ нѣ было ни є, кутїю ону оттворала, и прекрасну воню праа у њой држанногѣ усисавала. Ахѣ! Веляше она, сада управ' мыслимѣ, да є онѣ самѣ кодѣ мене. Давно є већ у души нѣной чувствованѣ нераздѣлно отѣ жалости било. Но садѣ и нова єдна корыстѣ бытїе нѣно промѣни. Откако є Дарманса познала, осећала є опеть да дань за даномѣ слѣдуе; у ютру є сѣ нестрпѣливостю вече очекивала, а у вече кадѣ бы легала, мыслила є веће на сутрашньїй дань.

И Дарманѣ є сѣ свое стране само Херминїю видьао. Отѣ Леона є и најмања обстоятелства Нѣна дознао; и веселїосе о томѣ до излиха, што не само ласканя о нѣной красоти невинность нѣну покварила нису, но што и она сама собствене свое дражести їоште не познаваше. Сѣ радостю є чуо, да се нада, слѣпоте свое избавитисе; сѣ усхищенѣмѣ на срећю ону мысляше, кадѣ ће Херминїа очима своима на нѣга погледаши, но и при свемѣ томѣ бояосе опеть тако промѣне у Херминїйной судбини. Ибо, веляше онѣ у себи, када Херміїнїа узвиди, како є природа щедра кѣ њој была, ће ли она и иста ова чувствованя кѣ несрећно-

му Дармансу задержати? А како бы мени то довольно было, само сь нѣнымь сстраданѣмь удовольитисе? А како бы опеть Херминїю видїо, сва та жалостна двоумя разишла бы се, та тако су га пріятельски у той кућицы пріимали, у коїой су сви обытательи толике знаке сучастя и доброте отъ нѣгъ пріимили. Служкиньи є новаца давао, баби старой свиле за предиво, Леону играчке, Херминїи цвѣћа и воћа, а великомь псу хлѣба. И кадгодь бы кь ньима дошао, сви бы се укући убрзили, служкиня бы предь нѣга истрчавала, великїй пась маао бы репомь около нѣга, и улагивао бы му се, Леонь бы му о вратїь падао, добра стара баба очевидно бы се развеселила, а Херминїа бы се заруменила и уздысала. У ютру бы їой Дармансь по єдну киту любичице шиляо, и она ю є по цѣо дань предевеню носила. Свако вече пили су тей єдно сь другимь: за тимь бы Дармансь китy любичице отъ Херминїе искао, она бы ю му дала, Дармансь бы ю поискидао, водомь ю налїо, и мѣсто теа пїо.

Дармансь є знао, да єклавирь Херминїйинь неудешенъ, и зато га удесити даде. Леонь Сестру свою, коя о томь ништ' не знаде, натерывати почне, да у клавирь удара; опкакоє Дарманса познала, ни додирнула га ни є. Нећу

богме, отговори Херминїа Леону, ни є ми свиранѣ више повольно. — зашто не? упыта ю Леонъ, та тако лѣпо пѣваш! — Но тко пѣванѣ и свиранѣ мое чуе? отговори му Херминїа на то уздышући... О! како жалимъ, што писати не знамъ, ако ми Богъ да, те прогледамъ, то ће ми прво быти, што ћу учинити.

Дармансъ разговорь тай єдва сазна, и већ у Паризъ кьУчителю Слѣпаца, Г. Ханїю отиде; и отъ нѣга художественну ону справу добїе, коїомъ се већша писмена правити могу, и на коїой се пипаюћи читати може. И съ ньомъ у Ст. Манде дође. Изванъ себе отъ радости, што є справу такву нашао, почне Херминїю на ньой читаню и писаню учити. И будући да є онъ Херминїю учїо, какавъ успѣхъ ни є она у томъ учинити морала? Научисе писати, и наскоро са простыма име Дармансово измедьу писмена надье, наскоро и у станѣ дође, съ ньимъ се договарати. Како су сладкїи први ньи разговори са Дармансомъ были. Обое су сву срећу у ньима уживали, кою два єдно друго любећа срдца чувствую, кадъ се по дугому разстанку єдно съ другимъ састану. И нису много времена потребовали, да се болѣ упознаю, ибо су се давно веће добро познавала. Но садъ опеть нису сласти разстанка осећали, нит' су веће

могли мысли свое и чувствованя до найманѣ мр-
ве єдно другомъ собщавати. Тако имъ лѣто
продье. Съ живостнымъ чувствованѣмъ прим-
ти Херминїа да се Ноемврїй мѣсецъ прибли-
жуе; їошть нѣколико дана говораше у себи, и
я ћу Дарманса видити, или сву надежду на вѣ-
ки изгубити, икада га упазити.

Дарманъ самъ лѣкара надье, кой ће ва-
жно то дѣло, Херминїи видъ дати, на се прїи-
мити. И найскуснїегъ Паризскогъ Хирурга къ
ньой у опредѣленный дань доведе. Дарманъ
є и то отъ Лѣкара искао, да и єданъ отъ нѣ
говы пипомака съ ньимъ подье, но спаса и ли-
ца прекрасна да буде, и нѣгове альине да обуче,
а свое Дармансу да даде. Дарманъ є сапимъ
не срдце но успалъ (инстинктъ) Херминїйнъ
кушати ктео. Любовь є лака и лаковѣрна, чудо-
вища сама не бы ю удивленѣмъ поразила, ибо
мысли, да у сили нѣной той лежи, сва чудови-
ща сама произвести. И Дарманъ зато черну,
лѣкаровомъ подобну альину обуче, и поредъ нѣ-
га стояше, докле є Учитель нѣговъ ножемъ о-
чи Херминїйне сѣкао. Сѣченѣ по срећно се окон-
ча. И Херминїа и оживи и прогледа. Перво нѣно
чувствованѣ было є прекрасна жертва природно-
га чувствованя, она баби своїой у нѣдра полети
Леона загрли, окренесе, и Дармана и младогъ

оногѣ лѣкара упази. Обойца су готово єднаке величине были, и коса имѣ є єднака была, и єднако обученныи обойца су недвижимыи предѣ ньомѣ стояли. Но Херимлиїа є Леона о стасу и внѣшности Дармансовой толико већ испытала, да га є таки познати морала, а и само Дармансово израженѣ... Ахѣ! та ни є се више ни сумнѣти могла. Сѣ прсїю свои кипу Любичице, кою є у ютру по обычаю добивала, узме, и Дармансу ю пружи; и Дармансѣотѣ радости, и любве, и изѣ признателности руку нѣну узме, и сѣ сладкимѣ и топлымѣ сузама облїе.

Херминїа скоро оздрави; оздравляню томѣ поспѣшила є сама нѣна срећа. Она є Дармансу обећала, да ће се у дань, када првыи путѣ изићи буде, у нѣговомѣ присуственствю на огледалу огледати. У цѣлой той кућицы было є само єдно и то разбїенно већ огледало, на комѣ су се, и стара баба, и Леонѣ и служкине сви редомѣ огледали; но Херминїа, по обећаню своѣ дозволити никако не може, да се огледало то у нѣну собу унесе.

Дармансѣ у Херминїю, откако є прогледала, їоште залюблѣнніїй, почне и немирніимѣ постаяти, и самѣ у себи овако говораше. Ахѣ! Боже мой! садѣ ће Херминїа све свое любведостойно незнанѣ свои дражестіїй и цѣлу нѣну

силу изгубиши! Она ће себе сада познати, и може бити са лѣпотомъ своїомъ поносите се... ако ништа друго, а оно ће ю и погледъ овай у удивлѣнѣ поставити, она ће дѣйство любкости свое у очима свїю людїй видити и чипати.. а я? я ћу моимъ очима морати, гледати, како ће-ю їой се сви дивити и чудити, а чути нећу, шта ће њу їой говорити, шта л' ће она њима на то отговарати. Ахъ! све се страшимъ! све то узнемируе ме, и мучи ме... Тымъ разсмотренямъ уплашенъ заключи најпосле, срећу дѣвойке исте, кою є пако силно любїо, у бѣду не бацати, и зато їой срдце свое открїе. Исповѣда їой сирѣчь, да ће поревньивымъ (eiferſüchtig) постати. „Оставите ми, рекне їой у єдномъ писму, ту славу и то сладко чувствованѣ, да судбу Вашу на се узмемъ, будите ми Сестромъ, я нисамь достоянъ, Вашымъ Супругомъ быти.“ О! како є лако, сумню изъ срдца оногъ, кое страстно любимо, истерати! онда човекъ пако добро чувствује, што комъ казати има, сва изражења онда толико силе и крѣпости имаю. Но Херминїа му само у две врсте отговори, и свако неспокойство у нѣговой груди разгони. Она му се завѣща, да ће се на вѣки свѣта, и суетны оны уживленя отрећи, кои Дарманъ у-часникомъ быти не узможе. Најпосле му и то

предложи, да изъ Парижскогъ предѣла отиду, и на селу ономъ, кое є Дармансъ у Нормандїи припежавао, живе.

После два дана посѣти Дармансъ у ютру Херминїю; баба и братъ нѣнъ были су кодъ нѣ. Дармансъ мешне велико єдно, и закрываломъ покрывенно огледало у собу Херминїйну, ню къ огледалу истомъ отведе, и завѣсу нѣгову свуче. „О! како самъ порастла,“ рекне Херминїа. За тимъ се їошть точнїе на нѣмъ погледи, и нѣко благоволенѣ осети, кое є неспокойномъ Дармансу тежко было. Како сама себе огледа, рекне самъ у себи, каква изражения у нѣномъ облику! Ахъ! како є удовольѣнна суепа кодъ жена често правомъ чувспивованю подобна!.. Хермїнїа се їошть єднако съ великомъ радостю огледаше. На єданъ путъ се сузама облїе, къ Брату своме окренесе, и рекне му: „ахъ Брате мой! како самъ на матерь мою наликъ!“ То є све было, што є Херминїа при дугомъ своме огледаню на себи примѣтила. И Леонъ Дармансу чувспивованѣ Хермїнїйно изясни. Дармансъ до дубльине свога сердца рѣчма тимъ тронутъ падне предъ Херминїю на колѣна: о! у томъ магновеню видїо єтопрвь да є са свимъ лѣпа.

И Дармансъ се са Хермииїомъ вѣнча,

и брата и бабу нѣну къ себи узме. А са свима у Нормандїю отиде. И у толикой самости одр. жала є Херминїа сву свою срећу и све свое добродѣтельи у цѣлости; и Дарманскъ най-срећнїй измедьу свїю Супруга и Отаца єспеству радо опростїо, што га є и глувымъ и нѣмымъ произвело. Онъ є радостно дане свое са Хермињомъ проживїо, и Богу свагда зашо благодарїо.

ИЗОБРАЖЕНЬ.

Свемїрногъ потопа.

Већ су куле мраморне подъ волнама — таласы-закопане быле, већ су черныи валови вода пре-велико свое множество надъ главама гора врши-ан. Іошпь се Превысоко чело стѣне єдне изъ дна вода узвышавало. Страшанъ врвъ (Gewitter) царствовао є свудъ около нѣ; о ню су волне не-престанно ударале; нещастницы, кои су се у опчаяню на врхъ нѣнъ попетисе трудили, дава-ли су прежалостне гласе отъ се; медьу тѣмъ є смрть, на волнама носима, стопамъ ныны но-гу слѣдовала. Овде се парче єдно горе отпламля-ло, и съ цѣлымъ своимъ бременомъ уздышући людїй у бунећесе волне свалывало; онде су брзе, буйномъ кишомъ произведенне струе (Ströme) сына носиле, кой се всуе трудїо, умираюћа сво-

га Отца спасти, или неутѣшну, и прочомъ своїомъ дѣцомъ окруженну матерь у высь извући. И ништа више видити не бияше, кромѣ єдногъ найгорегъ врха, кой се їоште изъ пропасти узвышаваше. На тай врхъ спасао є био младић єданъ, имеиемъ Семинъ любезницу свою Семиру: обое они были су два нѣжна любезника, кои єдно другомъ заклињаусе, да ћею се вѣчно любити. Они су самыи были, волне су сву прочу тварь поглопиле быле, они се самыи посреди бурѣ и свирѣпы вѣтрова наодяу. Киша є надъ ньима као изъ кабла лила, громови су около глава ньины пуцали, и цѣло свирѣпо море рыкало є подъ ньинымъ ногама. Страшный мракъ царствовао свудъ около ньи; и текъ се погдикоя луча мунѣ посреди страшногъ тога позорїя указывала. Свакїй облакъ иосїо є страа и ужасъ само на своммъ мрачномъ челу, и свака волна мртвы тѣлесы преиспунѣнна вртиласе по непогоди той, нова и нова разорења тражећи.

Семира любезника своегъ къ дрктаюћемъ своммъ срдцу приписне; низъ блѣде нѣне ланите рониле су сузе съ капляма кише смѣшанне; съ дрктаюћимъ рѣчма она рекне: „не има нама више спасеня, о любезниче мой! о предрагїй мой Семину! мы смо са свїю спрана грозномъ смрћу окруженныи!. Оле опустошења! Оле разорења! Смрть намъ

ее све то више приближује! Коя ће опѣ овы волна, а! та коя ће она быти, коя ће насѣ закопати? Придржи ме єдинный мой! а! придржи ме дркћаюћимѣ Твоимѣ обятїяма, овай часѣ, овай часѣ у свемїрный разорѣ погруженныи, неће мене више быти! Видишли.. видишли ли ову волну? како є страшна! Видишь ли ю у свѣћи мунѣ? Видишь ли ю, како се приближује? Погледѣ! Погледъ'! О Боже! о вѣчный Судїо!" ... То изрекшїи падне Семину на прси.

Слаба Семинова обятїя онесвѣстившусе дѣвицу обгрле; дркћаюће нѣгове устне ћупау; онѣ не видьаше више разоре около себе. онѣ ништа друго не видьаше, но само то, да є любезница нѣгова, у несвѣсть пала; а то видећи више се уплашїо, него што се онай плашии, кой на самртномѣ концу очи већ изврће. Онѣ блѣде нѣне, ладномѣ водомѣ кише омиване ланште полюби, и жестоко кѣ пресима своима притиснувши ю говорити їой почне: „Семиро! драга моя Семиро! пробудисе! освѣстисе! А! повратисе їошть єданѣ путѣ у позорїе страа! обрати очи Твое їошть єданѣ путѣ на ме! безбояне твое успне нек' ми їошть єданѣ путѣ рекну, да ме ты любишь, да ћешь ме до смрти любити! їошть єданѣ путѣ, пре него што насѣ волне опнесу."

НОТЕНА МАТИЦЕ СРПС У НОВОМ САДУ

Семинъ то изговори, и Семира се освѣсти: погледомъ єднымъ на нѣга погледи, у комъ су преживостна нѣжность, и предубока туга изображенне быле. Погледавши пакъ и на сва около ньи суща разорења повикне: о Боже! о праведный єудїо! заръ не има више за насъ спасења! заръ не има више милосрдя? О! како се воде свалюю! како рычу громови около насъ! Какавъ стра и ужасъ показуе неумолимо оптмащенъ вѣчнога! О Боже! та године наше протекле су у невинности, защити насъ двое млады, двое найдобродѣтельнїи!... О тежко мени! Не има їй-више, не има, ньи, кое су животъ мой тысащомъ сластїй преиспунявале! А ты, коя си ми животъ дала! о ужаса... и тебе су волне отъ ме отнеле: ты си їошть єданъ путъ главу и руке подигла была и мене благословити кшела, но и ты си прогутана... Оле! та сви су пропали; и опеть бы ми запо о Семину! разоренъ овай и усамлѣнъ свѣтъ вртъ — башча — єданъ сластїй поредъ тебе быо! Боже! лѣта наше младости протеклу у невинности!... Оле! не има више спасења, ниши надежде о каквому милосрдю; но шта говори мое пужно срдце? О Боже! опрости! мы умиремо! шта є невинность човечїя предъ тобомъ."

Младый Семинъ држао є свою любезницу,

коя се у бурьи вѣтрова колебаше, и рекне їой: „Тако є любо моя! сва живопна существа пропала су на земльи; ни єдногѣ уздыа више не чуесе отѣ умираюћи посреди овогѣ разора. О Семиру! магновенѣ ово, кое ће намѣ сада доћи, быпи ће последнѣ наше магновенѣ! Тако є, све су оне надежде о овомѣ живопу исчезле! сви прекрасныи изгледи, кое смо у сладке часове наше любве видьали, сви су они исчезли. Мы умиремо! Смрть на насѣ већ иде! Већ се дрктаюћи нашы ногу допиче: но не очекуймо, као већ познавшїй га, общегѣ опредѣлѣня! мы умиримо. И..а любезна моя Семиро! шпа є нашѣ найду жїй и найсладьїй живопѣ быо? ништа друго, но само капля єдна росе на стѣни, коя се предѣ сунцемѣ юпреннымѣ у морс свалюе. Орабрисе єдинице моя! вѣчно щастѣ очекуе насѣ иза овогѣ живопа. Не дркћимо сада, када изѣ нѣгѣ изилазимо. Загрли ме, и ожидаваймо, ожидаваймо опредѣленѣ наше безѣ страа. Таки ћею се о Семиро! душе наше изѣ овы пропастїй ужаса изваляти: и чувспвованѣмѣ неизрѣчима благополучя пронупе таки ћею успаряти. Силный Господи! то є, чему се душа моя сѣ повѣренѣмѣ нада. Подигнимо о Семира! руке наше кѣ Богу. Єли то смрпнымѣ людма данно, да о волы онога суде? кой дуновенѣмѣ своимѣ насѣ оживлява, кой

смрть и праведнымъ и неправедным шилѣ. Но щастанъ онай,кой є спазомъ добродѣтельи ишао! Не молимо те Боже! више за животъ, пріими насъ само къ себи, но оживотвори у нама превелику ону надежду о неизглаголимомъ овомъ благополучїю кое смрть узмуѣавати неће. Пуцајте громови! подижтесе пропасти! одите на насъ о волне! хвалѣно буди на вѣки име Господнѣ! То послѣдня нама мысаль да буде.“

Веселѣ и мужество повратесе у олѣпшаваюће се Семиріјне ланите; дигнувши свое руке посреди бурѣ рекне она: „Я самъ веће велике те надежде преиспунѣнна. Хвалите уста моя име Господнѣ! проливајте очи мое сузе радости допле, докле смрть не додье, и не запвори Васъ. Насъ очекуе небо пуно вѣчности. Вы сте предъ насъ тамо отишли, сви вы, кои сте намъ тако драгїи были! и мы за Вама идемо, и скоро ћемо се видити! Они сада около престола всевышнѣга и праведнѣйшега стое: Богъ їй є, пре своегъ суда, предъ свое лице сабрао. Пуцајте, грмите, и рычите о пропасти! Вы сте пѣсне нѣгова правдолюбя! Погрузите насъ о волне!... Глед' о любезный мой Семину! загрли ме. Ево є, гди иде, смрть! ево є, гди се на чрной овой волни приближуе. Загрли ме Семину! и не пущај ме! А! већ ме волна подиже!“

„Я, те грлимъ єдинна Семиро! отговори Семинъ, я те ево грлимъ! О смрти! добро дошла! Ево насъ овде, оди амо! Хвалимо имя Господнѣ! Хваљено буди вѣчно праведно Существо!

Тако Семинъ и Семира взаимно говорећи, и єдно друго тѣсно загрљенно држаюћи утопесе у волнама свемїрнога потопа.„

(Г. Геснеромъ)

ПРВЫЙ ПЛОВАЩЪ.

Ґлава Прва.

Много тужны година было єотъ страшне оне ноћи прошло, кадъ є колеба Милонова на маломъ єдномъ брегу бѣсномъ волномъ — талассомъ — отъ суве землѣ опцѣплѣнна: море є поля и дубраве измедьу тврди и ньинога обыталища прогутало было. На усамлѣнномъ острову стояло є ньино обыталище, отъ оны брегова шако далеко, да и при найвећой тишини неба и мора найясніе блеянѣ стада са плаветногъ брега чупи нису могли: они су сваке радости лишенныи были, кою су имъ пре тога сасѣдна любовь и услужно пріятелоство подавала. Семира є давно їоште любезника свога закопала была, и у жалостной самости съ кћерю своїомъ живила: никакво дружспво часове ньине увеселявало ни є,

К. Наемникъ рѣз.

кромѣ дружспива єдинны небесны пиица, и малога
ньиногѣ спада.

Мелида, кѣи нѣна растла є, ни отѣ какѣвогѣ младиѣа неудивляванна, у цвѣтуѣей красопи: она бы у играма и у колу измедьу лѣпы дѣвояка заиста найлѣпша была; и тако пріапна, као што бресква умилна бывати обычествуе, када прьый путѣ прекрасный цвѣтѣ понесе.

Семира, нѣжно о томѣ бринуѣисе, да усамлѣнѣ свое кѣери сѣ горкомѣ тугомѣ не печали, и да желаня оны радостіій ньой не зада, кое їой никако припасти не могоше, сакрывала є отѣ Мелиде сваку садружеску радостѣ, и сва увеселеня, коя се тамо на брегу морскомѣ у свакой полани, и у свакой сѣнки загрляваю. Но свакій дань ишла бы кѣ брегу истомѣ, по цѣо часѣ плакала бы на гробу своѓѣ Милона горко. О тебе више не има! тако є жалостѣ нѣна свакій дань тужила. Тебе више не има! Тебе, утѣхо моѓѣ и живота, и подпоро нашеѓѣ нещастя! Безѣ свакe помоѣи отѣ свїю оставлѣнныи, свирѣпимѣ моремѣ свуд' унаоколо окруженныи, каква судба очекуе насѣ! Пріятельско састраданѣ тугу нашу не ублажуе; и свака сасѣдна помоѣ опреченна намѣ є. О кадѣ бы тебе Мелидо! наймилїя кѣери! видипи могла, да умирешь! Ахѣ! тако є велико мое нещастѣ, да бы по најрадїе

имала. О кадѣ бы Те видити могла, да умрешь! Ако я умремѣ, а ты у процвѣтаваћеи младости сама по мени останешь: ахѣ! страшна помисли! сама самцыта, свуда унаоколо жуборећимѣ волнама обливенна, безѣ свакога дружства и безѣ помоћи, у непрестанной туги и бѣди! Онда никаква човечїя гласа чула бы; никадѣ не бы гласѣ любвепуногѣ Супруга теби зазвонїо, Супруга, когѣ бы любовна твоя дражь (Liebreitz) и твоя добродѣтель благополучнымѣ учиниле: никадѣ не бы весело име матере отѣ прогованаюће дѣчице до ушїю твоїи допрло! никадѣ не бы гласа радости познала; и само бы отзывѣ твое собствене туге изѣ жалостивы сѣнка и изѣ стѣны пропастїй кѣ теби долазїо: дугачка скорбь изела бы твою младостъ; ты бы безѣ сваке утѣхе умрла; сузе любве не бы при твоїой безпомоћной смрти потекле; мртво твое тѣло остало бы неукопанно, и распало бы се на жаркомѣ и пекућемѣ сунцу; или бы га птице неба раздрпале. Скрыте тугу мою отѣ нѣ о бездне! и вы усамлѣнне сѣни! Вамѣ самымѣ могу се тужити: затаїите їой мою скорбь, она у невинномѣ незнаню цѣлу свою несрећу їошть непознае. Тако тужаше Семира, и тугу свою отѣ кћери сакрываше, тугу, коя є непрестанно увеняваюћїй нѣнѣ животѣ гризла.

Мелида се медьу тимь у дражной невинности сь млады яганчићи сиграла; они нису пастыра потребовали, ибо ій є шушпаюће море у малу ньину поляну затворало. Често бы она благовонне лозице привезывала; она є покровительница растћня; была, свакій пострадавшій цвћтакь, и свакій найманьій шушань подизала бы горе, да бы здравьи узрастли. Около ньи є мале потоћиће савела, кои су или са камења на рукосаде нћне падали, или у малы барица у єдно се скупляли. Около цћлогь острова посадила є она два реда плодоносны дрва, и по ньинымь сћнкама проодаласе често сама, лћпа, као Венера на острову Пафу бывша. На брегу острова своги была є и єдну пещеру украсила и искитила, самость бопуна є силны воображења; шпогодь бы школька жуборне волне на брегь доносиле, све то носила є она у ту свою пещеру, и све є по стћнама — дуваровы — нћнымь вћшала, сваку по образю и по боїи нћной у редь поставляюћи. У найвећу отть ти школьки капляла є сь пещере исте бистра єдна вода са пріятнымь плюскомь; предь пещеромь нїяли су се чбунови їоргована.

У тако невыннымь забавама протицали су їой часи нћньи, и она ни осећала ни є, да усамлћина живи; шеспнадесеть юношески година прошло їой є тако у нивинности: но у седамна

десетой вѣке осѣћати стане, да є усамлѣнна была. Сва зачудьенна и безь волѣ одала єил' сѣдила често по сѣнкамь дрва, често сама у себи овако говорећи: „На шшо су насъ богови овако саме овде поставили? Отъ свїю прочи тварїй много нещастнїи на шшо смо овде били, и нашшо и садъ овде єсмо? О я шо осећамь; опкуда бы я безь волѣ была, као да мя све нѣшшо недостае, шшо кь момь существу принадлежи, нѣшшо, шшо я именовати не могу, о добро я шо осећамь, да я кь овомь усамлѣню сашворенна нисамь; морало се нѣшшо особито съ нама случити, кое мати моя отъ мене и аїи. Я шо видимь: непресшанно жалосшна нѣка шайна предъ челомь нѣнымь лети, и кадъ ю я запышамь, шша їой є; а у очима нѣнымь суза шрепши, суза, кою єдва задржати може. Ослониссе, вели ми, на мудросшь владаюћи богова, и сшрпљиво судбу нашу изь ньины руку очекуй. Я и нећу више испыпывати; съ молчалывымь спраопочшшанѣмь ожидавати ћу я судбину мою изь ньины руку, яко и єспь ша шаинспвенна помысаль весма мрачна.“

Често бы дубоко замыслѣнна по пространомь мору гледала. О непревидиме поляне! кажите ми: єли ова мала почка овай островь, коїй вы окружаваше? како є маленъ онъ у по-

врхностемь, Вашымь, кое се прегледати не могу? Єли онь єдинна шврдь? Да нису другїи брегови, о кое Вы удараше, оку момь весма далеко? Ахь! Мати моя оприче ми то; но молчаюћа нѣна скорбь пита нѣко подозренѣ у мени. Заиста! Заиста! ни є ово єдинна шврдь у прегрдной Вашой поврхности! шта є оно тамо, што се као низакь нѣкїй облачакь недвижимо у дугачкомь реду надь послѣднѣмь вашемь краю вуче? Може быти, да ме воображенѣ вара; но мени се учинило, као да самь кадь є тишина велика была, глась нѣкїй изь дальина чула. Шта то може друго быти? ако и єсть тако маленно; то чини велика дальина; знамь я, знамь! та и далнѣ волне чине се маленне! зарь ми се и колеба наша много маня не чини, кадь ю сь найдалѣга края острова погледимь? И ако оно земля буде, овой подобна, са дубравамь и са плодоносны дрвы, то ће на ньой и таквы шварїй быти, кое ньи уживаю. Но може быти, да су швари оне другоячїе него ове, кое мы имамо: а може быти, да ни су ни такве, као што я єсамь; може быти, да ми небы болѣ за дружество быле, него мои овцы овде. Но кадь бы было: ахь! истинна да се при овой мысли сва грозимь, кадь бы оно шврдь єдна была, кадь бы и на ньой швари мени подобне живьле, кадь бы и ньи много

было, као што много птица и оваца на нашемъ острову има, и кадъ бы се и оне измедьу себе радовати могле, као што се разнообразне птице радую, или кадъ бы се као и мои овцы у сакдружескомъ єдинству веселиле; о щастльиве тваріи! Остави ме, о остави ме предражестна мысли! Кудъ ме надалеко блудеће мысли водите, да ме нещастномъ учините? О волне! волне! Кадъ се къ ономъ брегу отваляте, а оно каж'те щастльивымъ Жителъмъ, нещастна єдна дѣвойка, плаче на брегу оногъ острова. Отидите отъ ме заблудивше мысли! Окан'те ме се, вы ме само неутѣшимомъ чините.

Често бы матерь свою пытала; кажи ми, молимъ те: зашто мы двое непрестанно само двое остаемо, а све проче твари умножаваюсе? Около прозябаня расту млада прозябаня истогъ рода; сваке године умножавасе наше стадо; како радостно скачу младыи яганцы, како ли се бытю своимъ радую? А разнообразне птице? Я самь ій примѣчавала, и радовалаасе! тамо у найтамнїой сѣнки сѣдила самь, и много дана пазила самь на све. Две птице начиниле су себи чисто єдно гнѣзде, и онда су се съ сладкомъ прїятносћу по оближньимъ гранама сиграле. О како су се любиле! Мало за тимъ видила самь яйца у гнѣзду; єдна отъ ньій покрисала ій є съ попечителномъ

бдителносћу, а друга їой є медьу тимъ време по гранама пѣвајући прекраћивала. Свакій дань примѣчавала самь я то изъ сѣнке. Наскоро упазимъ мале голуждраве (unbefiedert) птичице онде, гди су пре тога яйца лежала, а веће су околоньи съ новомъ радосћу облетале, и у клюнови свои раану маленыма носиле, обе су їй съ цвркутајућомъ радосћу прїимале. Мало по мало и оне перъ добїю, и їошть слаба крила трести почну, и изъ гнѣзда свога на ближню грану подигнусе; веће оне летиле су предъ ньима, као да су їй орабрити кпеле, да и оне то исто чине. О єдинна майко! како ми є мило и угодно было, кадъ самь по видила! Често су крила подизале, као да се и оне усудьую летити, но опеть су їй спуштале, боећисе, да летити неће моћи. Найпосле найдрзновеннїя отъ ньи усудисе, и спъ радости, да є у предпрїятю своме успѣла, пѣвати почне, рекао бы, као да страшльивїе свое Садруге позыва, да и они лепе: и оне се усуде, подићисе, и почну облетати, са свеобштомъ радосћу пѣвајући. Ахъ, како чудноватe мысли порадьаусе у мени! зашто є само нама радость та отреченна?

Семира се забрине, како ће на та майки нїной весма пагубна пытаня отговорити... И я сама, отговори найпосле, ништа о томъ не

знамѣ. Зашто безполезнымѣ испытыванѣмѣ праздна воображенѣ у теби побудѣуешь? Зашто желаня она порадѣашь, коя ништта друго нису, но само єданѣ санѣ, и коя невинно твое спокойство узнемирую? Зашто предузрѣшташ ты Боговомѣ твоимѣ безразсуднымѣ изпытыванѣмѣ: они самыи то знаю, шта треба сѣ нама да буде; они самыи управит ћею пре или после судбомѣ нашомѣ по премудрой своїой волѣи."

Но богови, опговори на то Мелида, нек' ми опросте! на какве мысли неће човекѣ у безмилној овој самости доћи! Ничимѣ манѣ никодѣлној овој самости доћи! Ничимѣ манѣ никоимѣ начиномѣ не могу я желю мою уполипи, да бы рада была, и нашѣ родѣ да се умножава, као што се и другїи родови умножаваю. А како то быти може, то пронаћи не могу, то морамѣ боговомѣ оставити. Прозябаня постаю изѣ сѣмена, животна произлазе изѣ ня, єдна овако, а друга онако. Я самѣ све то примѣтила: я шта имамѣ друго и радити? О кадѣ бы єданѣ путѣ тако мале люде нашла, кои су овымѣ или оныимѣ коимнибудь начиномѣ постали, или породьеныи были! О бози! та како бы їй негова-ла! како бы їй любила! Но сада ћу све те суетне мысли растерати; богови ћею се о момѣ добру старати. Но їошть єдно любезна Май-

ко! їошть єдно, то, пакь више те нећу пыта-
ти. И то знамь, да я нисамь свагда таква бы-
ла, као што садь єсамь: я самь мало по мало
ова̀ко велика нарастла, као што и прозяби и
проче тварн расту. Я знамь, да ме ни є веће
было, него што є єдань струкь карамфїла: та-
ко самь пре тога їоште маня быти морала,
кадь за себе знала нисамь: тако самь и я єдань
путь быти започела, као што и прозяби, и
птице и проче тварн быти починю; кажи ми,
молимь те, ты си морала овде пре мене їошть
быти; кажи ми, како и гди си ме првый путь
нашла, и шта се самномь случило? Ако ми по
Майко! кажешь, то ћу я може быти, средство
єдно изнаћи моћи, лакше у трагь ући, или
зарь——Ахь та и сама управ' незнамь, но ты
бы ми, све казати могла.. Тако є Мелида
безспокойну свою Матерь са спотиномь пыта-
ния нападала.

Ты ме мое дћте! сь чудноватымь Твоимь
пытанћмь люшишь. Како си ты поспала, то
ти не знамь казати. Будући да самь сама сам-
цыта овде была, то самь богове молила, да
ми кою другарицу даду; и тако у едно лћпо ю-
тро тебе са свимь саму подь єдным чбуномь
ружица предь колибомь надьемь; но опеть ти
безразсудна кћери! кажемь, ты ћешь ме сь

Твоимъ безполезнымъ брбланѣмъ разлютити, негуй наше цвѣће, сиграйсе съ Твои млады яганцы, и не гнѣви богова, твоимъ безразсудѣмъ, а мене пытанямъ, на коя ти я отговорити не знамъ. Откако си се у те чудноватe суетне мысли дала, не проводишь веће часе твое пріятно: а и себе и мене мучећи оставляшь пещеру твою несавршенну, и прозябя твое безъ неге.

Тако є Семира са Мелидомъ усамлѣнна, безспокойна и тужна живила. Но богови послушаю нѣну молитву, и науме, тугу нѣну радосћу наградити. У Савѣту богова Аморъ* иа се то пріїми. А тко отъ богова може младу єдну дѣвойчицу срећнїомъ учинити?

На тврди спроћу острова Семиріїна живїо є младић єданъ, стаса прекрасна и величествена. Кадъ бы по цвѣтной поляни, ил' по сѣнки луга одїо, држао бы га заиста, да є єданъ отъ богова. Често му є Отацъ нѣговъ проповѣдао, како є пре много година великїй страа и ужасъ по цѣлой тврди био. Видишь сынко! говораше му, тврдь ону на мору; нѣкада є дугачко парче тврди у море, какогодь разширенна каква рука, ишла. На краю тврди те живило є двое честны людїй. Семира и Мїлонъ. Величествене поляне ишле су отъ нашега брега до ныне колибе, и многочисленна спада пасла су

на оба брега дугачко протегнуте тврди. Највећій њинъ благословъ и највећа њина радость было є сида єдно малолѣтно (unmündig) дѣте, чудовище єдно лѣпоте и пріятности. Издалека су жене къ њима долазиле, да лѣпоту дѣвојсу мале поклоне донесе їой, и щачице те виде, стљиву майку благослове. Но и сада се савъ грозимъ, кадъ се страа оногъ опоменемъ. У полноћи єданъ нутъ страшна пуцњава и кршенѣ рекао бы да све самыи громови тысящама у єдно скуплѣниыи, цѣо предѣлъ изъ сна пробуде: цѣо предѣлъ затресесе, море бѣснити почне, и са страшнымъ шумомъ преко брегова своїи предье; гласови страа и туге заjучу са свїю страна изъ дальина крозь ноћне воздухе. Будући да є ноћ отвеѣ мрачна была, то нитко причину туге те дознати не може. Дрктаюћи шта ће быти, зора заплави, и мы страшну пустольину у мору упазимо: поляне измедьу тврди и онога острова, што видишь, пропале су быле у бѣсно море; и тек' кадъ є ютреннѣ сунашце огрануло, онда топрвъ островъ онай упазимо. Єдномъ отъ насъ, острїега вида отъ свїю, мочињашесе, као да у бистре дане колибу Мїлинову и около нѣ дрва нѣка види. Може быти, да онъ и садъ їоште съ женомъ своїомъ живи; може быти, да є Мелида — тако се лѣпа нѣна

кћи звала — у жалостной самости найлѣпшомъ дѣвойкомъ поспала тако, да ни єданъ отъ смртны такве лѣпоте видїо ни є.

Проповѣдка та учини велико впечатленъ у срдце слушаюћегъ младића. Отъ тогъ доба ишао бы онъ често на брегъ мора, и чудїосе судбини Жителя оногъ острова. Єданъ путъ га сладакъ санъ при хуки волна нанде: Аморъ къ нѣму долети, покрай нѣга сѣдне, крилы свои ладити га почне, да га полудневно сунце пробудило не бы; и заведе га у сновидѣня (Traum) Учини му се, као да брегъ оногъ острова види; малыи богови любве трептау по сѣнкама дрва жалостиво пре и извїяюћисе: или по нїяюћимсе гранама шушиня, и по цвѣтновы нѣшто ожаляваy. Изъ дальина изидье єдна свакомъ любодражећу украшенна дѣвойчица, дубоко замыслѣнна и полагано ступаюћи. Витка будући ишла є небрежльиво красно: бѣла нѣна коса попала є была опъ части по нѣнымъ плећамъ, као што се млеко по бѣлосайномъ мрмору разлива: отъ части пакъ была є у гужву (Knoten) єдну съ мїртама на глави нѣной, на подобїе кондье, привезанна: дражестна блѣдина была є на прекрасномъ нѣномъ лицу, као што руже блѣде бывати обычеспвую, кое за дѣвическе прси задевемне вену у великомъ нѣномъ и плавомъ оку огненно нѣко

чезненѣ (Sehnſucht) тыяше. Тако є дѣвойчица па, као што є младић нашъ снивао, на вѣтрића оне. кои се съ ньомъ играу, и на прекрасно цвѣће, кое се исподъ ногу нѣны ласкателно савїяше и съ найпрїятнїомъ воньомъ вниманѣ нѣно раздражаваюћи, и на найсладье плодове, кой ю у разнообразной соянности съ обе стране на люляюћимсе гранама къ себи мамляу, нимало непазећи изъ луга оногъ ишла. Тако є она къ брегу мора ишла, жалостиво преко плаветне дальине на другїй брегъ гледала и, бѣле свое руке дизала, као да бы кога за помоћ нѣку молила. И на то му се учини, као да є онъ самъ преко мора, претрептїо, и брзо ньой у помоћ пошїо; да га є Аморъ на осѣнѣномъ брегу прїймїо, и лѣпу ону дѣвойчицу нѣму у дркћаюћа обятя довео: радостно и у шальивымъ и безчиннымъ играма облетали су богови любве около ньи, съ вѣнцы отъ цвѣћа опасаваюћи ій, и съ вонама цвѣћа отъ тїо-дуваюћи свои крила обдувляваюћи ій. Саняюћемъ младићу сердце куцати почне, ланите нѣгове запламтесе, и онъ рукама своима воздухъ обуваташе, кой испредъ нѣга све бѣгаше. На то се пробуди; и дуго є їошть у несвѣстномъ васхищеню лежао. Богови! (тако дркћаюћимъ своимъ уснама повикне) Богови! гди самъ? шта? Заръ є она отвикне

ишла? Зарѣ є изъ обятя мои побѣгла? Ахъ! Овде на брегу я лежимъ, тамо, далеко стои острovъ! Сновидѣнѣ єдно! ахъ сновидѣнѣ єдно преварало ме є за ва вѣкъ; оно ме є навѣки, то осећамъ, нещастнымъ учинило!

Отъ тогъ доба ишао є онъ почестће на брегъ, него допле; дубоко замыслѣнъ или уздышући ишао є или є сѣдїо на песку морскомъ и преко сиграюћисе волна гледао є на острovъ онай. Особито пакъ ноћу при свѣтлости мѣсеца, кадъ є дубока тишина по цѣломъ предѣлу была, и кадъ є море само зуило, онда є на послѣдњемъ краю брега стояо, и преслушкивао, нећел' каква гласа са острова чути. Често му се чинило, као да нѣко туженѣ или гласе умилногъ пѣваня чуе: ибо колико путїй не превара упалѣнно воображенъ желаня оны, кои любе! Често є сирома викао, и чинило му се, као да отговоръ єданъ изъ далыина чуе. Често му се пакъ свѣтлость нѣка или блистанѣ огня са острова показывала, а ништа друго была ни є, но звѣзда, коя є иза нѣ на своду неба стояла. Може быти — говораше у себи — да садъ сама тамо при ноћнѣмъ пламену огньица сѣди, и о усамлѣнной своїой судбини дивећисе младе свое дане у ноћной тишини всуе предышава. О вѣтрови! вѣтрови! кадъ бы Ваша крила имао!

Итите, летите кѣ оному брегу, и кажите їой, да я бѣданѣ овде на брегу испаявамѣ(verſchmachten.)

Но како то, често бы опетъ у себи говорїо, кудѣ є умѣ мой отишао, о бѣдный! шта любимѣ я? Сновидѣнѣ єдно, дубоко! Овде самъ я спавао, и сила мога воображеня представила ми єобразѣ єданѣ, истинна красній. и много красній, отѣ свега, што самъ досадѣ видїо: пробудїо самъ се: но о бози! ни є онѣ мени тако исчезао, као што сновидѣнѣ єдно исчезава: дубоко и неизбрисимѣ сѣди онѣ у моѣ воображеню, и надѣ цѣломѣ моїомѣ душомѣ влада: а при томѣ є опетъ само єдно сновидѣнѣ, и єдна сѣнь, кое може быти нигди на бѣлому свѣту у дѣйствителности не има: ню я любимѣ, она ме при сви мои пословы гони: кудгодѣ я подьемѣ а она свуда замномѣ иде, непрестанный огань и ову суетномысленну тугу у срдцу момѣ пита, и насилно кѣ овомѣ брегу вуче ме. О сраѣ те буди! тражи опетъ твой умѣ, и буди опетъ оно, што си пре быо, спокоянѣ и задоволянѣ, прилѣжанѣ и изобрѣтлывѣ у твомѣ послу. Иди, и смѣйсе твоїой побѣдьенной лудости. Иди сѣ овогѣ брега, и благодари боговомѣ, што те їоште цѣо предѣлѣ не измѣнива.

Но безполезно се противѣ чудне те любве борїс; безполезно є было нѣгово отваженѣ, отѣ

брега истогѣ бѣгати. При найпрїятнїемъ нѣговомъ послу изилазїо му є непрестанно видьенъ онай образъ предъ очи; све му се чинило, као да га невидимо нѣко божеспво къ брегу вуче. О бози! говораше онъ, заръ на вѣки любовь ова безъ сваке полze да ме мучи? заръ сѣнь єдна само младе мое дане съ безнадеждномъ мукомъ да преиспунява? Но то ни є никакво сновидѣнѣ, као нпто иначе воображенѣ скипно дававши обычеспвуе. Къ той идеи красопе ни є се никадъ їошпе сила мога воображеня узвысила, красопе, коїой подобне око мое никадъ видило ни є. А то само и голо воображенѣ ни у сновидѣнію учинити ве може: о заиста є Богъ єданъ сновидѣнѣ то мени дао. Но зашто ми га є дао? какво тайно намѣренѣ при томъ быти мора? То я испражнити не могу. Живи ли Прекрасанъ онай образъ дѣйспвително тамо на острову? зашто ми се є у сновидѣню видити дао? зашто оће, да у любви къ образу томъ таемъ? зашто средства она не покаже, како бы на онай брегъ доћи могао? Будући да могућно ни є, удалѣнный онай брегъ пливаюћи досегнути, какавъ савѣтъ, и какво изобрѣтенѣ може ми помоћи? Богови су истинна превысоке, и продрзльиве мысли и изобрѣтльиво остроумѣ човеку дали, и самомъ нѣму оставили, благородне нѣгове силе на соб-

ственно добро да употреби; но о бози! какво человеческо остроумѣ може мене научити, по волнама мора пловити, или као патка єдна крозь волне безъ сваке бѣде пливати?

Често є съ укоченнымъ очима на брегу сѣдїо, и съ послуюћимъ умомъ дуго и дуго мыслїо, неће ли какогодь што изобрѣсти моћи. Онда є їошть художество, на ладьама волнамъ повѣрити се, непознанно было. А шта бы на далнымъ приморямъ и радили? та на сваком мѣсту, гди є права за стада њина расила, было є и дрва съ здравы плодовы, бистарѣ источникъ шушшиао є са сваке стране; и люди су свако богатство налазили, и излишѣ за сваку свою потребу имали. Дуго бы време мыслїо; изнашао бы шшогодь, и опеть бы га опибацїо.

Єданъ путъ савъ жалостивъ на море гледаше; и издалека покрай брега види, гди волне нѣшто све ближе и ближе къ нѣму терау. Радость и надежда у єданъ путъ у нѣгово оспро примѣтљиво око полете. И оно му се све више и више приближаваше, и онъ дебело спабло єдногъ превалѣногъ дрвета упази, гди къ нѣму плива. Спабло є отъ старине веће издубљено было; и на нѣму се страшљиво єдно зече отъ когнибудь непрїятеля на брегу тиранно пливаћи спасло было, и безбѣдно у дупльи той сѣди-

ло: грана єдна сѣ лисћемъ савила се была надъ ньимъ, и покрываше са сѣнїю своїомъ; тїй вѣтаръ протера стабло то покрай нашегъ младића. Видећи то слутїо є већ срећу свою, отъ радости є по брегу подскакивао. И мало за тимъ опеть постои, не были тамный тай образъ какогодь развити могао, образъ, кой є као двоумна каква ноћна сѣнка у воображеню нѣговомъ сѣдїо, часъ се губїо, а часъ опеть порадьао. И зато стабло на сувъ морскїй песакъ извуче, да бы у ютру, како гора заплави, дѣло єдно започео, кос є їошште са свимъ недозрѣло у глави нѣговой было. До саме зоре препратила су га надежда, двоумѣ, и неспаванѣ. Са зоромъ пакъ рдьаво єдно орудѣ сѣ собомъ узме, рдьаво велимъ, ибо онда су люди проспїи были, него посадъ, а щастльива простота много орудя не претребуе. И тако къ брегу пошти, и овако у себи говорити почне: та я самь често видїо, да листъ отъ брега отдуванъ самъ у себе сведенъ тїо по води плива; пре нѣколико дана видїо самь я то у бари кодъ наше колибе, и лептири, кои су надъ баромъ летили, усѣдали су гдигди на пакавъ листъ, и нѣжны свои ногу водомъ помокравали нису. Тако ћу и я сада срећу кушати: сама природа свршила є веће половину посла; я ћу стабло дотле дубити, докле удобно

у нѣга сѣсти не узмогу. Тако говорећи посао свой сѣ радосћу започне? О ты, повикне сада, благо божество! коенибудѣ ты єси, кое се назаборавимо сновидѣнѣ у мени произвело, послушай, послушай мою молбу, учини, да посао мой добро успѣ.

Често є отѣ посла своѣ отмараюћисе на островѣ гледао и говорїо. О найкраснїя Смртницо! шта є на свѣту тако тежко, што любовь могућнымѣ учинити не може! коя бѣда єсть толика, да ю любовь побѣдити не може? О какве сладке надежде лете, лете около мое главе! хоћешь ли моћи Ты ако я скоро на твой брегѣ додьемѣ, хоћешь ли моћи любовь Твою мени опрећи, мени, коегѣ любовь на саму пропасть морску не пази? Єли икадѣ што смѣлїе и дрзновенніе любовь предузела?

Често пакѣ оставїо бы посао свой, са свимѣ безѣ волѣ. О будало (говораше у себи) како се смѣшно я овде трудимѣ! Кадѣ бы те мимои дућ кой човекѣ запытао: Бога ти прїяне! шта по радишь? Шта бы ми на то отговорїо, кадѣ бы му я рекао: ево дубимѣ ово дрво, да у нѣга сѣднемѣ, и на нѣму по пространномѣ мору пливамѣ. Шта бы онѣ на то рекао? ништа друго, но ово: тко є то онай бѣдникѣ, кой лудогѣ сына бѣсилу нѣговомѣ тако безбрижно оста-

вля? Тако говорећи безвољно на започето свое дѣло погледаше.

Но, како, да ми дѣло ово и не успѣ, продужи далѣ своя размысленя, по самь оне часове у нѣму пропустїо, у кое самь и онако безь сваког посла био. Зарь то любве мое ради да не учинимь? Извѣстно живе люди на оному острову: што ми є Отаць мой проповѣдао, оттуда ми се све чини, да є тако, а мое сновидѣнѣ (нѣга є Богь єдань на ме послао) ово ми то са свимь потврдьуе. А ако они тамо узживе бози! како не мораю они безь сваке помоћи бити! какол' нису отъ свїю оставлѣнныи! Или ако є Отаць нѣнь, ако є мати нѣна већ умрла, или ако нѣкадь умру, и она сама на острову буде, отъ свїю оставлѣнна, и ако младостна нѣна красота у безутѣшной самости отъ туге и отчаянїя увене; о бози! не! не любовь, но само састрадань морало бы овде найдрзновеннїе предузети! И тако є онь често све свое мужество губїо, но опеть га добїо.

За нѣколико дана буде стабло издублѣнно, и на подобїо, несавршенногь єдногь чуна сачинѣнно. Када са тимь готовь бы, а онь га са великимь трудомь тамо отвуче, гди є брегь малу часть мора обкољивао, и гди є отъ волна безбѣдань быти могао. И ту чунь свой у

море свали, у сред' њга сѣдне, и покрай бре-
га тамс амо пловити псчне онако, као што су
га тїе волне водиле. У томъ пловленю назїо є на
свой пасао, примѣчаваюћи, шта є добро, шта ли зло
начинїо. Волне га опеть на брегъ изведу, и онъ
на ново посао свой започне; гдишто бы промѣ-
нуо, а гдишто опеть прокушавао, єли добро и-
ли ни є. Но овако у себи мыслити почне: Поло-
вина дѣла већ є готова; но какво средство и-
мамъ я, да путованѣмъ моимъ онако управля-
ти могу, како мени по вольи узбуде? Овако са-
мо по произволеню волна и вѣтра пловимъ: про
дрзьиво; лудо было бы то отъ мене, кадъ бы
я путешествъ по оптворенномъ мору къ остро-
ву ономъ предузео. Сто мыслїи представљяло-
се њговомъ воображенїо, и сву стопшну опба-
цывао є. Но (помысли опеть) не управля ли ла-
будъ плаванѣ свое широкимъ и оптуруюћимъ
ногама; не чине ли тако и све птице, кое по
волнама пливаю? ни є ли ме живопно єдно нау-
чило, на стаблу єдногъ дрвета пливати? заръ
ме не могу живопна и у овому наставити? Ка-
ко бы было, кадъ бы я ноге отъ дрвета широ-
ке као ноге лабудове, начинїо; и кадъ бы нога-
ма тимъ єдномъ съ єдномъ, а другомъ съ дру-
гомъ рукомъ покрай издублѣногъ стабла упра-
вляо? Пунъ радости, што се тако предомыслїо

поити у шуму, и удобно дрво отсѣче, и на подобѣ весала истеше. Тада вѣ чунѣ свой поипти, и срећу сѣ дрвеннымѣ тимѣ ногама кушати почне, но никако успѣти не може: но медьу тимѣ є свакїй дань на то пазїо, како пливаюће птице ногама своима машу: и свакїй дань изнашао бы по єдну струку, како се болѣ ладьица нѣгова управляти може. Много дана пловїо є само на маломѣ заливу мора; но дрзновенїе на вѣштину и художество свое осланяюћисе оптиснесе на оптворенно море, и чунѣ свой срећно натрагѣ окрене, и пунѣ радости на брегѣ опеть искочи. О сладка радости! тако повикне, сада ми є чудо то успѣло; смѣло ћу и, како у ютру сунце огране, на мору быти; ако ми само вѣтрови поспѣшныи буду, то ћу се у маломѣ момѣ и дрвенномѣ сасуду волнамѣ мора повѣрити. Смѣло є истинна мое предпрїятѣ, но мучителна и смртоносна є моя любовь; и само бѣдникѣ єданѣ не усудьуесе, нещастнымѣ крозь грозне бѣде упѣху и помоћ отнести. Тако чунѣ свой у маломѣ морскомѣ заливу привеже; ноћ већ наступи, и онѣ се натрагѣ у колибу свою врати.

Глава Втора.

Невидимо присутствовао є Аморѣ при нѣговомѣ послу, и непрестанно є мужество нѣгово подпаљивао. При блеску мѣсеца и по росной ноћи отлети онѣ на брзы крилы у островѣ, на комѣ є Еолѣ, богѣ вѣтрова, пребывао. Издалека му шумѣ стѣне оне зазуи, коя у прегрдной пещери вѣтрове затвора, какогодѣ што море хуку буре єдне затвора. Спустисе управ' на стѣну доле, коя се изѣ волна подизала. На стѣни той сѣдїо є богѣ вѣтрова при улазку пещере оне. Вѣтрови су изѣ нѣ излетали, и улетали зуећи, какогодѣ што пчеле около кошнице свое зуипи обычесшвую. Они су иначе на заповѣсть Еолову излетали, надѣ моремѣ бѣснили, или по горамѣ рыкали, или непогоду надѣ главомѣ казни достойнога човека сабирали; тишїимѣ вѣтровомѣ заповѣдао є онѣ, да около мирны колиба и поля-на дуваю, и трудолюбѣ при послу своѣ разладыую или по сѣнкама лугова и шушаня скитаюсе. Но сада є Еолѣ безѣ волѣ быо, на вѣтрове ни пазїо ни є; на росомѣ каплюћемѣ насипу сѣдећи подбочїосе рукомѣ, около кое су курюцы косе облетали. Савѣ тугомѣ погруженѣ сѣдяше онѣ на насипу, и на волне гледаше, кое су се на мѣ-

сечини валяле. Нѣга є любовь мучила, любовь кѣ єдной вили—нїмфи—мора. Аморѣ є єданѣ путѣ по. край нѣга пролетїо быо, безпосленна предѣ стѣномѣ нѣговомѣ лежећи нашао, и найострїомѣ стрѣломѣ раніо. Издалека їоште туженѣ нѣгово чујући спустисе на оближньій насипѣ, и тужбе нѣгове преслушкивати стане. О Ты — тужаше богѣ вѣтрова — Ты, коя отѣ свїю праніочица Тетины прїятнїя, и отѣ свїю, кое по мору пливаю, краснїя еси, зарѣ састраданѣ и любовь тугу мою никадѣ да не награде? Ахѣ! задуго ме є любовь мучила: всуе относе услужныи вѣтрови моя уздысяня кѣ теби: ты на мене и не гледашь, како я таюћи на овой стѣни лежимѣ, и сѣ гинућимѣ окомѣ за Тобомѣ гледимѣ, када на тїимѣ волнама пловишь, у коима се твое млекобѣле прси огледаю. Кадгодь се ты надѣ волне уздигнешь, и я цѣло богатство твое красоте упазимѣ, онда ме восхищенѣ крозь и крозь продье: а кадѣ за тимѣ опеть изненада дубоко у вртећусе волну утекнешь, ахѣ! онда ме леденѣ страа спопада! или кадѣ са другимѣ нїмфама по свѣтлой волни сиграюћисе полећешь, и море се около Васѣ запѣнуши, и вода изѣ вашы вѣнаца отѣ цвѣтоносне праве потече. Но бѣсна љуборевньивость раздире ми прси, када у безчиннымѣ играма морске рогозны вѣнцы у-

крашсние богове розгама отъ рогоза гонише: кадъ се гонимъ у єданъ пупъ обрне и тебе крѣпкомъ мышцомъ обухвати. Истинна, да мокри твои кукови лако изъ руку нѣговы искликзаваю; но ты опетъ изъ волна у єданъ пупъ ругаюћи му се излазишь. Но кадъ се и онъ за тобомъ у волне загнюри; богови! када око мое обое васъ више не види, или када изненада єданъ отъ богова дубоко изъ мора изидье, и тебе сву успрашенну на мокрымъ и каплюћимъ плећамъ высоко уздигис, о! онда я бѣсанъ ногомъ о землю ударамъ.... ибо ты се на то осмѣюешь, и не люпишсе на продрзльиво то сигранѣ, а заборавляшь, каква мука мене бѣдна медьу тимъ мори. И већ крѣпка моя мышца найближню спѣну счепава, да бездѣлника тога расдрузгамъ; већ найбѣсніе вѣтрове позывамъ, да бѣсномъ бурьомъ то мени премрзско позорѣ узнемире: но опть боећисе, да тебе са тимъ не разгнѣвимъ, испущамъ спѣну изъ мои руку, оптеруемъ бѣсне вѣтрове натрагъ, и у несвѣстно бѣшество падамъ. Тебе пражи свуда моетаюће око; и жуборъ волна мене ноћу буди: онда я мыслимъ, да ты по брегу пливашь, онда вичемъ за тобомъ, но всуе, онда проклинѣмъ таму, коя те отъ мене сакрыва. Ахъ! кадъ ты само на земльи родьенна была не бы! Лажне волне

препятствую ми, те за тобомъ нѣи и съ уздыси и съ тужбама гонити те не могу. Оди! о оди на мой брегъ! овде има умилны пещера; найтишїи мои вѣтрови разладьават' ћею те; изъ свїю части свѣта сбират' ћею они теби найпрїятнїе вонѣ; и подъ ньинымъ животворнымъ дуванѣмъ процвѣтат' ћею свудъ около могъ брега найумилнїе сѣкне. Оди! буди владѣтельица вѣтрова: оди у ономъ умилномъ виду, у комъ самь те првый путъ на момъ брегу затекао, кадъ си на цвѣтоносной травицы сѣдила, кадъ су се твои бѣли уди на сунцу сїяли, и кадъ су се сяйне капльи тїо у траву съ тебе сливале, као што се ютренња роса съ свѣжы ружа слива; оди! и остани у моимъ обятїяма; и никадъ више у волне натрагъ не враћай се, као што си се онда повратила, кадъ самь я са свимъ близу Тебе био, и када си Ты у волне скочила, а мене свимъ мукама любве предала.

Тако тужаше богъ вѣтрова, и Аморъ къ нѣму додье. Я самь све Твое тужбе Силный владѣтелю вѣтрова! саслушао, говораше онъ Еолу; Я самь сынъ прекрасноопасанне Веннере, у моїой власти стои, муке Твое скончати; Я Ти се превысокимъ Олїмпомъ заклинѣмъ, ако ми єдну молбу испуниш, по ћe найострїа моя стрѣла ни оседлавшисв недаюћу кћерь Нереа

устрѣлити, и она ће сь умилято - зарумењаваюћомсе стидљивосћю на Твой брегь дойти, и сь чезнућомь љубвомь сваку Твою тугу наградити. На то му Еольь савь весело зачудьењь оштговори : Сыне премогуће Веннере ? Я Ти весма слабо щастѣ оно наградити могу, кое си ми тврдо обѣћао. Тако послушай мою молбу, говораше Аморь, затвори све Твое вѣтрове до вечера, док'ле сунце не сѣдне, а мени дай тысящу зефїра, да дотле мени покорныи буду. Силнымь гласомь Еольь сада скитне вѣтрове позове; дивльимь звукомь летяу они са свїю страна: Еольь їй у пещеру њину затвори, и тысяща зефїра около бога љубве трептити почну.

Скоро ћею, рекне му Аморь, услуге Твое награђьенне, и желања Твоя испунѣнна быти; я садь тамо отлазимь, кудь ме дѣла моя позываю То изрекне, и са тысящомь зефїра брзо кь брегу ономь отлети, гди є смѣлогь оногь младића їошть пре зоре видїо, гди пунь радости, што є ютро тако лѣпо, у весела слутеня удублѣнь стояще. Тїо и умилно зуяше море на излазећемь ютреннѣмь сунцу; и ясніе него досадь видїо є онь спроћу стоећій островь : но брегу су пѣсне птица роиле, и два дивїя голуба надь главомь кь острову летяу. Само су тїи вѣтрићи по сѣнобогатомь брегу пирили. Таква є ти-

шина на мору и на очекиваюћи брегови была, кадъ є богиня Венера у блестной красоти изъ пѣне морске произишла: и онда су ведро небо, и зеленно море и брегови у торжественномъ усхищенію на чудо то, кое ће постати, гледали: Вѣтрови су зачудьениыи на недвижимы крилы, и само су тїи и умилныи зефїри богиню и сваку постаюћу красоту полюбили. Аморъ садъ на ново їошть већма смѣлость и любовь нашелъ младића подпали; и овай у чунъ удье. О Владѣлелю мора Нептуну! повикне молебнымъ гласомъ, и Вы богови и богинѣ, кои у мору пребываше, будите смѣломъ момъ предпрїятію благонаклонныи! не покосъ, не кажи достойна гордость, не! не! но любовь єдинна, коюе богъ єданъ пресима моима задао, и добродѣтелнно пожеланѣ, по пагубоносномъ путу страдаюћимъ помоћи принести, она су ме къ тако смѣломъ предпрїятію побудила. Учините! о учините, да срећно на онай брегъ допремъ; а Ты боже! кой си любовь ову у мени подпалїо, Ты ме сада не оставляй. Ты си првый био, кой си ми мысаль ову продрзлыву у главу усељо!

Іошть онъ то говораше, а Аморъ заповѣди, да велика єдна мопка изъ чуна нѣговогъ израсти: съ врха нѣногъ летили су вѣнцы отъ цвѣћа къ ономъ острову. Ибо є Аморъ зефїромъ заповѣдїо

быо, да у те вѣнце пире, а отъ брега волне у спражню часть чуна да удараю: другїи су морали волне предъ ньимъ раздваяватн, и течный путїъ равнатн: а пређима є заповѣдїо быо, да младића при послу нѣговомъ проладьую. И садъ се младић съ светымъ удивленѣмъ осетн, да му богъ єданъ предспапелствуе. И зато се на море оптписне, и Аморъ невидимо и высоко надъ ньимъ предъ чуномъ нѣговымъ летяше! Изъ дубльина мора и са далньи брегова поиздолазе притони, сынови Нептуна, и рогозомъ увѣнчанне кћери Нереа. Сиграюћи се у великомъ колу около нѣга пливау, радостно смѣломъ смрпиномъ младићу радуюћисе, кой се првый пространномъ мору на маленной ладьи повѣраваше. „О буди намъ благополучанъ! пѣвали су сви у гласъ, безбѣдно буди ти Твое путешествѣ смѣлый младићу! Тебе ће любовь наградитн, она, коя те тако изобрѣтльивымъ чини, и коя те є осмѣлила, да се у малой люски издублѣногъ стабла на волне мора упустишь. Како лѣпо пловишь са трептући вѣнцы отъ цвѣћа по блистаюћимсе волнама, као што величественъ лабудъ съ художественно весляюћимъ ногама плива. Истина, да Аморъ предъ тобомъ лети; а онай мора срећанъ быти, кога любовь подъ свое крило узима Дочекайте га нерушима о сѣн-

ке острова! Тамь награду, и найсладьу награду за смѣло изобрѣтенѣ да прїйми. Мы видимо, о мы предвидьавамо, како ће се Художство пвое у будуће поправити. Цѣлыи народи покрыт' ће ею свемїрно море ладьама, и пловит' ће ею къ далньимъ народомъ: народи у свему єданъ отъ другогъ различныи, и цѣлымъ моремъ єданъ отъ другогъ разлученныи дочекиват ће ею єданъ другогъ радостно и съ удивлѣнѣмъ у мирному брегу: они ће ею своя сакровища доносити, а тудьа относити, и оттуда ће излишство произићи, и науке ће ею и художества процвѣтати. По непрооди-мымъ морамъ пронаћи ће онда пловацъ неупр-ћенъ (ungepfadet) путъ, и пловит' ће по неизмѣ-римой дубльини. Онъ ће бѣснуюћей бурїи смѣло угрожаваши, када небо и море бѣснити, и пре-грдне волне ладьу нѣгову премештати почну. Тако є смѣо и изобрѣтљивъ родъ Промотеа *: огань богова пламти у ньиной груди, и грозне пагубе подпалюю незаустављимо мужество у нѣму."

Тако су нїмфе и богови морскїи плесаюћи около чуна пѣвали; другїи су пакъ узъ пѣваньку у рогъ свой отъ школькїй дували. Тако младић нашъ срећно пловаше, и срећно на брегъ допре, кой га є съ скакаюћимъ сѣикама, и съ умил-нымъ ладомъ дочекао. Радостанъ изъ чуна на

брегъ искочи, чунъ на безбѣдно мѣсто отвуче, и боговомъ благодари, кои су смѣло нѣгово предпрїятъ тако милостиво покровителствовали. Пунъ веселе надежде крозъ сѣнке острова проодаш се, и кудгодь бы погледао, свуда є праг дѣлателны руку видїо: смокве, ябуке, и крушке быле су у плодоносны редовы посадьенне: отъ єднога дрвета до другогъ быле су лозе съ высећи и гроздьа преиспунѣнны крацы повученне; їорговани и чбунови Мїрта были су коегди у сѣнке сведенныи: бистаръ потокъ био є отъ єдне сѣнице до друге поведенъ; брегъ нѣговъ био є съ разнообразнымъ цвѣћемъ увѣнчанъ. Тако є Пловацъ нашъ свуд' на сваку страну гледаюћи и обзирућисе по сѣнкама блудїо; а Мелида є медьу тимъ у колиби са матеромъ своїомъ сѣдила, ћутаюћи главу свою къ земльи оборила. Дуго време сѣдила є она тако. Напосле їой Мапи Семира овако проговори: Шта Ти є мое дѣте? Шта Ти є? Любима. Мелидо! їошть єднако дубоко замыслѣнна и забрынута?

Я? отговори Мелида, и: очи їой се сузама оводнѣ. Ахъ! та све мыслимъ, и мыслимъ, но именовати га не знамъ, зашто све мыслимъ. Не знамъ, зашто ми срдце мое све куца, не знамъ, што ми све нѣка тежина на грудма лежи, а

то ме несрећномъ чини, и несрећнїомъ отъ свїю други тваріи.

Како то Мелидо! отговори їой тужна мати, како то несрећна? Твоя чудна воображя чине те несрећномъ. Шта ти є? зарь не расту све Твое прозяби здраве? Штогодь предузмешь, све ти за рукомъ иде: сѣнице Твое обученне су у найумилнїе сѣнке, у кое те прїймаю; дрва, коя ты садишь, єсу наймилїя забава была; и свака тварь овогъ острова трудисе, Тебе прїятельнымъ своимъ владанѣмъ обрадовати.

Єсть заиста, отговори Мелида крозь плачъ, тако є! Пре тога ми є сва радость свудъ унаоколо была, а садъ є нигди више не има: сѣнке скорб мою їоште већма умножаваю: и наче самъ у свимъ прозябма радость налазила, она ми є изъ свакога цвѣта воняла: но оле! на цѣломъ острову увенула є она за мене; а живеће тварн, ахъ! оне су све срећнїе отъ мене; кадь по врховы дрва птице увидимъ, како се скупляю, веселе, и пѣваю; кодъ на овце мое погледимъ, како се у ладъ сбираю, и съ веселы сковы дружеству своме радуюсе, или како задовольныи єдно поредъ другогъ леже, онда ме се никако жалостива мысалъ неће да пройде. —

Семира їой бесѣду прекине. Но како? све єдно, те єдно, незадовольна дѣвойко! Каква су

то воображя? Оне ствари пожелавати, коима ни имена не знашь, и коїи ни у єстеству не има. А како бы было, кадь бы и я на то роптати хтела, што ово море твердьу ни є, или што и я тако, као птице, летити не могу, или што ова дрва са мномь не говоре? и кадь бы я на то роптала, то їошть тако чудно было не бы.

Мелида на то проговори: Но што я желимь, то ми се не чини, да є тако отвећ чудно, и неприродно. Зашто намь самымь то недостояти мора, што сва проча животна имаю? а у толикимь стварма єсмо ныма подобне. Она єду, спаваю, чую и обоняваю, као и мы; и она се радую, и она скорбе, особито, кадь їй оть дружества ныногь отцѣпимо; мы смо много ныма подобне, а зашто да у овомь сь ныма єднаке нисмо?

Зашто и у тому? зашто и у тому не? о чудноватa пытаня! — отговори Семира незадоволнымь гласомь — Пытай богове, зашто Ты другогь дружства дали нису кромѣ твоїи тїи овацa и веселы птицa: кадь су богови тако учинити хтели, зашто си Ты сь дружствомь тимь незадовольна?

Страшльиво тїо отговори Мелида: Истина; но овца се дружству сь срномь не радуе, нити голу ь мари за патку: свако оть ны ра-

дуесе само дружству онога, кое є оногѣ рода, кога оно само єсть И нисмо ли мы и са свимѣ особитый родѣ твари отѣ ньи? И найпитомїя моя овца много се више себи равномѣ радуе, негол' мени.

Но нисамь ли я, рекне їой Семира, отѣ Твогѣ порода, и я те много више любимѣ, него што овцы овде, и што птица птицу свогѣ порода милуе?

Єсть! єсть! родьенна Майко! отговори Меланда, но и ты скорбишь; може быти, да бы Ты манѣ скорбила, кадѣ бы насѣ више было, радость бы онда многообразнїя была. Кадѣ бы насѣ више было, о како бы то усхитително было, кадѣ бы се мы єѣ соєдинѣнымѣ силама потрудили, тебе обрадовати. Ахѣ! кадѣ бы само єдно, само єдно їоште было! єдно, кое бы и найманю мою радость са мномѣ дѣлило, кое бы свагда поредѣ мене было.... кое бы... Ахѣ!... та срдце мое люби тебе надѣ свимѣ тварма; но све ли се чини, као да їоште вѣће любве има, любве кѣ нѣчему, што я никако наћи не могу, и што нимало не познаемѣ.

Семира на то уздане: како ме узнемируе несрећно твое захтеванѣ. Богови Ти га зато неиспуњаваю, што є оно безѣ сваке мѣре и разлога! Они бы изѣ свакога дрвета, и изѣ свакогѣ каме-

на твари такве сатворити могли, кое бы Теби подобне биле; но...

Живо пресѣче їой Мелида бесѣду: шта? изь свакога дрвета, изь самога камена могли бы они то учинити? О бози! бози! на свакомь дрвету, насвакомь камену приносила бы Вамь жертве, найкрасніе, што бы ми годишнь доба подавало, жертвовати ћу Вамь сь неуморимомь молбомь; .... заиста то оћу...

У єдань путь пакь Семира тргне. Бози! шта видимь? повикне, и укоченна као кипь какавь стояше. Пловаць нашь стояо є на прагу њине колибе; и онь исто тако поражень (bestürzt) О Бози! повикне у изумленю, она є, она є! што самь ю у сновидѣню момь видїо.

Семира, уплашенна на страну погледи, и сва смепенна са сполице устане. Есили, говораше Пловцу нашемь, Олїмпїаць какавь, и оћешь у колиби нашой да нась посѣтишь, то намь буди милостивь, и...но и ты овде исто тако поражень стоишь, као и мы; тко си, да си, добро намь дошао. Но младић у колибу удье, и овако проговори; О прїимите драговольно у ваша обыталище, нисамь я са Олїмпа*: чудноватымь начиномь дошао самь я кь Вамь, и молимь Вась, будите ми благонаклонны, и покровителствуйте ме!

Док' су они тако између себе говорили, дотле є Мелида укоченна стояла, само погледи нѣныи мѣрили су младића отъ главе до пете. О! проговори најпоосле, богови су желани моя послушали, и лѣпо ово образъ мени за друга сатворили. Оди ближе! оди къ мени амо! да руке Твое и ружичне ланите, опипамъ. Но кажи ми, молимъ Те коко су Те богы сатворили? О како ћу умъ непресѣчно на благодѣяню томъ благодарити! Кажи ми, молимъ те, шта си мало пре быо? дрво єдно? или камень какавъ? Тако є говорила, а медью тимъ дриктаюћу руку младића къ куцаюћей своїой груди приписне. На то младић уздане: Любо моя! ако те тако називати смѣмъ... Мене? отговори Мелида ахъ називай ме тако на вѣки! съ великомъ родосћу слушамъ я то име. Я то осећамъ, Я самъ срећна, у Теби су ми сва моя желаня испунѣнна. О поглед'! поглед'! како ми срдце отъ радости куца? рука моя пресесе сва у твоїой, їошть се никадъ тако радовала нисамъ, никадъ овако чувствовала нисамъ.

Бози! како самъ я срећанъ! (повинке на то младић) Давно самъ я Тебе више отъ свега на свѣту любїо. О како є бѣдоносно мое куповань облагополученио! како є смѣло мое предпрїятъ наградьенно? Тако говораше младый Пловацъ, и

руку Мелидїйну къ устнамъ своимъ приписне.

Шта є то? шта чувствуемъ я! на то Мелида, о! та умрет' ћу отъ самога чувствованя! Све улива у мое срдце нову никадъ непочувствованну радостъ, све све што ты предузимашь. Но ты ћешь непрестанно другъ мой быти? ты ћешь мени у сви мои дѣлы предстателствовати и све мое радости са мномъ дѣлити?

Оћу! о Оћу! та я самъ само съ тобомъ срећанъ, отговори Пловацъ.

О любезна Майко! почне Мелида говорити, како су богови благїи и добрїи, те чудноватa моя желаня послушаше, и мени ову тако любведостойну тварь за друга створише; о глед' Майко! ова прекрасна тварь єспь исто тако велика као што самъ и я, а не маленна, као што си ты мене нѣкада подъ ружама нашла.

И Семира отговори: опоравимосе мало отъ наше смертиѣ; посад' тесе поредъ мене обое; а ты младићу! буди благословенъ; нисы ты са злымъ каквымъ намѣренѣмъ къ нама доћи могао; проповѣди намъ, откуда си, и како си къ усамлѣнной нашой колиби дошао? Морало се особито нѣшто съ тобомъ случити.

Сви се посаде, Мелида и Младић за руке єдно друго держаюћи. И онъ онда започне,

повѣстъ свою проповѣдати, како му є богъ єданъ прекрасанъ Мелидійинъ образъ у сновидѣнію єдномъ показао; како се онъ у нію залюбїо; како се безнадежданъ мучїо, видећи, да пространно море измедьу ньи стои; како є найпосле чунъ свой дубїо, како се съ ногама отъ дрвета на море оттиснуо, и како є подъ кровомъ богова на ньинъ брегъ допловїо.

Са великимъ удивленѣмъ слушале су и Семира и Мелида, обе укоченне, чудноватy ту повѣсть. И Семира проговори: богови су ти у главу усеслили, да пагубносно путованъ по мору предузмешь. О буди благословенъ Сынко! а боговомъ ћу благодарне жертве принети; они су тебе на нашу срећу амо превезли, и тежку скорбь и тугу съ груди мое свалили.

Тако — рекне на то Мелида — има и тамо преко мора другїй брегъ, има и тамо други жителя? свагда самь я то мыслила, но мати моя свагда є то отъ мене таїла: но єли младићу! ты се нећешь у издубљѣномъ твомъ стаблу на онай брегъ више враћати; о остани кодъ мене, буди само мой! мени се чини, да я то ни пошто трпити не бы могла, да ты друге садруге любишь, а не мене. Но кажи ми: мени се све тако чини, као да Ты ниси са свимъ овако, као што самь я; нѣжне длаке расту на Твоїой

брады, а я їй не имамь. То є зато, опговори їой младић, што самь я мужско, а ты женско. Мужско! (рекне на то Мелида) то є заиста чудно; и я опетъ не бы могла, већма любити Те, и да си мени са свимь равань. О колико є Мати моя отъ мене запанла!

Семира се насмее, и заповћди їой, да найлћпше плодове за вечеру преправи. Она подье, и Младић є съ ньомь ићи морао, да найкрасніе плодове узбере. Често єдно друго грлећи, нћжно разговараюћисе, и на плодове, кое су пошли да праже, заборавивши заидьу, и непримћте, како на мћсто оно додьу, гди є чунь нћговь на брегу стояо. Ето! рекне Младић, ето Любо моя! стабла оноь, кой ме є преко мора амо у Твоя обятия донео. Пуна веселога удивлявања брзо къ брегу отпрчи. О да чудна обрћтења! — повикне о да велике смћлости, на оваквомь сасуду на пространно море отписнутисе, на сасуду, кой ништа друго ни є, но єдна играчка волна, као што є летућій листакь цвћта єдногь игра єдна за найпишій вћтарь: и любовь къ мени подала є Теби то мужетво! О любезниче! Како, ахь како ти могу на любви твоїой благодарити! Но шта є ово Бога Ти! што на обе стране привезнано стои? То су валяда ноге оне опь дрвета, съ коима си Ты, као лабудь, путованћ Твое у-

праѣляо. О добро дошло издублѣнно стабло! добро дошао Ты иностранче са далнѣга брега! Како ненакићено ту лежишь, какогодь да си прекрасно пролѣтно испещрено! Благословенно оно мѣсто, кое си Ты осѣнявало! благословенне кости онога, кой те є посадїо! Пролѣће сву свою красоту онде да излїе, гди онь почива! Но Ты Любезниче мой! рекне кь Младићу, и нѣжна суза изь ока їой потече, сви боговы те заклинѣмь не оплази опь мене, не улази више у то издублѣнно стабло, не оставляй више овогь брега! И ако бы то учинїо, то разлућенне волне у обятия моя, и кь найнѣжнїимь тужбамь о невѣрности твоїой напрагь да те дотераю!

О любо моя! отговори їой младић, сузе са ланита нѣны нѣжно слюбившїй, како се неправедно бринешь! Прва волна у бездну да ме прогута, како сь тако гнусным намѣренѣмь сь брега овомь подьемь! Но како бы я то и могао, како бы, велимь, то учинити могао, кадь ми кодь тебе све мое благополучь, и кадь само кодь тебе сва моя радость и утѣха живе? На срећномь овомь брегу начинит ћу два жертвища єдно прекрасной Венери, и нѣномь силномь сыну, ибо є онь неисбришиму любавь, и смѣло ово намѣрень у прси мое уселїо: друго ћу богу

мора посветити, кой меће на ледьи волна покровителствовао.

За шимь се враше у колибу, и у чистымь котарицама набранно воће на трапезу поставе. У всселомь разговору и ноћ наступи, и Аморь їй видимо у благовонну єдну сѣницу отъ їоргована и ружица отведе, тїо поточић жуборїо є поредь ньи. Бози любве сигрsuperи су се крозь лозу сѣнице, и тїи вѣтрићи пирили су сь благовонны крилы около ньи обое любећисе.

Унуцы ньиныи довели су художество, по мору пловити у савршенство. На брегу острова сазидали су народобогатьь єданъ градь, и назову га Цїтеромь: превысоке куле и храмови бацали су зраке свое у лаконско море надалеко: найлѣпшїй опиь ньи быо є любви посвећенъ, и превысоки ступовы у два округа обколѣнъ. Срећа и излишь пребывала су у нѣговы зидовы, и богато натоваренныи корабльи свемїрнога мора скупляли су се у нѣговомь безбѣдномь пристанищу.

(Г. Геснеромь)

БИБЛИОТЕКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К. Навлюсть рѣз.

ОБА ПРІЯТЕЛЯ.

ИЛИПИ

ПУТЕШЕСТВѢ у МЕККУ.

У време Калифа Абу - Гьафар - Алманзора живила су у Вагдаду два младића, кое є узь нѣжногь и вѣрногь пріятельства тврдо соєдињавао. Они су єдань сь другимь опрастли, и єднакихь година были. Што су старіи бывали, све по више и више развіялосе у њима сладко оно чувствованѣ, кое є срдца њина іошть у раномь дѣтинству єдно кь другомь привлачило. Сь временемь чувствованѣ то корень свое надалеко распростре; свака бура и свако време ни є мегло у состоянію быти, корень то исчупати. Єдномь отъ њихь было є име Абдул - Хассанъ, а другомь Аделхамедъ: овай є на 20 -ту, а оноай 21 -ву годину настао био. Іошште ни су срдца њина никакове стра-

сти познавала, и само су страсть пріятельства чувствовала и почитовала.

Єданъ дань обойца подъ руку узевшїи се пойду — по брегу рѣке Тигра, коя покрай Багдада тече, проходаписе; и ту Єрменина єдногъ опазе, кой є много робова съ собомъ водїо, и съ ньима трговао. Ерменинъ се обойцы приближи, и ове рѣчи рекне имъ: „Духъ Пророка (Моамсда) съ Вами да буде! Я имамъ робкиня блеспне красоте на продаю; ако хоћете кою купити, а Вы у ютру рано на торжище (пїяцу) дойдите, и свободно найлѣпшу отъ овихъ избирайте.“ оба Пріятеля Єрменину у ютру на торжище дойти обѣћаю, проходанъ свое и далъ продуже, у градъ по томъ повратесе, и разспаве.

Медьу тимъ є Аделхамедъ єдну Цїркаскїню измедьу робкиня примѣтїо, стаса повысокогъ и танкогъ, и цѣлогъ састава тѣла отвеђ лѣпогъ. Истинна, да є покрываломъ (Schleyer) покрывенна была, но любовь є и кровь закрывало у продраженномъ и упалѣнномъ воображенію младића причинила, да є онъ у дѣвойке исте такове дражести (Reitze)примѣтїо, кое око нѣгово їоште ни видило ни є. Єдва зора заплави, и Аделхамедъ съ суммомъ єдномъ новаца на торжище пошти; сумма та была є у по маг-

новєнѣ ока цѣло иманѣ, кое є онѣ притяжавао. Истинна, да є онѣ знатну трговину водїо, но иманѣ нѣгово састоялосе све у самы товары (еспапу), и тако є сада само сѣ томѣ маломѣ суммомѣ располагати могао. На торжищу Єрменина найде, и замоли га, да му све робкинѣ покаже, кое на продаю има. Трговацѣ га у пространну єдну кућу уведе, кою є за трговину свою наймїо быо. Путемѣ пакѣ каже му, да є пре нѣга веће єданѣ младић робкинѣ прегледао; и нѣму се єдна отѣ ньихѣ тако допала, да бы сва блага Персїе за ню дао быо: но будући да тако богатѣ быо ни є, и будући да превысоку цѣну за тако особиту лѣпоту платити не може, то є у отчаяню са торжища отишао.

Аделхамедѣ ни є Єрменина толико ни слушао, шта говори. Сѣ живостнымѣ нестерпѣнѣмѣ у собу ону уйде, гди су цїркасскимѣ безѣ сакрывала сѣдиле, и жалостне будућу свою судбу ожидавале. Ньихѣ є 12 ту было. Но Аделхамедѣ єєдну само видїо дѣвойку отѣ 16 година. Лице нѣно бѣло є као млеко, черте (Züge) нѣне пуне неописанне умилятости (грацїе) и погледѣ нѣнѣ пунѣ особите прїятности. Она очи доле спусти, и ружице стидльивости цвѣта у на нѣны образы. Тек' што є Аделхамедѣ дѣвойку сназїо, и веѣ се више сумняо

ни є, да є то иста она дѣвойка, што є ючерь їоште подь закрываломь велико впечатлѣнѣ у нѣга причинила; та срдце нѣгово казывало му є то велегласно, а срдце човека никадь не вара. Очи нѣгове гледале су непрестанно на ту лѣпоту. И чинило му се, да бы неисказанно щастливь быо, кадь бы приближателѣмь нѣне дражести быти могао, а чрезмѣрно бѣдань и убо ь, кадь бы безь нѣ, таковогь сокровища живити мора, безь сокровища, за кое бы сва блага овогь свѣта радо дао. Надаюћисе и боећисе стояо є предь робкиньомь очїю сь нѣ нескидаюћи; и чувствовао є у себи, да цѣло нѣгово садашнѣ имѣнѣ Зулеиму — тако се робкиня та звала — исплатити не може. Єрменинь живостно неспокойство Аделхамеда примѣти, и рекне му: „— Узми! положи ми само 600 томана, — 300 талира — и робкиня ова быти ће твоя. — Шесть стотина томана, повикне на то Аделхамедь, по челу ударившїйсе, та тысящу путїй толико дао бы за ню! но 600 томана не имамь само половину те сумме могу ти дати. О да нещастна мене! я самь пропао. Другїй ће зуленму добити и имати — Но — ухватившїй Єрменина за раме — їошть єдна луча надежде свѣтли ми: — пречекай — пречекай кратко само време — я имамь єдногь пріятеля, може быти,

да ћe онъ — О! заиста, Зулеима може їошше моя быши — закуни ми се Моамедомъ, да ћешь поне їошше єданъ часъ чекапи — я ћу ипи — ћу летити. —

Съ шимъ рѣчма отиде, и къ пріятелю своме Абдул-Хассану полети. Но шу му кажу, да є Абдулъ їошшь зарана изишао, и да є после тога само за єдно магновенѣ ока у жестокомъ, неспокойсшву куће долазїо. На то му єданъ робъ дода: "онъ є шебе Господине! шражїо и сада ће на шебе кодъ швое куће чекапи." Аделхамедъ зашо куће пошши и шамо пріятеля свога Абдула запече, кой га є съ нестерпѣнѣмъ ожидавао, и кой є савъ ожалощенъ по соби ишао. Тек' што Абдулъ Аделхамеда опази, а онъ таки нѣму у обяшя полепи, и рекне му: о Пріятелю! Пріятелю! буди ми мой избавишель, теби ћу за све щастѣ могъ живопа благодарипи.— Говори! говори! шпа ши є Абдулу! послѣдня капля мое крви шеби принадлежи! — Я самъ се тому и надао, отговори му Абдулъ на то! Послушай Аделхамеду! Я садъ таки 300 томана потребуемъ, съ ньима щастѣ, и живопъ мой да купимъ! можешь ли ми сумму ту дапи? — Нѣколико магновенїя Аделхамедъ као окаменѣнъ стояше, савъ преблѣдїо, као крпа, и ни єданъ гласѣ изъ уста нѣговыхъ не

изиде; пріятелю свомъ ни у очи погледати ни є се усудїо, пріятелю, кой є више отъ живота нѣговога отъ нѣга зактевао. — Ахъ — проговори Абдулъ жалостиво — ты ми не отговараш? я знамъ, зашто ћутишь, ты не имашь толико новаца, колико я отъ тебе иштемъ; ибо да имашь, то бы ми заиста таки дао — — те рѣчи Адехамеда као иза сна пробуде; и онъ Абдулу у обятя полети, и у руку му десу са 300 томана стисне, говорећи: ето ти, буди срећанъ! — Абдулъ пріятеля своґъ полюби, и исчезне.

Аделхамедъ дуго време за нимъ гледаше, и онда топерво превелка жалость у сузе перобрати му се. Ни є се истинна тога ради каяо, што є Абдулу то учиніо; но цѣла нѣгова надежда у єданъ путъ є са тимъ страшно уничтоженна была; ибо є мыслїо да ће нѣму Абдулъ потребну сумму новца дати, а садъ му є истый тай Абдулъ дошао, да му и оно узме, што є їоште притежавао. Тако никакова средства више не имаде дѣвойку ону добити, кою є съ цѣлымъ огнѣмъ (вапромъ) прве страсти любїо.

Іошть ни єданъ часъ не пройде, а Абдулъ съ запламтѣнным ъочима, и съ младомъ єдномъ робкиньомъ у собу нѣгову уйде. Приближисе къ нѣму, и овако му говорити почне: Пр ятелю!

сво ти оногѣ сокровища, за кое теби само благодарити имамѣ, шшо самь га добити могао; дѣли мое щастѣ са мномѣ! видишь овулѣпоту Аделхамеду! и мысли самь, шта садѣ я чувствовати морамѣ. — Аделхамедѣ очи подигне, и зулеиму позна. Савѣ се бѣданѣ укочи, заруменисе и преблѣди, и хотяше проговорити, но рѣчи му на устнама деркшау. — Ты ѣутишь, рекне му Абдулѣ — не имашь ми зарѣ нишш' казапи? зарѣ не има щастѣ Твога Пріяшеля никакова впечашлѣня у швое срдце? Како ти се допада ова млада цїркасскиня? — Аделхамедѣ єдва кѣ себи дойде, и силомѣ насмѣявшійсе отговори му: Она є лѣпа, и весма лѣпа, желимѣ ти сваку срећу сѣ ньомѣ, срећу дуговѣчну и несмупиму; но молимѣ те, оспави ме сада, иди отѣ мене, важна дѣла изискую, да цѣо дань самѣ себи оставлѣнѣ будемѣ. —

Абдулѣ на то отиде, но немало забринутѣ, шта то у єданѣ путѣ Аделхамеду бы. Ахѣ, мысляше онѣ у себи, Аделхамедѣ нѣшшо отѣ мене сакрыва, и све нѣшшо запаюе, онѣ сирома страда, и хоће, да я то не примѣтимѣ; а страдания нѣгова и муке нѣгове єсу добро єдно, кое мени исто тако принадлежи, као шшо ми радость и веселѣ нѣгово принадлеже.

Дан тай пройде, и Аделхамедъ самъ у себи протужи, на судбину роптаюћи, кол є страсть кь єдномь существу у срдца два подражила, и тако спокойство ньино опровала — Ахь! говораше у себи што самь я Абдулу томь учиніо, то бы и онь мени заиста учиніо, и радо бы їошть єдань путь исту ту жертву нѣга ради принео. Ахь Боже мой! Боже! зашто ниси две Зулеиме сатворіо, као што си два Аделхамеда саздао?

Тако му све сь жалостнымь мыслима и цѣла ноћ прейде.

Сутрадань у 10 часова у ютру ето ти му Абдула у собу, савь бреблѣдіо, и уздрктань на образу нѣговомь могло се ясно видити, да є дубока скорбь у души нѣговой бѣшествовала. Приближисе кь Аделхамеду, и ово му рекне: Аделхамеду! ты отъ мене нѣшто таишь, зарь нисамь више твой Пріятель? зарь нисамь Садругь Твое младости? Имамо ли мы садь другого срдце, и другу душу, него што смо досадь имали? — При тимь рѣчма сузе изь очію Аделхамедовыхь потокомь потеку, И Аделхамедь ћуташе, и ни рѣчице на сва прерѣканя свога Пріятеля не отговори. Любезный Аделхамеду! продужи Абдуль свою бесѣду далѣ, всуе се Ты отъ пронзаюћегь ока Пріятельства крієшь,

оно є закрывало оно пробило, кое Ты измедьу нашыхъ срдца навлачишь. Я самь дознао, шпа є Теби. Нещастна спрасть грудь твою надимава и подпалюе — Ты любишь — Ты любишь Зулеиму. — (Аделхамедъ, име Зулеимїйно чуюћи, савъ клоне) — И ты си Аделхамеду! мыслїо, да ћу я жертву ону васпрїимити, кою си Ты мене ради принео; єси ли могао вѣровати, да бы я мое щастъ на твомъ нещастю зидати могао? Я любимъ Зулеиму, и любимъ ю до обожења и до лудила: и ты ю тако любишь, добро! ни є више моя! — Аделхамедъ као громомъ пораженъ предъ њимъ стояше. — Не! не! продужи Абдулъ свою рѣчь, нећe любовь насъ раздвоити! Истинна, да я недолазимъ зато, Зулеиму Теби да дадемъ, жертва ша была бы намъ обойцы пресвирѣпа. Щастъ твое причинило бы мени сузе, и Ты бы съ страомъ и трепетомъ щастъ то уживао, кое є твой Пріятель тако скупо платїо. Зулейма ни є више моя, но ни Ты ю никадъ притяжавати нећешь. Заборавимо, Аделхамеду! ако є возможно, да смо Зулеиму икадъ видили, и кадъ любили. — О предрагїй Пріятелю! рекне му на то Адехамедъ, оттудъ, што се Зулеиме отричемь, сердце Твое познаемъ. Истинна є, ты си тайну мою познао, кою самь я отъ те-

бе сакрыти трудїосе, да не бы само всселѣ Твое и васхищенѣ какогодь опровао. Я ти признаемь, да я Зулеиму любимь, я ћу ю и вавѣки любити, обликъ нѣнь гонит' ће ме до могь гроба! Но кажи ми, молимь Те, Абдулу! кудь се дела Зулеима; и кадь ю мы обое притяжавапи не можемо, да тко є онай щастльиваць, кога ради Ты толики дражесипїй опричешсе? — Ево ти све по реду, отговори му Абдуль, послушай ме само. Кадь самь ючерь отъ тебе отишао, упустимсе у дубока сновидѣня (Träumereyen) о жалости оной, кою самь на теби примѣтио: и трудїо самь се причину Твое скорби дознапи, да бы каквонибудь средство противь тога нашао. Тысеща мыслїй быле су ме наишле, и тако покрай рѣке проходатисе пойдемь; идући дойдемь у сѣнь шумице на брегу; и отъ страие єдне уздысаня почуемь. Окренемсе, и видимь єдногь младића, кой є хотѣо у рѣку скочипи. Съ устпна нѣговы име Зулеима потече, и чинило ми се, да є име по опчаянїе нѣгово їошпе већма умножавало. Я му се приближимь, и почнемь га пѣшипи, но онь само са сузама отговараше. И само ове рѣчи изъ уста нѣговыхъ изиду: „дай ми Зулеиму мою напрагь, или оспави ме, да умремь.“ Я га подигнемь, и лучу єдну надежде у печалну и опчаянну нѣгову душу

спустимъ, и мало по мало изъ превелике и напрегнуте скорби приведемъ га у тиншїю жалость. И онъ ми исповѣди, да Зулеиму отъ дѣтинства їоште люби, и да Зулеима нѣга вазлюблює (Sie = geliebe) да су му ю Корсарн отели, и да се онъ заклео, за ньомъ ити, и умрети, ако не бы никакове надежде више видїо, да ће ю кадгодь найти. Я га съ собомъ кућн моїой поведемъ, и преправљати га почнемъ къ радости оной, кою ће имати, кадъ Зулеиму епди, и коїой бы онъ непреправљѣнъ, а изненада пораженъ, може быти пре подлећи могао, него самой жалости. Оставимъ га нѣко време, да оппочине, и за тимъ му любезницу нѣгову, Зулеиму, у обятя доведемъ. О любимый Аделхамеду! не могу ти нѣмоньино васхищеніе описати, како найпре срећу свою ни понятн не могоше, какол' после о ньой увѣреныи мени предъ ноге падоше, и руке мое сузама радости поливати почеше. Изливеня ньиногъ чувствованя сердце мое парау, и онда прьый путъ у сердцу момъ поревньивость (Eifersucht) ощутимъ; но чувствованю томъ преодолѣмъ. Пріятельство ће, помыслимъ у себи, жалость и скорбъ Тиою ублажити, и великій Пророкъ накнадип' ће ти што сторично, што садъ добромъ дѣлу на жертву приносишь — За тимъ се

оба Пріятеля загрле, и єданъ другомъ закуну, да ћею се вавѣки любити.

После жалостнога тога приключења мѣсецъ єданъ пройде, и скорбь њина ублажисе, но не ослаби. Оба младића нису се раздваяла, и разговорала су се о Зуленми, кою обойца заборавити нису могли. Често бы єданъ другогъ ћутећи погледали, и обойцы су скорбне сузе изъ очїо текле. Рѣдко су се устне њине осмѣнивале: и исто осмѣниванъ было єтако маленно, да єзраку сунчаномъ подобно было, кой се кроз прегустъ и таманъ облакъ краде, да пройде. И нещастну ону страсть ни є дужина времена исцѣлъивала, но све више и више подраньивала.

Єданъ путъ Аделхамедъ пріятеля свога посѣти, и овако му говорити почне: Абдул: Хассане! Я видимъ, да мы обойца отъ неутолиме скорби и отъ луде страсти венемо: веће намъ се и животъ досадїо, и само пріятельство не може намъ спокойство дати. Мы се морамо свакояко трудити, срдце наше да излѣчимо, и зло заєдно съ кореномъ њговымъ исчупамо. — О Боже! повикне Абдулъ, што намъ може спокойство дати? Мы смо га на вѣки изгубили. — Послушай ме само, прехвати рѣчь Аделхамедъ, свакїй дань молимъ я великога Пророка, да огань онай угаси, кой насъ пече; што ми є є-

дна єдинна молитва, кою у цркви, при публичнымъ моленямъ, и при честымъ обычнымъ очищенямъ нѣму шилѣмъ. И ову ноћ снїо самъ Ангела єдногъ отъ самогъ Махомета посланна. Я самъ съ овымъ очима видїо, и све ми се чини, да ми є и садъ їоште пренесбесанъ нѣговъ обликъ предъ ньима. Очи нѣгове блистале су, као две звѣзде, и чело нѣгово сїало є, као каково воздушно явленѣ (метеоръ) Я самъ га чуо, гди є говорїо, гласъ му є тако умилятъ и благъ быо, као што обычествуе гласъ свирке бывати: задай нѣговъ воняо є какогодь ружица, и рѣчи нѣгове быле су высоке, но утѣшителне. „Адельхамеду! — говорїо є онъ къ мени — ако желишь отъ любве Твое излѣчитисе, то ћу ти средство єдно показати, коимъ то учинити можешь, средство то єсть право и истинно Идите обойца изъ Багдада, путуйте у Мекку, и учитесе Вашемъ светомъ вѣроисповѣданю (релїгїи). Благоговѣне чини то, да се спокойствѣ рекаобы волшебствомъ нѣкимъ, натрагъ у срдца повраћа, коя су страстма распаранна; оно у найдублѣ ране срдца балсамъ божественогъ своґъ утѣшеня улива. Но ч вайпесе, лудо пытолюбїе послушати, и не тражите, оно испытати, што є Богъ самъ отъ слабе Ваше силе разсуждения сакрїо. Нек' Вамъ то доста буде

знати: самъ Богъ єсть великъ, Маометъ є нѣговъ Пророкъ, и Кораньъ є нѣгово слово. — То изрекшій исчезне ми изъ очію. Не задержавајмосе Абдулу! Слѣдуймо совѣту нашегъ Ангела Хранителя (Schutzgeist) Овде намъ обликъ оне све предъ очи долази, кою смо изгубили, и кою їошть єднако любимо. У далѣнъ, тегобе дугогъ путестиа, и тысеца новыхъ предмета може быти, да ѣею нова чувствованя у нашымъ срдцамъ породити, а она угасити, коя насъ нещастныма чине: она ѣею намъ чисто новъ животъ дати. — Добро! отговори Абдулъ, мы ѣемо гласу неба повиноватисе, и у Мекку ити. Я имамъ у Мекки єдногъ Сродника, єдногъ светогъ Дервиша; онъ ѣе насъ добро васпрїимити. Онъ є весма мударъ, онъ ѣе умъ нашъ просвѣтити. — А я, пресѣчему Аделхамедъ рѣчь, имамъ у Медини єдногъ стрица, онъ є найславнїй Списатель између Моллака. Онъ ѣе ме наставити, и шму ону разгонити, коїомъ є умъ мой обученъ. Я ѣу съ Тобомъ заедно до Мекке ити, а оданде ѣу се къ момъ Стрицу вратити, а после 3 мѣсеца дойди Ты къ мени у Медину, и одатле ѣемо се очищенныи и щастливыи заедно опеть у Багдадъ повратити.

Оба прїятеля опредѣле, супрадань шаки да

се крену. Узму сь собомь новаца, што имь є потребно было, снабдѣусе сь рааномь; путешествѣ нынo траяло є дуго време, и све су по Аравїйскимь пустынямь ишли. Пошавшїй до лѣвогь брега рѣке Еѳфрата (Еуфрата) допру, и 1стый дань у градь Бассору дойду. Дванадесетый дань путешествѣ свое продуже, и у пустыню већ уйду. Лѣто є было жарко, и сунце єлуче свое управо надь темена нына спущало. Но оба прїятеля тегобе и дуго траянѣ путешествья истогь забораве, взаимно о прїятельству, о плановы, да кадкадь и о любви своїой разговараюћїисе. Между тимь путь све то горїй, а жаркость сунца све то већша бывати почне. У прегрдныимь тимь пустынямь никакове живе твари веће не видяху; ни єдно дрво свѣжымь зеленилоль свога листа око нынo не увеселяваше; и подь голымь, и жаркимь стѣнама само оппочивати могаху. Наскоро веће ништа другo видити не могаху, но небо надь, а море песка подь собомь. И раана имь већ на манякь ити почињаше, и мало мало што имь и оскудосп у њой не дойде. Аделхамедь є сасудь єданѣ сь укрѣпнтелнымь пићемь поредь себе носїо. — Абдульѣе ми, говораше у себи, у пустыньи ожедниги, пиће ово за нѣгаћу задержати. — И Абдуль є сасудь єданѣ таквогь пића

имао, и онъ є у себи мыслїо: Аделхамедъ ће ми у пустыньи ожеднити, то ћу за нѣга пиће ово задржати. — Но сасудъ Абдуловъ већ се испразди, а и у Аделхамеда нѣколико само капльїй їоште быяше.

Двадесеть дана већ пройде, опикако су изъ Багдада пошли. Аделхамедъ єячшїй быо опъ Абдула, и зато є тегобе путешествя, жарке луче сунца, и муку глади и жедьи лакше опъ нѣга подносїо. Двадесеть првый дань путешествя Абдулъ изнемогне; силе нѣгове исчрплѣние быяху, и тако є клонуо быо, да є єдва на Аделхамеда подупираюћисе ити могао; Аделхамедъ є съ великимъ участѣмъ на нѣга пазїо. Но кадъ већ са свимъ изнеможе, и онъ на землю падене, и Аделхамедъ га подъ єдну стѣну отнесе. Опъ тежке жедьи грло му се осушило было, и чрева му се сва чисто зажегу. Аделхамедъ є поредъ нѣга сѣо, главу Абдулову на свое крило метуо, и на небо горе гледаюћи плакао. Помысли на послѣдње оне капльи, кое су му у сасуду їошть заостале быле, и кое є съ тако великимъ попеченѣмъ за крайню нужду задержао быо. Узми драгїй Абдуле! рекне му, на! и написе, оно ће ти нове силе дати! — А да шта ће Тебп остати? рекне му Абдулъ слабымъ и немоћнымъ гласомъ — Срећа,

любимый Абдуле! да самь Тебе избавїо — Не Аделхамеду! не! за такову цѣну нећу животъ мой да обдржимъ; Послѣдне капльи овога сока (сафта) попити, то є толико, као послѣдне капльи Твогъ живота попити. — О не! Абдуле! отговори му Аделхамедъ, я самь їоште лкъ, я їошть дуго нѣи могу, и нећу скоро подлећи, а тко зна, може быти, да ћемо гди источникъ каковъ найти, може быти, да ће їошть пре вечера благодатна киша съ неба пойти, и насъ оросити. — Може быти? — отговори Абдулъ, но што ћемо онда, ако никакова источнина не найдемо, и ако благодатна киша не узиде, онда бы я причина Твое смрти быо. Та мысль за мене євесма страшна. Съ Богомъ оспай! и остави ме, самъ да умремъ! — Да умрешь — повикне на нѣга Аделхамедъ, Неблагодарный! да умрешь, а у моїой власти стои, избавити Те? Тога быти нѣе! и кадъ бы и я издануо, о дай ми ту срећу, да съ томъ мыслю на онай свѣтъ отидемъ; умиремъ, но Абдула самь отъ смрти спасао. — Ты отъ мене, отговори му Абдулъ, срећу ону ишшешь, кою мени самъ недашь. И я ћу моћи рећи: Умиремъ, но я самь Аделхамеда смрти избавїо, и онъ є мене надживїо — Тебе надживити, бѣсно повикне Аделхамедъ,

не! не! Тебе надживити нећу, и будући да помоћ мою отбацаш, то знай, да ћемо заједно умрети. — То изрекши сасудъ о стѣну удари, и сасудъ се на парчета разбїе, сасудъ, кой є послѣдню нѣгову надежду садержавао.

И глед! у исто маговенїе, изъ стѣне, окою є Аделхамедъ сасудъ свой разлупао, бистръ источникъ потече, тихо жуборећи отъ камена до камена пойде, и после се у потокъ єданъ састави; по бреговы нѣговы чбунови свакогъ рода подигнусе, цвѣтови сваке погодности (климе) и свакогъ годишнѣгъ времена вонняю; тысуще птица гранчице дрвесне оживотвораваю и умилнымъ своимъ пѣванѣмъ увасхищаваю.

Аделхамедъ се къ источнику приближи, сасудъ Абдуловъ водомъ напуни, и Прїятелю своемъ у помоћ притече. Абдулъ наскоро моћ опеть получи, и обойца ноћ ту подъ шушньомъ кой є оноравителный тай источникъ осѣнявао, проведу, и мирно на меканой рудини, коя є песакъ покрывала, преспаваю. Драгоцѣнный тай источникъ быо є дѣло благодѣтелногъ єдногъ духа (генїа) Овай є по воздуху летїо, разговоръ оба прїятеля чуюћи. Сожали ихъ, што се у таковой нужди находе, и постоянству ньиному чудећисе, хотѣо є стрпѣнѣ ньино, коимъ су се судби своїой предали были, наградити. И тек'

што є Аделхамедъ сасудъ свой разбїо, а духъ реченый источнику томъ заповѣди, да тече, стѣна у кладязъ да се обрати, а брегови дрвесы и и цвѣћемъ да се украсе. Истый источникъ и дань данашньїй тече у оной пустыньи, и називасе Источникомъ Прїятельства и добродѣтельи. Нѣму є Стїхотворацъ ову пѣсну спѣвао:

Токъ живота єсть подобанъ
Доста далнѣмъ путешествю:
Често намъ є неудобанъ,
Свагда скопчанъ са бѣдносћу.

* * *

Преблаженъ є, кой то надье,
Добродѣтель гди истиче.
Ништа ми є отъ нѣ сладье:
Сва се срећа у ньой стиче.

* * *

Можел' Човекъ отъ извора
Нѣногъ каплю тек' сркнути;
И у сѣнки отъ умора
Украй нѣга починути:

* * *

То ће прећи преко стѣна
Са свимъ новы и стрменны;

Нит' се боеѣ' зла времена,
Нити буря кадъ вѣтренны.

* * *

Но колико людїй има,
Добродѣтель што све траже?
Колико ли медьу ньима,
Што се праве држе спазе?

* * *

Къ тому има много бара,
Што човека често кинѣ,
И заводе, да тумара,
Нит' изидье изъ пустынѣ.

* * *

Ахъ зашто се добродѣтель
У пустыню так' удали?
И зашто ю Богъ Владѣтель
Свима людма не подари.

Два дана оппочину оба Пріятеля на томъ мѣсту веселя, и за тимъ на ново оживившїи весело путешествъ свое продуже, плодова, кое су имъ древеса подавала, са собомъ узевшїи.

Полъ дана само до Медине їошше имадяху. Аделхамедъ є мало предъ Абдуломъ ишао; на дрвету єдномъ кесу єдну упази, скине ю, оштвори, и великїй єданъ дїаманть у нѣму най-

де. — Ни Дїаманть самогь великога Могула ни є овомь подобань быо, и сва блага овогь свѣта не бы га исплатити могла. Аделхамедь Абдула напрагь позове, кесу му укаже; „како-во сокровище шилѣ намь Пророкь! погледай само превеликій овай дїаманть! Мы смо садь отъ свїю Кралѣва на земльи богатїи. Абдулъ узме дїаманть у руке, съ удивленѣмь смапрати га стане, и на угладьенной поврхности (Oberfläche) надписъ овай съ преситны и златны писмены упази. Я оному отъ Васъ принадлежимь кой оно люби, што найболѣ єсть. Ахь! повикне Абдулъ, поглед' само овай надписъ Аделхамеду! нисмо мы тако богатыи, као што си Ты мало пре рекао. — И заиста, опиговори му Аделхамедъ, мы нећемо дїаманта тогь узети, мы ћемо га овде оставити — И тако га опеть у кесу ону метне, а Абдулъ га на дрво опеть обѣси, и о приключеню томь разговараюћисе, своимь путемь опиду.

Оно вече їошше у Медину дойду, и таки кь Аделхамедовомь Стрицу опиду. Стараць тай прїими оба младића съ великомь радосћу, не могући се Сына свога Брата, когь є нѣжно любїо, сытъ нагледати. О Сыне! Сыне! буди Твомь Отцу подобань, шествуй непрестанно на путу правде, као што є онь шествовасъ;

черпи истиннипо щастѣ изъ источника сваке истинне, изъ божественогъ корака, изъ луче мудросши Божїе, кою є Моамедъ намъ открїо. О да бы нѣкада ону награду заслужїо, кою Пророкъ свимъ правовѣрнымъ обѣщава! О да бы вавѣки у раю нѣговыхъ избранныхъ живїо, гди дѣвице непрестанно красне, чисте и цѣломудренне праведникомъ и угодникомъ Божїимъ неизреченне радосши причињаваю. — О пречестный Серадїй! отговори Аделхамедъ, свѣтило мудросши! Сунце вѣжества! предъ коимъ шма заблужденя исчезава, као шшо сѣнй ноћне предъ првомъ лучомъ зоре изчезаваю. Я и мой Прїятель предузели смо ово пушешествѣ, да се закону Пророка научимо, и да срдца наша на оному мѣсту осветимо, гди се онъ родїо, и гди є умрео. Молимъ те, дай намъ обойцы прибѣжище єдно кодъ Тебе. Супраћемо обойца у Мекку итти; прїятель мой остати ће тамо при мѣсеца кодъ светогъ єдногъ Дервиша, свога Сродника, и овай ће га наставляти. А я ћу се Теби повратити, и кодъ Тебе три мѣсеца остати, да отъ Твоихъ совѣта и отъ Твоихъ учења ползу узимамъ.

Серадїй Аделхамеда нѣжно загрли, и обойцы умѣренну вечеру даде, кою є самъ спопосвїо было.

Сутрадань даде имь єла, съ собомь да понесу, загрли ихъ їошть єданъ путъ, и пожели имь, да ихъ свѣтый Пророкъ у путешествію ньиномъ руководи, и млада ньина срдца къ великой истинни приготови.

Оба младића кренусе, и изъ Медине у Меку срећно дойду. У Мекки три дана кодъ Абдула у Хассанова Сродника проведу: ту и храмъ, сла, ону Каабу, кою є Авраамъ їошше зидао, по сѣше. Сузама своима облили су камень онай, на кой се Авраамъ попео бьо, кадъ се кааба подигла. Камень тай бьо є нѣкада као снѣгъ бѣо, а то є онда было, кадъ су люди невинньи їошть были; но почерни са свимъ, како се люди прозлише. И они су све прегледали што пытолюбѣ (Neugier) раздражити може. Кадъ пресвету ону землю, у коїой се Пророкъ родїо, упазе, благоговѣйнсше ньино усугубльнно буде, свуда су спали, и Богу се молили: свакій отъ ньихъ заборавїо є сама себе: и молїо се само за свогъ Пріятеля; или паче свакій отъ ньихъ мыслїо є, да се и за себе моли, кадъ се за Пріятеля своегъ молїо.

Четвертый дань морали су се разстати. О! како є свирѣпъ разстанакъ тай бьо! то имъ є прьый путъ у животу было, што се разстаю. Срдце ньино было є распарано; тѣс-

но загрлившїйсе препискивали су єданъ другога къ прсима, молчаюћи и сузама єданъ другогъ обливаюћи: нити су се усудити могли, ужасно съ Богомъ остай! єданъ другомъ рећи. Но најпосле се отгрле, їошть єданъ путъ єданъ другомъ у обятя полете, и онда свакїй своимъ путемъ отиду, но єднако дотле обзирући се, докле се тако не удальише, да єданъ другога више видити не могоше, Абдулъ остане у Мекки кодъ Дервиша, а Аделхамедъ отиде къ премудрому Серадїю.

Три мѣсеца єданъ другогъ да не виде! О то є дуго, и весма дуго за ньи было! и чинило имъ се, та три мѣсеца, то є цѣла вѣчностъ! Между тимъ су се трудили време то ученѣмъ вѣроисповѣдныхъ (релїгїозныхъ) истина прекратити. Они су често єданъ другомъ писали, у писмамъ своима заклетву, да ћею се ва вѣки любити, понављали, и успѣхе оне єданъ другомъ саобщавали, кое су у првой и превысокой науцы учинили. Прва и превысока наука? — О заиста прва и превысока! но и најпогибелнїя. Лако се чловѣкъ отъ намѣреня и конца оногъ удали, къ коему є пошао было, и кой тай єстъ, мысли свое къ престолу вѣчногъ Бога узвыситти, и чувствованямъ нашымъ оно великество дати, кое насъ тога достойныма

чини, да всевышнѣгѣ Бога познати и любити можемо. Нѣжныи Пріятельи! Време и магновенѣ оно приближуесе, кое ће Васѣ може быти раздвоити. О кадѣ не бы сте савѣтѣ Ангела оногѣ заборавили, коегѣ Вамѣ є небо на благополучѣ ваше послало!

Абдул-Хассанѣ после три мѣсеца изѣ свете Мекке, мударѣ будући и наученѣ, као и Дервишѣ, у Мединy кѣ Моллаку отиде, кой є у састояню радость ону описати, кою є Аделхамедѣ чувствовао, пріятеля свога опетѣ видећи? и тко є у састояню васхищанѣ оно оживописати, у комѣ є Абдулѣ быо, Аделхамеда свога по дугомѣ разстанку опеть кѣ обятямѣ своимѣ пригрливши? Шта ни су имали, єданѣ другомѣ казывати? О любви своїой мало су се разговорили; само су два чувствованя у срдцу ныномѣ царствовала, чувствованѣ пріятельства, и ревность кѣ вѣроисповѣданю.

Абдулѣ нѣколико дана у дому Серайдовомѣ отморисе, и потомѣ обойца у Ьагдадѣ натрагѣ пойду. — Путемѣ су веселыи были, сѣ васторгомѣ (ентусиасмомѣ) су се о свему разговарали што су гди видили; а особито су често оба света она мужа говорили, коима просвѣщенѣ свое благодарити имаю, просвѣщенѣ. кое духѣныиѣ освѣтлява и кое є ныма скупоцѣниѣе отѣ свїю

благо на свѣту было. — Они су єданъ другомъ провођдали, шта су учили; они су єданъ другомъ сва она толкованя саобщавали, коя су имъ Учительи о гдикоимъ главама корана давали. У томъ разговору случавало се често, да оба пріятеля у свему согласовали се нису: и испинна да се о главнымъ и основнымъ ученямъ препирали ни су, но често су до тогъ дошли, да су се о рѣчи єдной, да и о писмену єдномъ свадьали. Аделхамедъ є н. пр. мыслїо, да у 8мой глави корана 30,000 согласныхъ писмена има; а Абдулъ є потвердьавао, да се само 29,367 слова у ньой находи. Обойца почну се трудити, єданъ другогъ убѣдити, да є онако, као што онъ мысли, и зато су цѣлу ону главу єданъ другомъ на изусть говорили, као што су отъ своихъ учителя научили были. Но найпосле се обойца разяре, и опеть се умире, свакїй опъ ньихъ мыслећи: Пріятель мой научїо є ствар ту лажно, и учитель му ни є болѣ знао.

Єдва се шесть миля отъ Медине удале, а на ливади єдной прекрасанъ єданъ конь пасе, и штогодь више скакаше, све то лѣпшїй и лѣпшїй постаяше: шїя нѣгова лабудовой подобна са свимъ величествена быяше; прекрасну нѣгову гриву вѣтаръ тамо и амо раздувляваше. Погледай, молимъ Те Аделхамеду! рекне Абдулъ

Пріятелю свому, погледай га само, како єлѣпъ!— И єсть заиста найкрасній конъ, отговори А. делхамедъ, їошше ни самъ таква у животу момъ видїо: заиста бы га могао за коня оногъ држати, на комъ є самъ Пророкъ јашїо. — шта за коня Маомедовогъ? повикне Абдулъ, заръ не знашь, да є конь Маомедовъ жеравъ быо, а овай. овай ємркъ. — Опростит' ћешь, отговори на то Аделхамедъ, ако си науке и описаня читао, и ако си толкованя ньина читао, то морашь знати, да є конь, на комъ є Моамедъ јашїо, вранъ быо. — Вранъ! Вранъ? О Боже! и ты се усудьуешь їошть, то беззаконнѣ потврдьавати? — Беззаконѣ? О несрећо єдна! Ты бсззаконя потвердьуешь; изъ твоихъ уста опороченя происходе. Не! не! Ты хулу говоришь, Богъ ми є свидѣтель. — Стрепи расколниче! стрепи отъ нѣгова гнѣва! — Шта? я расколникъ? Не! не могу и несмѣмъ я више съ Тобомъ живити, не могу я пријателѣмъ моимъ оногъ човѣка назвати, кой на Пророка хули. — Добро! нека буде тако! у напредакъ никакова саобщеня медьу нама да не има. Ты Неблагодарный! срдце Твое покваренно є, умъ Твой заблудїо є, я ћу се ва вѣки хулишеля Маомедова клонити. — И я ћу се Тебе клонити; ибо хулитель на Бога не може отъ Маомеда поми-

лованъ быти; ты си предъ ньимъ звѣръ єданъ, а како си предъ ньимъ, то си и предамномъ такавъ. —

И всѣ нису се обойца обуздати могли; ярость и гнѣвъ сѣвали су изъ очію ньиныхъ; повуку ножеве, и пслете, єданъ другогъ да проболу — Но опеть имъ васпоминанѣ дугогъ ньиногъ пріятельства руку задржи — Ахъ! рекне Аделхамедъ, опоминѣмсе да самь Ти пріятель быо; — И я се опоминѣмъ, отговори Абдулъ, да самь Те нѣкадъ силно любїо и зато Ти животъ покланямъ — и да тога ни є, то бы Те морао аки непріятеля Божїегъ до преисподнѣгъ ада гонити. — Иди, рекне на то Аделхамедъ, иди отъ мене; то и мое срдце чувствуе, и сожалуе Те; иди, и трудисе, путъ истинне найти, путъ, коимъ Пророкъ милостиво нек' Те води. — Но немой ми само никада на очи изилазити, како бы те само видїо, таки бы срдце мое окалянно было, срдце, кое є пресвета она земля очистила.

И со тимъ рѣчма Абдулъ и Аделхамедъ разставесе за вавѣкъ, и постану непремирими — непріятельи; сви союзи, кои су ихъ єдногъ съ другимъ соєдинявали, тако су силно разрѣшенныи были, као да ихъ є сама смрть своимъ єдомъ заданула.

Како то? рећи ће гдикой читатель — два чловѣка, кое ни су любовь, страхъ отъ смрти и имѣнолюбѣ разставити могла, како то, за тако маленну и незнатну ствaрь на єданъ кутъ вѣчныи непрїятельи да постану? — Твой Абдул - Хассанъ Твой Аделхамедъ, та то су само луде; чувствованѣ, коегъ ради они толико жертве принесоше, и кое человѣческе силе готово надвышуе! то є само лудость єдна была, а пы си ю Прїятельствомъ назвао. — Неговорите далѣ површностныи Вы духови! не судите тако брзо о тому! — Кадъ бы Дервишъ онай у Мекки, и Моллакъ у Медини рѣчи Ваше чули, то бы Вамъ заиста рекли: О неосвещенныи! шта усудьуетесе Вы ту говорити? Можете ли Вы о божественнымъ тайнамъ судити? Тайне те стое изнадъ Вашегъ слабогъ познања, и то тако высоко, као што є шесто небо надъ педльомъ ове вселенне, кою Вы обытавате, узвышенно. Све є величественно, и све є высоко у корану; све є у нѣмъ важнїе, него Ваше страсти, и Ваша чувствованя, него Ваша мрзость и любавь.

Често є Ангелъ онай, кой се Аделхамеду пре нѣгова отлазка у Мекку показао быо, Персїйскогъ оногъ Стїхотворца одушевлявао, кой є повѣсть ову списао, и овако заключїо;

„О правовѣрныи! Вы сте отъ самога Бога найкрасніе и найсветіе вѣроисповѣданѣ (релїгїю) добыли; чувайтесе добро, изумленямъ коекаквымъ Вашегъ духа обездостоити. Идите къ Богу, но не покушавайте, нѣга къ Вамъ привуѣи. Онъ казни оне, кои се усудьую, нѣговымъ словесамъ што додати. Ни є ли онъ свимъ людма доста понятанъ и вразумителанъ? и требаю ли Богу, ономъ источнику свакоспине толковательи какеыи? Та Ваша гордостъ, коя Васъ подражуе, неиспытаеме таине испытати, води васъ само у заблужденѣ: ньомъ Вы оно за мало почитуете, што велико єстъ; она непресудиме распре между Вами порадьа, све союзе содружества разлучава, и найсложеніе Фамїлїе и найнѣжніе Пріятелѣ раздвая. Та Ваша гордсотъ непріятелѣмъ Божества оружіе подае, и они се бѣшествуюћей Вашой борби о маленкостма радую, и навѣроисповѣданѣ оно хуле, кое сте Вы ныма на подсмѣхъ предали. О люди! люди! Богъ самъ єстъ великъ, Маомедъ нѣговъ Пророкъ, а Коранъ нѣгово слово; то трева само да вѣруете. Све осталo пакъ или є у нѣдры самогъ Бога, или у тайнамъ нѣгове премудросни непостижимо сакривенно, или незаслужуе, пытолюбѣ безсмртнога существа раздражавати.“

Зашто нису Абдул - Хассанъ и Аделхамедъ томъ спасителномъ ученю вѣрныи остали! Они бы їошть у сагласю и щастльивыи были. — Но-оле! щастѣ ныно исчезло є. Нећею они више изъ источника Пріятелства єданъ съ другимъ пили!

ЛЮБИСАВЪ.

(Єдна игра, у єдномъ дѣйствy — Актy —).

Дѣйствующа лица:

Любисавъ. мужъ.
Драгиня. жена.
Милисавъ.)
Миливой.) сынови.
Владмиръ. Градьанинъ.
Радованъ. Слуга Любисавлѣвъ.
Мѣсто игре.

Мѣсто игре єсть усамлѣнъ єданъ, дрвы и чбуновы окруженъ просторъ, у комъ се колиба Любисавлѣва наоди.

ПРВЫЙ ИСХОДЪ.

Любисавъ. (съ пушкомъ єдномъ ; савъ безъ волѣ, пушку испу поредъ себе спусти).

Ево ме опеть овде а ништ' учинїо писамь: не имаюћи више хлѣба изишао самь быо, што невинне дивачїй да убїемъ : цѣло после полдне препрчао самь на овомъ жаркомъ дану жарку планину: но всуе : тако ће гладь бѣди нашой скоро край и конацъ учинити. Идемъ у колибу : но опеть не! моромъ се найпре отъ неблаговоленя могъ повратити. Треба предъ Драгиньомъ да га сакрїемъ, Ахъ єдинный Боже. Добродѣтельна Драгиня! како драговельно сыромашсво и крайнѣ спромашство, како л' радо безпомоћанъ овай животъ сноси, да бы га мени само сносимымъ учинила. И кадъ усамлѣнна о неволи свїю насъ плаче, и чуе, да я идемъ; онда су-

ѕе са очїю свои оттире, и радостно се на ме осмѣюе, само да мене опечалила не бы. Ахъ Боже! Ты ћешь добродѣтель ту їошть наградити. Како не заслужуе она срећна да буде! я бы їошть спокоянъ быо: но та мысаль мучи ме, да самь я причина нѣне несреће и неволѣ наше жалости достойне дѣчице. То срдце мое пара, што великодушъ нѣно никоимъ начиномъ наградити не могу. Медьу тимъ ће сиромашство наше све већше и већше бывати, и животъ нашъ постае све то безпомоћнїй. Што самь оно мало имао, и то є потрошенно; кому да притечемъ? а при томъ є и послѣдня буря нашу сазрѣваюћу радню потрла. Кому да притечемъ, кадъ ме родьенъ мой Отацъ безъ помоћи оставля, и кадъ га моя найжалосливїя писма, она сваког поражаваюћа изображеня мое неволѣ никако умекшала нису? Петъ година већ има, откако самь му послѣднѣ писмо писао: и нн єдногъ могъ писма ни отговора удостоїо ни є. О како може Отацъ єданъ тако свирѣпъ быти, и дѣте свое безъ сваке псмоћи у невольи оставити! А цѣо мой грѣхъ састоисе у тому, што самь я преко нѣгове волѣ, найторжественнїе обѣте къ лицу єдномъ обдржао, и што лице то у безпомоћно и безчестно станѣ низвргнути не хтедо, лице, кое се моимъ найсветїимъ завѣтомъ подало, и кое

свако савршенство, кромѣ єдногъ богатства у новцы, притежава. Да самъ я престрогой вольи мога Отца попустїо; да самъ я ню, кол заслужуе, да ю цѣо свѣтъ почитуе, презираю неправедногъ свѣта изложїо; о небо! не бы л' мени онда све чести и сва богатства овогъ свѣта несносна была? не бы л' мени сама савѣстъ моя свако веселѣ съ адскимъ мукама помрачнла. То прїятельско састраданѣ у нашой невольи има нѣшто у себи, што намъ и у самой туги сладостъ причинява. Попечително ово тащенѣ, тугу исту єдно другомъ да отлакшамо; и ове сузе, кое єдно за другимъ плачемо, та нећею се оне свагда проливати! Може быти, да є Отацъ мой већ єданъ путъ къ милосрдю побу! дьенъ... Но ево ми малогъ Миливоя: ахъ Боже каква ће судбина мое дѣчице быти? я ћу сузе мое утрти, и обликъ мой разведрити, да се само мало мое чадо не опечали.

Другїй Исходъ.

(Миливой къ Любисаву у трчи, и колѣна нѣгова обуваћа).

Миливой. Любимый отче!

Любисавъ. Любимо чадо! Откудъ идешь тако весео?

Мил. Оттудъ са онога брежулька: тамо єдно мало дѣтенце козе чува. Ахъ! како самъ саспраданъ съ ньимъ имао!

Люби А зашто то?

Мил. Оно є кодъ коза сѣдило, и плакало; я нисамъ, вели, данась цѣо дань ни залогая хлѣба окусїо, и како ме сиромаа гладъ мори. Ево на! што имамъ, отговоримъ му я, ево пакъ єди! И я самъ истинна гладанъ био; но како самъ се радовао видећи съ каквымъ пожеланѣмъ пастырче то онай комадъ хлѣба єде, и како се тому срадовало бияше!

Люби. О добрый Миливое! буди благословенъ!

Мил. та то бы и пастырче оно учинило было, да є оно што имало, а да самъ я отъ глади плакао.

Люб. А заръ ниси знао Миливое! да мы ни мрве хлѣба више у колиби нашой не имамо?

Мил. Но я самъ имао то парче: и я самъ се весма радовао, што самъ му га дати могао. Вы сте толико путїй говорили: Богъ на небесы наградьуе свагда оне, кои другима добра што учине.

Люб. полюби ме Сыне мой! Боже! та ову

невинность нећешь ты на вѣки у невольи оставити. (Любисавъ сузе утире).

Мил. Но Вы плачете о Отче! Ахъ! не плачите єдинный Отче!

Љуб. Не плачемъ я мое Дѣте! Иди сада тамо на брежулякъ, и погледай, не иде ли Твой Братъ изъ планине напрагъ; или нећешь ли откудъ Радована видити, да изъ града иде.

Мил. Идемъ, идемъ Отче! (Отиде).

Трећій Исходъ.

Љубисавъ (самъ).

О како ми то срдце мое топи! никадъ їоште нисамь тако безъ сваке помоћи остао био! (дубоко замыслѣнъ ода). О Боже!.... найболя Супруга, и ова невинна дѣчица..... О предстателствуй ми, Ты ми предстателствуй, кой судбину мою руководишь: Ты ми предстателствуй: да никада на премудро Твое руководство не роптамъ, и да се никадъ о промыслу Твомъ не посумнямъ. Не смѣмъ овако смућенъ у колибу ићи; но и сама природа єсть ми у помоћи: ладанъ овай вѣтаръ осушуе пїо мое сузе.

Четврты Исходъ.

Драгиня и Любисавъ.

Драгиня. Добро дошао Любисаве! (Стисне му руку) добро дошао!

Любисавъ. (загрли ю) Буди ми благословенна Драгиньо моя! како си часе Твое провела?

Драг: Весма весело: онако весело, као што ій безъ Тебе провести могу. Я самъ при послу момъ пѣвала.

Люб. Ты си у несрећи правый юнакъ.

Драг. Моя срећа єстъ, што Тебе, и добродѣтель, коя човека свагда ободрава, имамъ. Я самъ онда само несрећна, кадъ ты помыслишь, да си ты несрећанъ.

Люб Ахъ Боже! Колико нѣжности мени показуешь, мени, кой те є у онаква обстояпелства поставїо, коя бы люде слабїе мыслити могуће у отчаянъ привела.

Драг. Имена божїегъ ради молимъ Те єдинный мой! не узнемируй покся нашегъ таквымъ пребацыванямъ, коя нѣжность мою толико вредьаю. Я ти се заклинѣмъ! и заклинѣмъ ти се самымъ небомъ, да ово мое спокойство нимало измыслѣнно ни є. Я самъ съ тобомъ срећна; и безъ Тебе би ми свака друга срећа несносна была.

Љю б. тако є истина, да твое спокойно лице и у свемъ нашемъ найкрайнѣмъ сиромашству, и у безпомоћной жизни изъ внутреннѣгъ спокойства произлази, и да тугу Твою често измыслѣно не сакрыва?

Драг. Я самъ онда само забринупа, када видимъ, да си Ты скорбанъ.

Љю б. Ахъ! каква доброта! каква благость!

Драг. Помысли, молимъ Те, само, колико сиромашнїи люди опъ насъ има; а заръ незадовольство насъ їошть несрећнїимъ опъ ныи да чини?

Љю б. Нитко ни є опъ насъ, као што сада есмо, сиромашнїи; мы смо отъ сваке птице подъ небомъ сиромашнїи. У колиби нашой раане не имамо. Всуе самъ данасъ сву планину прешао, да бы што дивячи нашао: и дошао самъ безъ свачега. Я бы то їошть поднети могао, Твое мужество подигло бы мое; но кадъ на дѣчицу нашу погледимъ О Боже! то ми срдце мое пара, када видимъ, како имъ се очи сузама наводняваю, и како їй она зауспежу, само насъ до не оскорбе.

Драг. Драгїй Прїяне! Не треба да насъ несрећа безмужественвыма учини, несрећа, коя є само воображенна. Милисавъ нашъ опишао є у шуму по воће, нећe онъ празданъ кући доћи:

а при томъ и сву нашу надежду ослонимо на Радована, кой се изъ града враћа.

Љуб. Я се Драгиньо моя! стыдимъ, што ме свака брига тако надваладьуе.

Драг. (указуе му везъ єданъ свои руку). А при свемъ томъ любезниче! поглед' овай везъ овде. Радованъ може га супра у градъ отнети, и оной трговкиньи продати, коя свагда за мой посао добре новце дае. Будимо єдинный мой! стрпљливьи: споминьисе прошасты времена: кадгодь су обстоятелства наша найгора была, свагда намъ є помоћ близу была.

Љуб, Како богату упћху налазишь Ты свагда у благородной Твоїой души! Ничимъ манъ никако се не могу брига мои оптрести, шта ће найпосле отъ дћчице наше быти? са свимъ и отъ свїю овако оставлћнный, какавъ путъ можемо имъ показати; коимъ бы срећный овогъ свћта были?

Драг. Путъ добродћтельи любезный мой! пушъ добродћтельи никадъ не вара.

Љуб. То єсть истинна; но спрадаюћа добродћтель єсть жалостиво позорђ: и како є тежко добродћтель нерушиму у прсима своимъ хранити, кадъ насъ бћда и неволя са свїю страна обколћва! Ахъ! велика ће срећа за ньи быти, ако медьу найнижїе простаке не помћщанныи

но опеть исподѣ достоиства, кое имѣ є рождество. ньно дало, животѣ свой само прговлачити узмогу. О Отче! Отче! О да уздыси, кои збогѣ спрогости твое изѣ прсїю мои изилазе, никадѣ, никадѣ душу Твою узнемирили не бы! И онда не, кадѣ бы унуцы Твои непознанно предѣ двер-ма твоима кору хлѣба просили. О Боже!

Драг. Ты будућу ньину неволю више предвидьашь, него што ће заиста быти. Колико безчисленны путова ни є Богѣ човеку оставїо, коима срећанѣ быти може?

Љуб. То є истина: но тко єданѣ путѣ у бѣду и неволю падне, тога ћею оне непрестанно терати. Шта є сѣ нама Драгиньо! было? О Боже! Отацѣ мой остави насѣ, мало наше имѣнѣ спописе у сиромаштво; и каква савѣта, каквы надежда имати могосмо? Свѣтѣ насѣ отѣ себе отпури; и шта намѣ їошть остаде?

Драг. Ето то любимый мой! да и мы свѣтѣ оставимо, у найкрасній предѣлѣ свѣта у самость отидсмо, и тамо судбину нашу промыслу Божїему вручимо.

Љуб. Добро ћерко моя! Но то опеть ни є никакова срећа, кою бы я дѣцы моїой желїо, и у коїой бы савѣ свой умѣ сакупити морали, да у отчаянѣ само пали не бы.

Драг. Обстоятелства наша, у коя насѣ є

промысаль божїй съ мудрымъ намѣренѣмъ, заиста съ мудрымъ намѣренѣмъ поставїо, нису тако са свимъ невольна, тако є то неправедно, што на нѣга роптамо. Мало пре посѣтила сам нашу сасѣдницу — комшиницу. — Ни є л' судбина нѣна много гора отъ наше? Она є стара, и безпомоћнїя отъ насъ; а отъ когъ доба изнурава ю сиротицу болесть: сви нѣни изгледи живота нису ништа друго, него само дугопрајућа скорбь и сиромаштво и опеть зато иста скорбь и исто сиромаштво весма рѣдко стрпљивость нѣну надвладьую. Єдинна нѣна надежда єсть смрть, коя ће може быти тек' по многимъ мукама животъ нѣнъ заключити. А мы, мы да себе малодушћмъ много невольнїима отъ нѣ чинимо, мы, кои смо болѣ воспитанныи, и кои уздѣланнїи разумъ имамо?

Љуб. То нећемо Любезницо моя!

Драг. То нећемо Любисаве! не! не! хвалѣнно буди име господнѣ! хвалѣнъ буди промысаль божїй; промысаль, кой све мудро руководи, кой све къ добромъ концу чини, кой птвари свое силно люби, и кой о найманѣмъ, као и о найвећшемъ, съ єднакомъ попечителносћу бди. Промысаль божїй садржава птицу сну, што тамо у шушню цркуће: Онъ храни пчелу, коя около насъ зуи, и чрва, кой предъ нама по зем-

лыи пузи. И мы на управителство нѣгово да роптамо зато, што обстоятелства наша таква нису, да намъ тко ныи ради завидити може? Ободрисе Любисаве! поглед' само, како се предѣлъ овай прекрасно на насъ осмѣуе: величествењъ сумракъ украсит' ће разстанакъ дана овогъ, кой насъ є къ развитку судбе наше ближе привео.

Люб. Хвала Ти, Любезна моя! О Драгиньо! колика є срећа за ме, што Тебе имамъ! ты си слабїй мой умъ подигла, и срдце мое разведрила ова ни є ведрини прерадостногъ єдногъ пролѣтнѣгъ данка равня: она є ведрини тїе полноћи подобна, када пунъ мѣсецъ свѣтли. То, то ю мало разблажуе: кадъ помыслимъ, да ме є Отацъ мой тако оставїо, и изъ срдца свога прогнао. О када умрешь Отче када умрешь, и кадъ я прогнанный при смртной Твоїой постельи плакати, и послѣдній благословъ Твои устана чути не узмогу; о онда се мене спомени; и кадъ на мене овако оставлѣнна, комъ си Ты животъ дао, помыслишь, онда, о онда ме Отче мой благослови!

Драг. Добрый Любисаве! Самъ Твой умъ быо бы те изъ жалостны Твои мыслїй опеть подигао: я самь Ти само оне утѣхе подала, кое бы и онъ самъ їоште болѣ отъ мене пронашао,

и кое само сада отъ маа изнашао ни є. Жеља Твоя о твомъ отцу; о кадъ бы се испунила! Боже! я....

Љу б. Бога ради! молимъ те, не казуй оно што си казати хтела: не пребацуй сама себи преко носа, я не бы највећше оне среће, што тебе притежавамъ достоянъ, кадъ бы прерѣкања та само слушати могао.

Драг. Не Супруже! нећу я любовь твою вредьапи: но надежде мое моромъ Ти сыне казапи: како бы было, кадъ бы Отацъ Твой съ тобомъ већ помиренъ, и садъ о судбини сына свога неспокоянъ быо, сына, когъ є...

Љу б. О та мысаль разведравала ми є често најжалостније часове, често ме є много дана срећнымъ чинила, кадъ самъ всуе, ахъ! всуе отговоръ на наша поражаваюћа писма очекивао; писма при коима бы, се тако ми Бога! најнемарльивїй, и најнепознанїй човекъ, заплакати; морао, када бы їй гди на улицы баченна нашао, а мой Отацъ, заръ да онъ...

Драг. Како бы ми неправедно радили, кадъ бы Отца, кой те є тако силно любїо, кадъ бы нѣга...

Љу б. О Боже! заиста неправедно! Ты на мене вѣковѣчно да мрзишь, ной си ме пре тога тако нѣжно любїо, сваку мою слабо - проница-

ваюћу способность сь чрезмѣрномь радосћу примѣчавао, ты на мене на вѣки да мрзишь! И у онай чась, кадь о твомь гнѣву плачемь, и онда ми савѣсть моя ништа не пребацуе. И кадь бы ми што пребацывати имала, о Боже! онда бы ми Твой гнѣвь несносымь био! Ты ћешь мени заиста. заиста любовь твою опеть поклонити! Може быти, сладка помысли! може быти, да онь веће Сына оногь оплакуе, коега є тако безпомоћна судби нѣговой предао. Та надежда! Ахь како ми є радостна! я ћу му писати, я ћу све оно поражателно проповѣдити, што ми станѣ наше и моя Сыновна любавь подати узмогу. Айдемо Драгиньо! у колибу; я ћу му данась їоште писати. Оди Сладка моя! твое предстателство быти ће ми нуждно.

Драг. Айдемо любезниче! (уватесе подь руку, и у колибу отиду).

Петый Исходъ.

Радованъ (самь).

Отицили су?.... Само да ме таки опазити неѣею. То є веће зао знакь, што се отъ ньи тако страшити морамь; што ти є, што кућашь

тако? (руку меће на срдце). Шшо тако не обузданно купашь? Какво бреме свалюесе на мою грудь? Та немой! Окани ме се! не преседай ми, та я самь по изъ найболѣгъ намѣреня учинїо; О честный старино! Савѣсть Твоя весма є чувствителна, шшо си се усудїо, шшо иначе у другомъ станю за главу учинїо не бы, и шшо бы у други обстоятелствы заиста беззаконно єдно дѣло было. Но мое дѣло ни є беззаконно: намѣренѣ и обстоятелства извинюю ме; тако ми Бога! ни є ово дѣло беззаконно дѣло! И опеть ми є све нѣкако тежко, као да є тако-во. Да неће тко само дотле доћи, докле я къ себи не додьемъ. (Извади кесу єдну съ новцы). Ово є доста, и много; съ ньимъ ћемо дуго време животарити моћи. Но отето! разбойнически на другму отето! Ахъ да Богъ сачува! Та туга сатерат' ће ме и у гробъ. Умирисе о савѣсти! О! ово є и прьый и послѣдньій путъ. Волео бы съ свакомъ оскудошћу боритисе - и са тобомъ савѣсти! у пріятелству быти, негол у излишю быти, и са тобомъ у кавги живити. Не да нашой безпомоћной оскудости и нашой невольи помогнемъ, зато самь иштао, и отъ онога тамо излишя нѣговога искао: онъ га дотле само има пи неће, докле кући своїой не додье; а кадъ кући додье, онда опеть у пуне свое ковчеге — Сан-

дуке — нека се маша. Не! не! Боже! то нимало право ни є, да толикїи бездѣлницы са свимъ излишѣмъ крозь свѣтъ пролазе: а мой добрый Господарь, и Драгиня, и њина дѣчица, и набезъ помоћи и гладныи у дивљини овой медьу тимъ да истаявамо. Ха! та крвь моя ври ми, кадъ їй видимъ, расточителѣ, и оне выссокоумне звѣрове, кои сиромаа и безпомоћногъ бѣдника као марву гледаю, у свакой поопи ваљюсе, свое понайвише невољомъ други людїй стеченно благо у самы пороцы разсыпаю и расточаваю: медьу тимъ мора сирома отъ глади да умире, а бѣдникъ у невољи да истаява, и съ топлымъ сузама да гледа, како тїи звѣрови у благамъ овогъ свѣта раскошую: праведно є, да имъ они часть єдну отузму. Не! не! не каемсе я тога, што самъ учинїо. Я.. Боже! чуемъ, гди нѣшто шушти.. Ево нѣко гди иде... Не.. та я дркћемъ, као да су ме садъ исподъ леда извукли. О старый лудо! та заръ се не могу я претварати? Тако, да ме непреправна изненада не запеку, шта ћу да имъ кажемъ, Господару момъ испиту казати не смѣмъ ћути ми Савѣсти! О! како єдно изъ другогъ проистиче! Но мора быти! то се мора лагати. Я ћу ка.. казати... Но шта? шта ћешь казати?... невѣштый лудо! Опчаянна обстоятелства!... Я ћу казати... Я самъ.... Но! глупане! то бы

лѣпо было! Та таки бы се са тимъ издао!...Ово! Ово! ово може проћи! сусрео ме єданъ Господинъ у граду, познаме, я га не знамъ, тко є, и онъ ме запыта, єсамь ли їошште кодъ Любисава у служби: на то ми рекне;... да онъ зна наша обстоятелства, да му є жао... онъ... и... Та тко опеть иде?... Милисавъ и Миливой иду, никако не може човекъ на миру да буде? Я ћу се изредно претворити.

Шестый Исходъ.

Радованъ, Милисавъ и Миливой.

Милисавъ. Добро дошао чича Радоване!

Миливой. Добро дошао чича Радоване!

Радованъ. (савъ укоченъ спои).

Милис. Што Ти є чича Радоване! тако намрщенъ?

Рад. Та нѣшто ми се по лудой моїой глави мете.

Мил. Што си се тако поздно изъ града вратїо?

Рад. Имао самъ много посла у нѣму.

Милис. Еси ли што изъ града донео?

Рад. О є самъ да како? и то весма много: муну ру.

Мил. О добрый Радоване!

Милис. Я самь у шуми воћа тражїо, и пуну котарицу набрао.

Рад. Добро, добро! Ты си добро дѣте; тако ћемо се добро почастити.

Мил. О како бы желїо, да самь и я тако велик, као што є Братъ мой, зато, да Вамъ и я помоћи могу.

Милис. О и ты ћешь любезный мой Браше! скоро овако велик' узрастити.

Мил. О Милисаве! полюби ме (полюбесе). О како Те милуемъ! Како ћею се Отацъ нашъ и мяти радовати! Мало пре ни залогая хлѣба не имадосмо, а садъ тако много за єло имамо. Любезна наша Мати плакала є данась при послу; я самь у собу ушао, и она є при шпићу своемъ сѣдила; ни є ме опазила, но плакала є и Богу се молила, и я самь морао самъ плакати, ню тако видећи. И она погледи горе, и сузе опре, да ю я плачући видїо не бы; но я самь по опеть видїо. Кажи ми, молимъ те, чича Радоване! Зашто тако често плачу наши Родительи? Свагда ми є тежко, кадъ видимъ, гди плачу.

Милис. И мени. Кажи намъ, кажи намъ чича Радоване! ако знашь, зашто тако често плачу?

Рад. Я мыслимъ, да зато плачу, што смо овако сиротыи.

Милис. Сиропьи? Мы?

Мил. Наши сасѣди — комшіе — у планини, они су сиропьи, а не мы.

Милис. Тако є. Мы смо кадкадѣ само сиропьи: и данась смо были, но садѣ више нисмо. Та толико имамо сада за єло. Или зарѣ нисмо. сада богатьи?

Рад. Ха! Ха! Ха! добра дѣцо!

Мил. Ты сє нама смѣешь чича! єли? Но ни є ли човекѣ онда богатѣ, када доста има; а мы садѣ на петѣ дана єла имамо.

Рад. Добра дѣцо!

Милис. Кажи намѣ, Бога Ти! кадѣ смо мы сиропьи, да шпа они имаю, кои су богатьи?

Рад. Они имаю у свему излишѣ.

Милис. А на шпо имѣ по? Та излишѣ є онда, када човекѣ више има, него шпо му треба.

Рад. Но и са тимѣ понайвише задовольньи нису.

Мил. Да чудноваты людіи!

Милис. И они опѣ могѣ излишя нишп' не даю оныма, кой нишпа не имаю?

Рад. О мой Милисаве! не само шпо имѣ нишпа опѣ могѣ недаю, но іошпь опѣ сироше и оно узимаю, шпо она има, и по кѣ великой своіой рпи додаю.

Мил. О Чича! Чича! Ты се сѣ нама шитрашь! Можешь ли Брате! то вѣровати, да шаквы людїй на свету быти може?

Милис. То я не вѣруемъ, Чича! не држи насъ за луде! Нетреба човекъ да лаже.

Рад. То є цѣла истина дѣцо: цѣо радъ пунъ є шаквы людїй!

Милис. Но кадъ бы я у излишю био, то бы я све што є мени излишно, сиротомъ нашемъ сасѣду дао: као што и нашъ Оцъ и Мати радс.

Мил. И я бы! и я бы то чинїо!

Милис. Я не знамъ, има ли гди већше радости. Свагда отъ радости плакати моремъ, кадъ намъ сиротица каква срдечно благодари, и насъ благосиля, што смо їой оно дали, безъ чега мы быти можемо.

Мил. Тако є! тако! Тс ме свагда више радуе, него да найлѣпшу пшицу уватимъ.

Милис. Но кажи намъ чича Радоване! Зашто плачу Оцъ нашъ и Мати, што нису богашыи? То я не могу вѣровати.

Рад. Я мыслимъ зато, што бы, кадъ бы богатыи были, излишѣ имали; и што бы онда често сиротыма предстателствовати могли.

Милис. Заиста є тако! Радоване! то си погодїо: и я бы самъ садъ плакао, што богатыи

нисмо. Но айдемо Миливое! айдемо у колибу! оди и Ты сЪ нама чича Радоване! (Отиду).

Седмый ИсходЪ.

РадованЪ (самЪ).

СадЪ самЬ опетЪ самЪ; дѣца су отишля, да! да отишла су већ. Но дай найпре зной овай да утремЪ, кой ме є спопао. А садЪ храбро! Айд'мо у име божїе у колибу, и.. Но шта самЬ отео рећи? Чини ми се, да самЬ опеть у моїой невольи заборавїо! Та не дркћи тако старый глупане! Стой управо! што ти є? не обарай тако очїю доле! Ты си слабЪ преварачЪ. Остарїо самЬ веће; и подЪ старость нова рукодѣля — заната — не научи, а особито, што є моїой цѣлой природи тако противно. О само єданЪ путЪ ово да за рукомЪ долье!... Да! отЪ оногЪ Господина хтео самЬ казати, кога никадЪ у граду видїо нисамЬ.. Да! да! отЪ нѣга.. То ће добро быти ... Боже! ето га, гди иде. Буди мужественЪ!

Осмый Исходъ.

Радованъ, и Любисавъ.

Любисавъ: Добро дошао, правый Пријателю! Ниси ли се уморїо? Подалеко имашь ићи изъ града довде.

Рад. Уморанъ ни самъ; ево самъ различны потреба изъ града донео.

Любис. Иди! отнеси їй у колибу, и врати се опоетъ амо у ладъ, вечера ће скоро готова быти. (Радованъ отиде).

Љуб. (гледа за ньимъ) о да честна Старца! Кадъ бы му само єданъ путъ услуге нѣгове наградити могао! Истинна, да се сада опетъ найсладьомъ надеждомъ питамъ. Писмо самъ веће започео. И данась ћу га свршити. Какве сладке надежде! како опрашна сумня! Каква радостъ! О Боже! да пренебесне радости, ако отъ Отца могъ отговоръ добїемъ! Сладка надежда напериуе ми сузе на очи; како ћу радостъ мою поднети! како ћею сузе мое благословенно писмо орошити. О да велика страа! О да превелика отчаяня, ако ме Отацъ мой не послуша! Боже! послушай, о послушай мою молбу! смилуйсе на мене, не вводи у искушенѣ мое слабосилѣ! Не дай! да отацъ мой непомиренъ у гробъ отиде! Како бы было,

кадѣ бы Радованѣ-сѣ Милисавомѣ моимѣ кѣ нѣ-му отишао? путѣ є истинна далек'. Но како бы было, кадѣ бы му то любведостойно и невинно дѣте писмо Отцу момѣ предало, кадѣ бы оно колѣна старогѣ мога отца обуватило, и нѣга молило, да Отца нѣговогѣ благослови!.... О презредно! презредно! човекѣ у невольи тысящу сладки планова прави, да бы тысящу путїй са тимѣ горчїе осетїо, да є бѣданѣ и неволянѣ. Тко ће їй обое на путу издржавати? О Боже! (замыслѣнѣ тамо амо ода. Радованѣ дуго време на страни стои, и Любисавѣ га не примѣчава: у єданѣ путѣ га опази) зарѣ си веће дошао. Радоване! О єдинный мой Прїятелю! Кадѣ бы ти само єданѣ путѣ полику твою доброту наградити могао!

Рад. Ваша доброта кѣ мени награђьуе мл оно мало, што я Вама чинимѣ, свако магновенѣ ока.

Љуб. То я не могу; како прїятельство Твое да наградимѣ? Отацѣ мой, а за тимѣ све, све оставило ме є овако; и Ты си кодѣ мене самѣ, старый честный Слуго! остао: Ты ниси ништа онѣ мене ожидавати могао, ибо ни мени самомѣ никакве надежде осталo ни є; и ничимѣ манѣ, опетъ си Ты за мномѣ у неволю пошао; Ты си са мномѣ и гладѣ и жедь трпїо, и са мномѣ си сваку другу срећу пропустїо.

Рад. О како Вы то мало, што самь Вамъ чинїо, увеличати знапе! Та Вы мени никоимъ начиномъ доказати не можете, да самь я шшо велико учинїо... Ево!

Љуб. Шта Пріяне!

Рад. Узмите само! узмите!

Љуб. Шта?...Како?...

Рад. Новце,...шшо самь я изъ града донео.

Љуб. Толико новаца! Како то? Зашто дркће Твоя рука шако?

Рад. Моя рука?...Дркће?...Я мыслимъ... отъ тежке радости!

Љуб. Ты заплећешь єзыкомъ...Шта є то?

Рад. Ето шта є' новцы! новцы! та они су намъ шако нуждныи! и Вы имъ се опеть нимало не радуете.

Љуб. Твое страшльиво поступанће єсть причина тому, што не знамъ требал', да се радуемъ. За име Божїе! Радоване! кажи ми, шко Ти є то дао?

Рад. Я бы Вамъ казао... Но... забранћенно ми є, то Вамъ казати.

Љуб. Не обеспокоявай ме Радовае! Узми кесу шу опеть натраг; я ю дотле пріимити нећу, доклегодь не дознамъ, како си Ты до нъ дошао.

Рад. Но...я ю напрагъ узети неħу. Шта се Бога Вамъ толико мыслите?

Љуб. Говоря! говори Радоване! опкуда ты ови новцы?

Рад. Я... кадъ самъ изъ града ишао... тамо... доле подъ брдомъ нашао самъ ий.

Љуб. Лажи! лажи честный Старино! Самъ Твой говоръ издае те, да то ни є истина.

Рад. Тако то мыслити моramъ, да Вы даље у срдце мое провидити можете.

Љуб. То не могу. Но то ти тако зло за рукомъ иде, када лажешь; а при томъ, та и самъ себи противусловишь.

Рад. тако нисамъ кесу ову нашао, но као што реко...

Љуб. Шта, но као што реко?

Рад. Та єданъ Господинъ у граду предао ми є.

Љуб. О Радоване! Радоване! Єли Господинъ тай пријатељ мой быо?

Рад. То по свой прилици быти мора: онъ є великі човекъ быо; онъ ме є пыпао, єсамъ ли још ше кодъ Васъ у служби?

Љуб. Но далъ! далъ!...

Рад. Я самъ му на то отговорїо. да єсамъ; и онъ ми є онда новце ове предао, Вама да донесемъ.

Љуб. А зарѣ Ты Господина тога познавао ниси.

Рад. Нисамь: не опоминѣмсе, да самь га никада видїо. (у себи) кадѣ бы се само разговорѣ нашѣ єданѣ пушѣ прекинуо.

Љуб И я мыслимѣ, да га никадѣ видїо ниси. О искренный Прїєтелю! зашшо хоћешь, данась првый путѣ да ме преваришь?

Рад. Но шо є истина... Я морамѣ, опростипе ми, морамѣ у вртѣ — башчу — да идемѣ. (оиде).

Љуб. То ми є за дивно чудо, шо мора особита нѣка шайна быши. Како є сирома безпокоянѣ Послѣднѣ нѣгове рѣчи шако ми се неспиинне чине какогодѣ и прве. Та шако му є шежко было. Дай! и я за ньимѣ у вртѣ да идемѣ. Не могу я нипошшо мировати, доклегодь шу ствары не извидимѣ. (Оће, да иде).

Ђад.! иде полагно натрагѣ, и спане сѣ оборенымѣ очима). Госпадару! Опросшите! .... Не могу веће више подносити, шшо самь хшео, Васѣ преварити. Све ћу Вамѣ казати! а шо зашо, шшо самь и я радѣ знати, єли оно, шшо самь учинїо, шако зло, кас шшо ми га савѣсшь моя предсшавля. я...

Љуб. Именсмѣ божїимѣ заклинѣмѣ те! говори!....

Рад. Я самъ новце ове тамо на брду отъ Путника єдноъ.... отео.

Љуб. шта? шта? Отео?

Рад. Я ћу Вамъ све исповѣдити. Кадъсамъ изъ града изишао, и тако къ нашой дивљини крозъ усамљѣнну гору ишао, сѣднемъ горе на высь нѣнъ, да се мало отморимъ - Погледимъ доле на градъ, и увидимъ до небеса допируће дворе, и помыслимъ на Расточителѣ оне, кои мысле, да су срећу овогъ свѣта самыи за се наймили, кои безпомоћна и бѣдна човека пуштаю, да предъ прагомъ нынымъ всуе истаява, и кои богатство свое у рабољѣпнымъ и подлымъ потима растичу. И то ме у бѣшество приведе, мыслећи, како они сюда оно што є найболѣ, опимаю: а како честанъ єданъ човекъ, као што сте Вы, кой є больій отъ десеторице ныи, кой є найболыій и найдсбродѣтельніи мужъ, и кой найболю супругу овогъ свѣта има, како, велимъ, онъ овогъ свѣта безъ помоћи и бѣданъ живити мора! Разлютимсе, станъ наше проматраюћи, и мыслећи, та садъ у ово магновенъ ни єднога залогая хлѣба у колибы нашой не има, а тамо многій гди кой лудовъ, кой ни оне чаше воде, што піе, достоянъ ни є, у єдань данъ више расточаеа, него што єданъ поштенъ човекъ за цѣлу огдину потребуе; многій на карта више новца у

єданъ часъ изгуби, него што гдикой раденъ человекъ за цѣлу годину придобити може; а истый тай немилице виче и псуе када тко окуженъ єданъ фенниг отъ нѣга запроси; како л' гдикой да бы невинность дѣтета єдногъ отъ чести родителя похитити могао, много више трошн него што бы честанъ єданъ мужъ потребовао, многочисленну дѣцу да воспита. Єли то право, помыслимъ у себи, да се срећа коя є за све на свѣту сатворенна, тако дѣли, и да често єданъ єдинный човекъ толико трошн колико бы за тысещу людій довольно было. Тако самъ на высу томъ мыслїо: по томъ прилягъ мой на ледья упрштимъ, и савъ єданъ онако далѣ подьемъ. Мало за тимъ, а ето Ти на спран путницы єдной човека єдногъ на коню, кой є прекрасно обученъ быо, и къ мени ашїо. Како бы было, кадъ бы овай са миномъ, што има, подѣлити морао! О небо! помыслимъ у себи, та не може неправедно бытн. Неблаговоленъ мое учини ме смѣлымъ, а савѣсть моя опузме ми све мужество. Да! да! половину ми мора дапи та мора! тако ми Бога! по мора: а кадъ ми то даде, то ћу онда толико добити, да ћемо нѣко време животарити моћи. Я не ищтемъ оно, што бы излитно было; но опеть ни то ни є право, да мы отъ глади поскапамо. Тако самъ

мыслїо, а Конянникъ тай къ мени приближисе. Пртлятъ мой у траву бацымъ; срдце мое ни є никадъ тако силно куцало. Стани! заплетаюћимъ єзыкомъ повикнемъ, и коня за узду счепамъ, а у другой руцы држа мою велику ножину: дай половину новца, што кодъ себе имашъ, амо; дай таки! дай! и не вичи, или ћу мое ми душе! дружество сазвати, кое ни є далеко отавде: и ако оно додье, то ни главе на рамены отнети нећешъ. Конянникъ сирома морао єїошть страшльивїй опъ мене быти: ибо бы и наче видїо быо, како ме є мртавъ зной спопао быо, и како ми є рука узду држаюћи дрктала. И онъ ми ово, што є у кеси овде. даде: савъ преблѣдїо отидемъ у шуму, и єдва се у ньой као иза сна каквогъ пробудимъ. Када стварь ову са свїю страна прозсудимъ, то налазимъ, да бы са свимъ неправедно было, обѣсити ме.

Љуб. И ты честный Радоване! и ти си се могао на то отважити, отимати?

Рад. Ахъ! када бы се новцы ови у руку мои испопили! Но не! не! помыслите само добро! Та сва обстоятелства извинюю ме.

Љуб. Никаква обстоятелства не могу зло оно извинити, кое є човекъ хотѣћи учинїо.

Рад. Но я нисамъ мыслїо, да є то мое дѣло тако зло.

Љуб. Я ћу допле єднако неспокоянъ быти доклегодь новцы ови правомъ ньиномъ притежашелю у руке не додьу.

Рад. А како ћемо наћи? о проклетыи новцы! а найпосле? Та онъ ми є новце ове тако лако дао да єи безъ ньи быти могао: и како лако може онъ безъ ньи быти. Вама се само тако чини, да є ово много, ибо толико већ година има, како толико новца у єданъ путъ скупа видили нисте.

Љуб. Ни єданъ човекъ не има права, и найманьїй трунъ отъ тудьега имћня преко нћгове волѣ узети. Иди Радоване! иди опетъ на высь онай, съ когъ се друмъ прегледати може; иди! може быти, да ћешь га гди видити.

Рад. Тако я...

Љуб. Шта?

Рад. Тако я самъ новце ове напраѣъ да му дадемъ?

Љуб. Ево! узми їй! ради съ ньима, штогодь оћешь.

Рад. Я идемъ на высь горе, и гледат' ћу нећу ли гди на друму опазити. Но слушайте! чиними се, да конь какавъ иде: тко то може быти? Ако я изданъ будемъ, и ако по мене иду, да ме отвуку, а за тимъ може быти и обѣсе? Ахъ! но зашто опетъ човекъ све оно да мысли,

шта найгоре єсть? Єво нѣкога! Шта? та ово є самъ тай Конянникъ!

Деветый Исходъ.

Владимиръ (лѣпо обученъ) Любисавъ и Радованъ.

Владимиръ Я самъ путъ заншао Побратиме! Слуга мой отяшїо є отъ мене, путъ да тражи, и нѣга самъ изгубїо: и ево ме сада овде! Кажи ми, молимъ те!..(опази Радована!) О Небо! я самъ пропао!

Рад. Тако ми сунца! онъ є, онъ є самъ (уступи мало натрагъ).

Люб. Што сте тако пораженный Господине!

Влад. Молимъ Васъ, пошпедите ме, пошпедите! овай Господаръ (указує прстомъ на Радована) бьо є тако добаръ, и искао є отъ мене само половину новаца, шпо самъ кодъ себе имао; а я їй ни брояо нисамъ, и тако самъ му Више отъ половине дао. И сада ми толико їошпъ остало, да до куће доћи могу.

Люб. Опростите Господине! О Боже! нисмо мы Господине! разбойницы; мы смо само несрећницы єдныи, кои смо се отъ свѣта у ову

пустыню уклонили. Опростите, што Васъ є онай тако престрашїо! све што Вамъ є отето, све ћете опетъ натрагъ добити. Радоване!

Рад. (уплашенъ иде) и Владимиру говори). Господине! сво ме са свимъ посрамлѣнна. Допустите ми, да Вамъ оно натрагъ врашимъ, што самъ Вамъ пре тога изъ єдинногъ незадовольства и изъ отчаяня узео: овай часъ хтѣо самъ за вама да идемъ, и да Вамъ га врашимъ. Ахъ! бѣда и неволя, у коїой се мой Господарь са своима домашньима наоди, и наше найкрайнѣ сиромашство, она су ме принудила, то да учинимъ, кое иначе нипошто учинити могао не бы. Богъ самъ нек' ми опрости! Узмите новце ове натрагъ, они бы ме цѣо мой животъ мучили были. (Докле Радованъ тако говори, а Любисавъ Владимира отъ главе до пете мѣри).

Влад. Опростите ми, што самъ Вамъ не правду у помъ учинїо: я Васъ сажалуемъ. Задржите ово мало новца: я га натрагъ узети нећу. Я бы желїо, кадъ бы Вамъ и са више помоћи могао. Но кадъ човекъ на путъ иде, по много собомъ не носи.

Љуб. Опростите Господине! Мы бы неправедныи были, кадъ бы оно отъ Васъ узели, што є Вамъ къ удобностемъ путованя Вашегъ по-

требно. (за Себе) О Боже! ове черте лица! овай стасъ!

Блад. Заръ ни толико увеселеня нећете да ми учините, да Вамъ найманъ пріятельство укажемъ? Я їошть доста имамъ, съ чимъ ћу путованъ мое продужити. Я ове новце Пріятелю овомъ покланямъ, кой ми се чини, да є Вашъ Слуга.

Рад. Не мойте се ни мало мыслити! Я ћу їй са великомъ благодарносћу Господине! узети. хвала Вамъ по сто путій!

Љуб. Хвала Вамъ по сто путій! О Боже! отпре нисамь я у таквомъ станю быо: отпре самь и я често другима добра указывати могао. Опростите! опросите ми сузе ове!

Влад. Драгій Пріятелю! дозвол'те ми, да Васъ тако назовемъ; Ваше благородно поступанъ каже ми, да Вы простъ човекъ ниете. Вама се морало што жалостно случити?

Љуб. О Гооподине! Нама ни є ништа друго заостало, но само єдинна чиста савѣстъ, и єдинна добродѣтель.

Влад. О како Вамъ я завидимъ! Я самь у свакомъ излишю среће; но я бы сву ту мою срећу съ радосћу на жертву принео, кадъ бы само спокойну савѣстъ имапи могао. Я самь неправду єдну учинїо, коя ме непрестанно мучи:

за свакомъ моїомъ стопомъ сама туга иде: и као што ми се чини, о Боже! никадъ више неправду ону поправити нећу моћи. О Пр̈іяне! Пріяне! плач'те, плач'те са мномъ, я самъ састрадања Вашегъ достоянъ. О Боже! како ћею тужныи, како л'спрашныи дани они быти, кое ће сѣда моя старость їошть живити, ако оне гди не найдемъ, коима самъ неправду ону учиніо! Вы стеїоште младыи: ущедьуйте благородно то сакровище чисте савѣсти за сѣде ваше дане! О Боже! каква є ово неволя! како є тужно, кадъ насъ и гризенъ савѣсти у вечеръ нашега живота мучити стане, и сѣду нашу старость до самогъ гроба гонити почну! Дуго време претрпивао самъ я овако старъ сваку тегобу пуповања, да бы само оныма у прагъ какогодь уѣи могао, кои мене ради може быти, о ужасна помысли! у найкраинѣй нужди живе, или може быти беспомоћный свой животъ веће окончали! Коя земльица покрыва ныинъ праа? Кой поясъ неба спуща росу и кишу на ныинъ гробъ? О кадъ бы то знао! кадъ бы то знао! та отпрчао бы тамо: сѣде мое косе положїо бы на гробъ ныинъ, проче мое дане преплакао бы надъ ныма, и надъ ныма бы давно пожеланну смрть очекивао. О бѣдныи Отче! о како самъ я бѣданъ! Вы плачете любезныи мсй! хвала Вамъ на томъ

састраданю! Я самь га достоянь! Богь самь зна, я самь састраданя пога достоянь!

Љуб. Како се нужда и неволя труде, на свакомь мѣсту надежду тражити! Боже! не! не! Та ни є! Та не може быти! О Господине! како Васъ сажалуемъ! Вы сте несрећанъ єданъ Опацъ, а я...

Десетый Исходъ.

Драгина, Владимиръ, Љубисавъ и Радованъ.

Драгиня. Како то Љубисаве! Ты задржаваш препочитаемогъ Твогъ госпа, кой є може быти, уморанъ, на овакомъ мокромъ времену. Не бы ли Вамъ Господине! по волли было, у колибу нашу ући, и колко сиромашство наше длзволява?...

Влад. Ако ми дозволите, то ће ми садружство ваше наймилїе овогъ свѣта быти.

Рад. Ха! Господине! о Боже! Шта є ово? видимъ ли добро? Боже! Боже! шта є ово кодъ новаца овы?

Љуб. Шта є? шта є?

Рад. (кЪ Владимиру) Єли Ваше ово име, на овомЪ папїрићу записанно? (дае му папїрић єданЪ). Влад. Естьь! то є мое име!

Рад. О Боже! Загр'л'тесе! Загрл'тесе! морамЪ какогодь єдно мало дЂте, да плачемЪ. Загрл'тесе! То є ВашЪ ОтацЪ Господару Любисаве! Ово є ЛюбисавЪ, ВашЪ СинЪ, Драгиня...

Люб. Боже! шта? мой ОтацЪ? О Отче! (са ДрагиньомЪ на колЂна предЪ нЂга клекне).

Влад. Моя дЂца? О Боже! опЪ радости проговорити не могу. О Сыне! о кЂери! Како сте се измЂнули! Боже! колико си сбогЪ неправде мое препирпїо! Но Ты си! Ты си мой СынЪ! ово су черте Твога, Твога лица Любисаве! само ової є дугачка пуга и жалость изможднла. АхЪ Боже! како чудновато, како нечаянно срећанЪ!

Люб. О Отче! о мой Отче.

Драг. И я ВасЪ смЂмЪ ОтцемЪ называти! и као кЂи Ваша руку ову са гузама радости ороснти! О Отче!

Рад. (носи обое дЂце изЪ колибе кЪ ньима) Клекните! клекните дЂцо! клекните! мы смо срећный, у єдакЪ путЪ срећныи постали! Та опЪ саме радости не знамЪ, гди садЪ стоимЪ.

Влад. О успан'те! придржиме Сыне мой! придржи ме Любисаве! Усхищенћ мое надвладьуе силе мое. То су Твоя дЂца? Загрл те ме

сви! Будите благословенныи: о Драгиньо, окћери моя! Любисаве! будите благословенныи! Боже! Ты си тугу мою довршїо. Три године већ има, откако ме пробудьенна моя савћсть сь неисказаннымь мукама гризе: три године већ има, откако самь у великой болести на устю гроба дрктао, и откако ми неправда моя Теби учинћина ожидаванћ смрти са страомь и ужасомь испуњава: како самь я на постельи моїой плакао и рыдао! како самь у отчаяню момь име Твое викао! О Боже! Боже! тако самь викао, дай ми само здравћ, пожпви ме само, не прїими ме у мучећой овой туги кь себи, докле нћга не надьемь, докле у нћговы обятїя неправду мою не оплачемь, и тако сь нимь помиренъ и са чистомь савћсћу на нћговымь прсима умрети не узмогу. Дуго време пражїо самь Те всуе, всуе самь свуда за Те распытывао. Блаженныи часу! Како ћею срећныи старыи мои дани быти! Опростите ми! О опростите ми дћцо моя! неправедну мою строгость; доста ме с веће намучила!

Љуб. О Отче!

Драг. Не тужите! не скорбите! не пребацуйте себи ништ' ни найманъ! Немойте! немойте, молимь Васъ, то чинити! но одите у

колибу, сви мы морамо мало отданути, и опоравиписе!

* * *

Игру ову списао є Г. Саломонъ Геснеръ подъ заглавѣмъ: „Ерастъ“ Я самъ свымъ у ньой дѣйствующимъ лицамъ Србска имена, мѣсто Грчкихъ, надео.

СМѢСЕ.

Сунце и мѣсецъ.

Кћери красоте! чувайсе отъ зависти. Завистъ є Ангеле съ неба сбацыла; она є красный свѣтъ моћи, лѣпый мѣсецъ помрачила.

* * *

Превѣчный Твораць изрекне ово створителмо слово: „два свѣтила на небесы да буду, као Кралѣви землѣ, и отсудителъи текућегъ времена.“

Онъ рече, и то се сбы. Сунце се породи, и бы прво свѣтило. Какогодь што женихъ єданъ у ютру изъ свое собе излази, и какогодь што се юнакъ побѣдоносной своїой стази радуе, тако се сунце у сяйность божественну обученмо указало. Вѣнацъ отъ свїю бол обтицао єнѣ-

гобу главу, земля се веселила; и праве и зеља воняле су на њој, а цвѣће се украшавало. —

Завидећи сполко є друго свѣтли о спрећу њега, и сѣ завишћу є на њега погледало, што га никако надсїяти не може. „На што, говораше мѣсецъ у себи, на што два Владѣтеля на єдномъ пресполу? Зашто я другїй, а не првый да будемъ?“ —

И у єданъ путъ прекрасна његова свѣтлость, отъ внутреннѣгъ єда отгнанна, исчезне, и далеко у воздухъ отлети, и изъ нѣ спадо звѣзда произидье.

Као блѣдъ каковъ мртвацъ остане мѣсецъ, предъ свимъ небеснымъ посрамлѣнъ, плакаюћи: „О! помилуй ме, Отче Сущеспва, смилуйсе на мене!“

И Ангелъ божественъ предъ њега онако тамна изидье, и ове рѣчи пресвете судбине рекне му: „будући да си Ты о нещастниче! свѣтлости сунца завидїо, то ћешь Ты у напредакъ само отъ његове свѣтлости сяйность получавати; и кадъ тамо предъ Тебе она земля ступи, то ћешь или половиномъ, или цѣо помраченъ бити, као што сада помраченъ єси.“

„Но опеть заблудниче! не плачи! Свемилостивый Ти є погрѣшку Твою опростїо, и ню на добро обратїо. Иди, говораше онъ мени, иди,

и утѣшавай тога покаянника; и онъ ће у своїой сяйности Кралѣмъ быши. Сузе мѣговогъ покаяня быши ћею балсамъ єданъ, кой ће све жедно напаяваши и опоравляваши, и кой ће оно новомъ силомъ оживляваши, што є отъ сунчанна зрака ослабило.“

Утѣшенъ окренесе мѣсецъ, и ахъ! у тай маа обтече га она свѣтолостъ, у коїой намъ и садъ сїя; и онъ у тїо оно теченъ ступи, конмъ и садъ ступа, и постане Кралѣмъ ноћи, и водьомъ звѣзда. Вину свою оплакујући, и о свакой сузи саболѣзнујући, тражи, кога да опорави, тражи, кога да утѣши.

* * *

Кћери красоте, чувайсе отъ зависти. Закистъ є Ангеле съ неба сбацыла. Зависть є красно свѣтило ноћи, лѣпый мѣсецъ, помрачила.

ЧАДО МИЛОСЕРДЯ.

Кадъ є свемогућїй Богъ човека сатворити ктео, сазвао є найвеће Ангеле около себе, съ ньима савѣтујући се.

„Не створи га о Господи! говораше Ангелъ иправдолюбя: човекъ ће неправеданъ къ сво-

їой Браћи быти; онъ ће свирѣпо и тврдо съ слабїимъ отъ себе поступати.“

„Не створи га Господи! придода Ангелъ мира; онъ ће землю крвлю човеческомъ поити и гноити; првенацъ отъ нѣговогъ рода убити ће Брата свога.“

„Светыню Твою обезсветит' ће човекъ лажїю, проговори Ангелъ истине, и кадъ бы и собствено Твое подобѣ, и кадъ бы му печатъ вѣрности на лице нѣгово напечатао.“

Іошть су тако медьу собомъ говорили, и на то Милосердѣ, наимладье и наимилїе чадо превѣчнога Отца, къ престолу нѣговомъ додье, и колѣна нѣгова обуваши. „Створи га, о створи га Отче! говораше оно, по образу и по подобю Твомъ; онъ ће любимацъ доброте Твое быти. Кадъ га све Твое слуге оставе, онда ћу га я тражити, нѣму любовно предстателствовати, и саме нѣгове погрѣшке на добро обраћавати. Срдце слабога учинит' ћу я састрадателнымъ, и приклонит' ћу га, да къ слабїимъ отъ себе милостиво буде. Кадъ отъ мира и отъ истине отступи, кадъ онъ правдолюбѣ и правицу увреди; то ћею га слѣдства самогъ нѣговогъ заблудьая на путъ правый наставити, и любезно га поправити.“

И Отацъ людїй човека сатвори: тварь по-

грѣшака и слабости пуну; но и у самымъ нѣговымъ погрѣшкама питомка свое любве, сына милосрдя, и сына любве, коя га никадъ не оставля, поправляюћи га. —

* * *

Опоменисе Твогъ постатка о човече! кадъ бы пврдъ и неправеданъ био. Отъ свїю божественны свойства избрало те є Милосрдѣ на то, да живишь; и када си оживїо, онда су те само милосрдѣ и любовь материньомъ сисомъ задоиле.

ОБРАЗЪ ЧОВЕЧИЙ

Пренебесный Творацъ сидьесе доле, и сви Ангели Князеви стихїа, на нѣгово дѣло гледау.

И Творацъ къ прау проговори; и изъ свїю частиїй землѣ пра тай скуписе; Ангелъ землѣ проговори: „Смртна тварь быти ће то образъ, ако ће и гди му драго на земльи живити: Ибо є оно земля, и морат' ће у землю поћи.“

Творацъ къ небесномъ облаку рѣчь єдну рекне, и облакъ пра тай омокри И на то се земля та у єдно свала. и начинесе сводови сѣ внутренньи сасуды и преградама. И Ангелъ воде проговори: „О художествена твари! Ты ћешь пре-

пытаня потребовати; гладъ и жедь быти ћеће желаня Твог живота.“

И изнутра се жиле и одницы — гангови — изобразе, а споля се разнообразныи уди и членови сатворе: и Ангелъ живый рекне; „Художествено прекрасна ствари! разнымъ закпсьанямъ быти ћешь Ты подложна, любовь къ твомъ роду вући ће те, и терат' ће те.“

На то самъ Твораць съ своимъ кћерма, са Любовю и съ Мудросћу къ нѣму приступи. Отеческомъ милосћу подигне га, полюби га, и у полюбцу томъ безсмртанъ свой духъ зада-не му. Тако човекъ оживљенъ пріятельно около себе погледа: и Твораць му проговори, сва растећня по дубрава, и сва животна по полю Теби самъ подложїо; Твое Отечество, цѣла земля, принадлежи Теби, и Ты владай ньомъ. Но Ты самъ, ты си мой, Твой духъ есть мой: и я ћу га опеть, кадъ Ти време истече, отузети.“ —.

Кћери божїе мудрость и любовь остану при човеку, при новомъ богу земљѣ. Оне су га наставляле, оне су га праве и животна познавати училе; оне су се съ ньимъ као сиграчице ньегове разговарале, и увеселенѣ свое у нѣму налазиле.“

И тако сада човекъ овде време свое живи. За пиљъ опеть пада, и пѣло стїхїама, изъ коїи

єпостао, предае; а духъ нѣговъ враћасе опеть кѣ Богу, кой му га є у опеческомъ полюбцу задао.

ЧОКОТЪ.

Сатворена дрва почну се у дань створеня хвалити, и свако себе узвышавати. „Мене є Господь Богъ посадїо, говораше высокїй кедръ; пврдыню и благовонѣ, траянѣ и крѣпость, све то састављо є онъ у мени.“ Милость господня благословила є мене, говораше, палмово дрво; ползу и лѣпоту бракосачетала є у мени.“ „Какогодь женихъ какавъ медьу младићи, тако се я медьу дрвы райски поносимъ“ отговори јабука. И мїрта говорити почне: „Какогодь што ружица медьу трнѣмъ стои, тако и я медьу мои родьацы, медьу низскимъ шушнѣмъ стоимъ.“ Тако су — сва дрва себе похвальивала, да и маслина и смоква, и сама ела и јабланъ хваляусе и преузвышавау. —

Єдинный чокотъ ћуташе, и очима на землю гледаше. „Мени є све то, говораше у себи, опречено, нити имамъ стабла, нити грана, нити плода; но опеть зато надам' ћу се и болѣмъ, и чекам' ћу.“ У изумленю свое туге падне, и шиблѣ нѣгово заплачесе.

Но ни є дуго чекао, и плакао; Богъ землѣ, пріятельный сирѣчь човекъ кь нѣму додье, слаботиню нѣгову увиди, и опази, како се вѣтрићи сь ньимь играю, како ли є самъ подь собомь пао быо, и помоћи искао. Састрадателно подигне га, и нѣжно дрвце кь листу нѣговомь привїе. Отпадь почну вѣтрићи сь лозомь нѣговомь радостнїе сиграписе; жаркость сунца продье крозь нѣгове тврде и зеленне гране, и у ньима сладкїй онай сокъ преправи, кой и богови и люди пїю. Богатымь гроздьемь украшень чокотъ приклонисе кь свому Господару, кь човеку, и овай опоравителный нѣговь сокъ окуси, и пріятелѣмь своимь назове га. И горда дрва виткой шиблыки завидити стану: ибо су многа отъ ньи већ безъ плода остала; а чокотъ се виткомь своимь спасу, и надежди своїой радовао и веселїо.

И зато сокъ нѣговь и данъ данашньїй срдце човека увеселява, клонувшїй нѣговь духъ узвышава, и тужна разведрава, и опоравлява.

ГЛАСЪ СУЗА.

Три дана быо є Исаакъ у срдцу Отца своѣг Авраама као мртавъ; ибо га є Богъ избрао быо,

да му га Авраамъ четвртый данъ на жертву принесе. Съ молчанѣмъ подье Авраамъ къ Морїи, у найвећу тугу погруженъ, а прїятельскїй гласъ дѣтета пробуди га: „Ево отче! огня и дрва, а гди є агнъ на закланѣ?“

„Сыне! отговори му Отацъ, Богъ самъ избрао є себи єдно агнѣ на жертву? И тако обое ћутаюћи далѣ подьу.

А кадъ къ жертвицу додьу, и све, што є нуждно было, препраше; онда Авраамъ сына свога счепа, на жертвенникъ га постави, ножъ у десницу узме, и къ небу горе погледи. Исаакъ ћутаюћи ожидаваше, шта ће быти, и сузе ронећи такодье къ небу погледи.

Нѣма суза изъ ока отчїйногъ и сыновлѣгъ кроз облаке продье, и срдца божїегъ коснесе.„ Авраме! Авраме! повикне Ангелъ господень съ неба, поштеди чадо Твое, и не колы га, то є већ доста!“

Съ радосћу Отацъ поклонѣнна сына, жертву божїю, натрагъ узме, и оно страшно весело жертвиште назове: „Господъ гледа!“ Онъ види сирѣчь нѣму сузу у очима страдалца; онъ гледа тугу на срдцу, коя више отъ найвеће вике и яука вапїе.

* * *

Тако є молитва човечїя къ Богу трегуба, но єдна є силнїя отъ друге.

Молитва спрѣчь ћутающи посланна допада му се; онъ ю дубоко у срдцу чує, и прїйма ю милостиво опъ устана човечїи.

Молитва у нужди са великомъ викомъ слана продире облаке, и усїянно углѣдлъ на главу углѣтателя свлачи.

Но найсилнїя є опъ свїю суза опъ браће оставлѣнногъ човека, кой се Бога држи, и у нѣму умире. Суза та двери и ключаонице обїя, къ срдцу Бога иде, и погледъ иѣговъ на себе вуче.

АФРІКАНСІЙ СУДЪ.

Великїй онай Македонскїй Александеръ додье єданъ путъ у далню єдну златомъ пребогату область — провинцїю — у Африки. Жительи области те изидьу предъ нѣга, и изнесу му у люскама премного лѣука и другога воћа, све опъ сувога злата. „Єдепе ли Вы то воће, упыта їй Александръ, я нисамъ дошао, богатства Ваша да видимъ, но нраве и обычае Ваше да познамъ? Житељи га за тимъ на тржище (пїяцу) отведу, гди є Краль нынъ судъ држао.

У истый часъ изидье предъ Краля Градьанинъ єданъ, и овако му говорити почне. „Я сам

Кралю! отъ овога човека вређу једну сѣчке купїо, и унутри велико єдно сакровище нашао. Сѣчка є моя, но злато не принадлежи мени; а овай, отъ кога самъ вређу купїо, нећше злата натратъ да узме. Наговори га, молимъ те Кралю! да злато натрагъ узме, та оно є нѣгово.“

Противникъ нѣговъ 'пакъ продавацъ вређе са сѣчкомъ и онъ градьанинъ истогъ мѣста изидье предъ Краля, и овако говорити почне: „Онъ се бои оно задржати, што неправо єстъ, а како я да се не боимъ, то отъ нѣга узети? Я самъ му вређу продао, и све, што є у ньой было: нека то све и задржи. Наговори га, молимъ Те Кралю! да друге не чини.„

На то Краль првога Градьанина запыта, има ли сына. И онъ му отговори: „Имамъ!“ А имашь ли Ты кћерь“ упыта другога: „Имамъ“ вели. Но добро! Вы сте оба поштенныи: бракосачетайте Вашу дѣцу єдно съ другимъ, и подайте имъ надьенно сакровище за вѣно — миразъ — Тако я судимъ.“

Александеръ се зачуди, судъ тай чувшїй. „Заръ самъ зло судїо, те се тако чудишь?“ упыта га Краль судїя. „Боже сачувай! отговори Александеръ, но кодъ насъ не бы тако судили были; кодъ Насъ бы оба препирача главе изгубили, а сакровище бы у руке Кралѣве дошло.“

Краль то саслушавшїй новикне: „А може ли кодЪ ВасЪ суница быти, и иде ли кодЪ ВасЪ кишта кадгодЬ, када тако судите.“ „Иде! дакако? отговори му АлександерЪ. „О тако мора то, довршн Краль бесѢду, само сбогЬ невине оне живине быти, коя у Вашой земльи живи: ибо такве судїе као што Ты велишь, да у Вашой земльи има, не бы требало суница да виде, нити небо икадЬ кишу да имЬ шилѢ.“

ТРИ ПРІЯТЕЛЯ.

НикадЬ пріятелю у ономy не вѢруй, у чему га искушавао ниси: при трапези и части има їй много више, него на двермa тамнице.

* * *

ЧовекЬ єданЬ имао є три Пріятеля: двојцу отЬ ныи любїо є искренно; за трећега ни є толико ни маріо, ако и єсть овай найпоштенніе о нѢму мыслїо. Случисе, да га єданЬ путЬ окриве, и на судЬ позову, ако и єсть неповинанЬ быо. „Кой ће отЬ ВасЬ, говораше онЬ пріятелѢмЬ своимЬ, са миомЬ на судЬ иѣи, и моимЬ СвидѢтелѢмЬ быти? Я самЬ яко обтуженЬ, и Краль се на ме особито разлютїо.“

Првый пріятель почне се таки извињавати,

да съ њимъ на судъ нѣи не може, и друга посла имаюћи. Другїй пакъ оппрати га до дверїй судилища, а онда, гнѣва судїйногъ боећисе, окренесе и бѣж' натрагъ. Но трећїй, на кога се ни осланяо ни є, съ њимъ заедно предъ судїю изндье, за нѣга говорити почне, и о невинности нѣговой тако радостно свидѣтелствовати стане, да є Судїя обтуженника оппустїо, и за неправду нѣму нанешенну наградїо.

* * *

Три прїятеля има човекъ на овому свѣту. Но како се сва тройца на самртномъ часу показую, када Богъ човека на судъ позыва? Найпре и найпре оставля га найбольїй нѣговъ прїятель, Новацъ —. Сродницы нѣговыи и Прїятельи прате га само до дверїй гроба, а после се дома враћаю. А трећїй, кога є у своммъ животу често и найвише пренебрегавао, єсу нѣгова човечеству указанна благодѣяня. Ова сама прате га предъ самый престолъ Судїе; она предъ њимъ напредъ иду, говоре за нѣга, и на. азе му милосрдъ и милость.

ОБЛАДАТЕЉ СВЪТА.

Александеръ Великїй на рѣку єдну рая у даљьой Индїи дођье: напїесе изъ нѣ, и вода га весма опорави: опересе ньомъ, и учини му се, као да се савъ помладїо: за струїомъ далѣ крозь даљнѣ пустынѣođье, и на двери рая приспѣ. "Оттвор'те ми двери, повикне, я самь Обладатель свѣта, Я самь краљь цѣле земљѣ." Но отговорь овай добїе: „Ты си крелю окаљянъ, удаљисе отавде! ово су оне пресвете двери, гди само праведныи улазе."

А оно дайте ми поне што спомена ради, да самь овде быо." И они му мртвачку єдну главу дадо."

Съ неблаговоленѣмъ узме главу ту Александеръ; глава иста почне у руку нѣговы све тежа и тежа бывати тако, да ю више ни држати не могаше, и да ю найпосле ни све злато нѣговы обладаня, ни сва сакровища Персїе и Индїа претегнути не могоше. Забринутъ мудраца єдноъ къ себи позове, и запыта га: „шта то значи." „Глава човечїя, отговори му мудрацъ то си Ты. Докле годь Ти очи оттворенне буду никада се нећешь ни злата ни сребра наситити но погледай! ево мало праа на главу ову сипамъ

и са прегршію єдномѣ землѣ ево ю са свимѣ покрывамѣ; твоя глава быти ће тако лака, као и друга коянибудь мрпвачка.“ Мудрацѣ то учини, и тако є и было.

И наскоро се реченѣ то испуни. Александерѣ се сѣ войскомѣ своїомѣ повратн, и умре у Вавилону. Царство нѣгово распаднесе све на сама парчета, и глава нѣгова, глава Обладаѓеля и Краля земальскогѣ падие исто тако, какогодь и глава другогѣ когѣ мрпваца.

АЛЛЕГОРІЕ.

Л С А С Н П М О

К. Живкистъ рѣз.

Я самъ Каллигенїа, Мати лѣпоте!
Чадо мое єсть єстество!

КАЛЛИГЕНІА.

МАТИ ЛѢПОТЕ.

(Сновидѣнѣ).

Умилно отъ путешествія єдногъ у внутреньости Афріке, уморенъ заспимъ, и у самомъ сну надьемсе на путу, Каллигенїю, земљи лѣпоте и красоте, тражећи. Више людій сусретну ме на путу; и многїи отъ ньи запытаю ме: „Куда тако? у Каллигенїю? Всуе се на путъ справляшь! нигди на свѣту такве землѣ не има. И мы сви, колико насъ овде видишь, тражили смо првобытный источникъ лѣпоте и красоте: но нити смо источника тога, нити у нѣмъ купаюћесе богинѣ нашли. Зато врати се о Младићу! натрагъ.“ Но я рѣчій ньи не послушамъ, и подьемъ далѣ.

У томъ путу наидьемъ на претрдну єдну

пустыню, у коїой се єдва ићи могаше; све самь по сувомь и дубокомь песку ићи морао, и по ме яко умори, и я ослабимь. Но їошть више се зачудимь, кадь упазимь, шта се у пустыньи той ради. Дѣчица су на дну сѣдила, чертала, и по песку шарала; друга пакь дувала су крозь цѣви сапуние меуриће у воздухь: а трећа су пиљке песка измедьу себе дѣлила. „Шта то радите? запытамь їй. „Мы дѣлимо, отговоре ми дѣчица, лѣпо и красно отъ пріятнога, и добро отъ лѣпогъ и красногъ, да бы ово чисто чистачко получити могли: мы правимо лѣпо.“— То чуюћи поитимь далѣ ићи.

Далѣ идући додьемь у землю гнусности (Abſcheu). Образе те земль изразити, не има ни у єдномь єзыку рѣчїй за то. Бѣдныи у той земльи бывшїи люди уздысали су говорећи: „та мы смо землю лѣпоте у земльи похоти плотске (Wolluſt) тражили, а їошть єднако овде лежимо.“ Чисто ме мрави продьу, и я далѣ отидемь.

Но у єданъ путь се у прекрасной дубрави надьемь! Пріятно є воздухь ћнь около мене дувао; увеселително є цвѣће, кога я їошть ни видїо писамь, свудь унаоколо по ньой цвѣтало, и по граничцамь дрва мамили су ме преизредныи и благовонныи плодови. Жеданъ будући ктео

самь гдикой плодъ узабрати; но граце ми се изъ руку измицау: цвѣће разно окрепалосе све отъ мене, и запворалосе. У тай маа умиланъ овай гласъ почуемъ: „Не повредьуй о Младићу! врта — башче — невинности! не повредьуй га, велимъ, ни єданъ, кой посвећенъ ни є, не смѣ га се коснути, докле се у бистромъ єзеру не окупа.“ На тай гласъ погледимъ около себе, и увидимъ найбистрїе, шушићмъ прикрывенно єзеро: Іошће око мое тако бистрогъ єзера видило ни є. На средићговой століше образъ єданъ отъ бѣлога мармора, представляюћи богиню здравя на школьки єдной, около кое су се волне—таласи—пріятельски сиграле. Я таки прашно мое одѣло скинемъ, и у єзеро удьемъ; но тїе и умилне нѣгове волне како су крозь упробу мою крозь и крозь прошле! какол' су ме опрале! На огледало воде, и на плавећно небо, кое є у ньой плївало, погледавшій сву мою внупренньость провидимъ; живопіъ мой укаже ми се са свимъ своимъ лудостма и погрѣшкама на єданъ путъ у моїой души: и савъ савцыпъ стояо є предамномъ, ни помаћисе! Я се у воду загнюримъ, и мицаписе почнемъ: съ тїомъ болѣтицомъ свака волна извлачаше као нѣку стрѣлу изъ прсїю моїи и я све то ведрїе и ведрїе гледати станемъ, и магновенъ єдно здравя осетимъ, кое ми се тако

блаженно учинило, да му се ништ' на свѣту уподобити не може. Загрлимъ образъ онай богинъ здравя, и прошастый онай умилный гласъ ово къ мени рекне; „Иностранче! ты си веће опранъ. Само здравъ човекъ познае и ужива лѣпоту. А болестникъ за ню не зна. Устай, опорависе плодовы ове дубраве, и иди далѣ.“ И я изъ єзера изидьемъ; прашногъ могъ одѣла не надьемъ, но мѣсто нѣга бѣлу єдну одежду упазимъ. Облачећисе у ту одежду, и плодовы дубраве опоравляюћисе, дували су воздуси около мене; и невидимыи дуси — геніи — пѣвали су ово:

„О пресветый Ты Воздуше! и Сын' неба Изворе!
„Младића намъ Вы купайте, крѣпите му здравіе!
„Нек' ужива свакій данакъ пре ютреннѣ їошть зоре
„Нове силе, што радостанъ посао нѣму лїе!

Чисто као помладьенъ и на ново родьенъ устанемъ, и препоручимсе невидимымъ духовомъ, благодарећи имъ на тому. Но у єданъ путь ми се Парнасъ као живъ покаже. Стїхотворцы свїю времена, сви у гомиле постављѣныи

изидьу ми предъ очи. Шта самь чувствовао, кадъ самь Васъ о превысоке душе прешедноссти увидїо, Васъ, коїи мысли и гласови у неисчислимымъ душама безсмрпино живе. Колико мыслїй и колико гласова пробудило се само у мени сада! — Првый отъ ньи подье къ мени Досїоей Обрадовичь. И я га познамъ, нитко ми имена нѣгова рекао ни є. Погледавшїй на нѣга учини ми се чистo, да ми ови гласи у ушима зазвечаше.

„Съ топлымъ сердцемъ я призывлѣмъ
изъ Фригїе мусу.“

„Да спрїобщи свою сладость и Сербскоме
вкусу.“

Прїятельски ме онъ за прїятелъ свое Стойковича, Соларича и Мушицкогъ запыта: „шта раде? и како су?“ И за шимъ мекъ мирнымъ гомиламъ свїю избранны отведе. Стихо-басно-и пѣснотворцы продужавали су свепоучително: веселе игре у Єлисїю у любчїи гласовы, него што є гдикомъ отъ ньи струна овде на земльи гласе извїяла. Петрарка и Пиндаръ, Сафо и Анакреонъ, Хорацъ и Уцъ, Теокритъ, Геснеръ и Србскїй Терланчь, сви су они у Елисейскимъ поляма по сралили, што су и овде чинили, сви су они сагласность твари ове опѣвали. На повышшемъ

холму сѣдили су пѣвцы древности Омиръ и Осїанъ, Данте и Аріостъ, Тассо и Милтонъ. „Гласъ Вашега Стойковича, допрео є до насъ рекне ми Милтонъ, и прекрасныи нѣговыи стїхови у Кандору, продуже Аріостъ и Черванте.“

На то изидье прѣдаме Ранчь, загрли ме пріятельски, и ово ми рекне: „Успѣваю ли Сербьи у просвѣщеню? пащели се ныныи Ученныи, народъ учипи? Єли се спаза народнѣгъ просвѣщеня што раскрчила? Имаю ли Сербьи колико число добры, но добры Списателя? Што ради Стратимировичь? Цвѣта л' їоште Гумнасїа? успѣва л' Богословїя? Оди! Оди са мномъ у Училище Атинско.“

И я за ньимъ у училище Атинско подьемъ, Сократъ и Платон, Питагора и Аристотель, Епикуръ и Зено, и отъ новїи Локе и Лайбницъ и многїи другїи сѣдили су заєдно, о приключенїяма, о трудовы и подвизы свое жизни разговараюћнисе.

Приближимосе за тимъ и къ дѣлныи художника. Пріятельски и дружески живила су спара Художества съ новымъ; распре и свадье быле су исчезле: сви больїи отъ болѣга живили су заєдно, свакїи на таинству свога Художества радећи; свуда є и сагласїе и поредакъ у

дражести и пріятности видіо. Душа моя чула є у свему само єданъ звукъ, пѣснословїє (Хїминъ) сирѣчь твари ове.

Одапле съ Досїтеемъ, Раичемъ, и Терлаичемъ у превеликій єданъ брдъ додьемъ, и Линнеа надьемъ, гди сва растѣня, свако дрво, и сваку травчицу по имепце назначаваше, а Быфонъ ій описываше. Съ ньима су найизредніи мужеви изъ Европе ту были. Свуда самь законе єстества, и превысокій поредакъ видьао. „Ахъ! повикнемъ на то, да славне лѣпоте! черта првобытногъ образа; но гди єсамъ тай првобытанъ образъ? Я самь зато амо дошао, да Каллигенїю тражимъ; я серадуемъ, што потоке нѣне видимъ, но гди є самъ источникъ?

У єданъ путъ ме санъ мой на высь єдне горе премѣсти; надамномъ, и свудъ около мене быле су саме звѣзде. Ту све звѣздочтеце, Коперника и Кеплера, Галилеа и Ньивтна (Невтона), Майера и Ламберта упазимъ. Они ми имена Браће ньине и садъ живећи: Хершла, Шредера, Цаха и Олберса спомену. Я самь толико звѣздавидећи у таквомъ усхищеню био, да га ни у Парнассу, ни у самомъ училищу мудраца почувствовао нисамь. Свудъ унаоколо све самыи свѣтови около мене шечау: и чинило

ми се, као да овде божественне мысли, и правила и законе твари осећамъ, твари, коюми єКеплеръ у све самомъ сагласїю изясньивао.

Као воздухомъ каквымъ отдуванъ, и као тїомъ нѣкомъ струїомъ ношенъ надьемсе у тамной светой ноћи — гди самъ био? У пещери єстества? или у средини твари? Ништа самъ у себи рећи не могао, но само: „добро намъ є овде быти!“ И самъ највеће єдинство, сагласїе и непрестанно дѣйствованѣ єстества, и непрестанно новъ животъ осећао. Видїо самъ, да се ништа уништити не може, и да све єдно за другимъ иѣи мора, и вѣчно иде. Мѣра, число, важесть, и мицанѣ исчезну ми испредъ очїю; и єдно се у друго растворило бияше. У внутренњемъ утопленю повикнемъ: „Дай ми о невидима Сило! да само єданъ сїмволъ тїогъ овогъ тащеня, и безконечногъ бывания видимъ!“

И у єданъ путъ се свѣтъ предамногъ показе, и луча найчистїегъ свѣта засвѣтли. Луча та раздѣлисе, и мени се учини, као да у њои све образе стварїй у цѣлой слоги њины отношеня, и начина, точке, врсте, округе, стубове и осѣчке, свако нїянѣ и летенѣ єстества, ланце цвѣтова отъ сваке бое, свакогъ найкраћимъ

путемъ къ концу своме испити; и за тиме къ
најумилнїеме пламену уздизаписе, къ єд-
ној точки сагласнога живота тежећи. О
благо Теби пресвета свѣтлоспи! повикнемъ я
у изумленю, ты си она спварь, изъ кое су се
сущеспва у крилу преладне полноћи пробудила;
она су се помакла, и живила су.

И на то се небеса сиња дигну горе.
Подигнусе и волне, спадну по томъ доле.
У волнама с' огледа неба чисто лице.
Оптворесе и двери красноличне зоре:
Иза ньи намъ изидье благодапно сунце,
И осѣну дубоке бездне и просторе.

* * *

А изъ волна постаде безпредѣлна земля.
Сунашце ю ограну, процвѣташе зеля.
О Вы дуси свѣтлости! што златнимъ лу-
чама,
А на крили боянны ярко тканны єсте,
Што у срдце и око печатате черпама
Животворца нѣжнима, Вы Избранны рец'-
те:

* * *

Рец'те, велимъ, Избранны! затрубите
смртнима:
Видисте ли превѣчногъ?
„Тко ће видит' невидима?“

Отговори луча свѣтлости ѣутаюћи. Но велику пѣсну почуемъ: пѣсну, коїомъ су се као што ми се чинило, сунца уредила, и коїомъ су сви свѣтови хоромъ єднымъ постали:

„Посред' среде вселенне присутствуе Онъ свуда.

„По краевы нѣзины Нѣговъ отзывъ звечи.

„Иди къ небу и кь земльи, наћи ћешь Га и туда.

„У безднамъ ћешь нѣгове чути творне рѣчи.

На колѣна самъ клекнути, и нѣга обожавати ктео, но у єданъ путъ се образъ єданъ предамномъ укаже; найпре закрывенъ — а за тимъ— о како ћу величество нѣгово, какол' лѣпоту нѣгову изразити? Мати єдна укажесе предамномъ, на руку свои дѣте єдно носећи, кое се къ прсима нѣнымъ привлачило. Вѣнацъ єданъ отъ самы звѣзда био їой є на глави: ружице су на ланитамъ нѣнымъ цвѣтале, а єдна ружица на материньой нѣной груди. Одѣло нѣно было є отъ самога крина — лиліа — цвѣћемъ опасанно, а за ньомъ надалеко вилосе по ѕоздуху плаветно и златомъ извезенно пространно одѣло. „Я самъ,

почне она мени материньопрїятельски говорити, Каллигенїа, мати лѣпоте: дѣте мое єсти Єстество. Изъ лѣпоте проистиче любовь; а любовь производи и уживалѣпоту. Она се у свему свѣтли и сїя, штогодь красно єсть; а найчистїе у Теби, ако мудро, добро и силно дѣлао будешь. Не истражуй источника; тежи дѣлы Твои къ найвышшемъ лѣпомъ; и изъ самы непрїятны гласова стварай себи вышша благоглася. Теби ће име Калаїасъ бити; оты си ме видїо; нек' ти образъ мой у глави остане!"

За тимъ рѣчма коснесе мене, и я се пробудимъ. Сновидѣнѣ мое исчезне, но нѣнъ образъ— нѣга у мыслима, у дѣльма, и у образы тражимъ; наймања нѣгова сяйность приводи ме у усхищенѣ, опоминюћи ме нѣ — Каллигенїе, машерићъ любве, источника свелѣпоте.

(Г. Хердеромъ).

ПРЕВИДЂЊЕ САЛІЙНО.

(Єдна у пещери нѣговой надьенна Аллегорїа.)

На гори Ливанону дубока єдна пещера у стѣни има. У ньой є Сала пуспынньикъ много година живїо. У петдесетседмой години свога пуспынньическогъ живота написао є онъ єдно поученѣ роду човеческомъ, не хотѣћи и послѣднѣ часе свое старости у самости своїой безполезно пропустити. Поученѣ то написао є онъ овымъ рѣчма:

„Сыне праа, кой изъ пытолюбства амо долазишь, стани, кой си, да си, стани, чипай, и буди мударъ!“

„И я самъ Сынко! нѣкадъ то быо, што Ты садъ єси, путникъ сирѣчь єданъ по овой земльи, и обожатель небеснога свода. Я самъ се изъ свїю сила упирао, и богатства сабирао, любїо и лю-

блѣнъ быо; у чинове велике производьенъ ласка-
ли су ми сви околиши мои; я самь быо честo-
жедльивъ, и дошао самь до чести и господства;
я самь пао у несрећу, и пребѣгао самь у самость.
И у ньой самь найпосле нашао, што самь тако
дуго безъ свакога успѣха тражїо: Задовольство-
ванѣ сирѣчь правы потреба безъ сваке бриге, и
безъ усиловеня, и непотребованѣ човеческе по-
моћи и предстателства, кое се подношенѣмъ
неисчислимы лудостїй купити мора. У самоћи
овой нашао самь я доста воћа, зеля и воде, и
наумимъ, у ньой пришествѣ смртоносца очеки-
вати. Надамсе, да ће магновенъ умираня мога
тїо и мирно быти.“

„Већ самь 48 година у моїой самоћи прежи-
вїо, никакве бриге не познаваюћи, коя смрпне
люде опежава; и никадъ далѣ ишао нисамь, него
што су ми мале мое потребе налагале. Єданъ
путъ предъ пещеру мою изидьемъ, на стѣну,
коя надъ ньомъ стояше, погледимъ, и прохтѣ
ми се, на ню да се пужамъ. Тек' што се на и-
сту стѣну успенѣмъ, а я већ зажелимъ, и на дру-
гу, и на трећу доћи, и найпосле и самъ врхъ
горе видипи, горе, подъ коїомъ самь тако дуго
мирно и спокойно живїо.“

„Съ почетка самь се трудїо, пожеланю томъ
преодолѣти, и утолити га; не зато, што є оно

погрѣшно было, но зато, што ми се са свимъ ново чинило, и што разумъ искусствомъ просвѣщенъ свакой промѣни не вѣруе, о коїой не зна, да є она заиста добра по нѣга. Я самъ се забринуо био, да ме срдце мое не вара, да пожеланѣ мое земну каквунибудь страсть за основъ не има, и подъ моимъ пытолюбѣмъ природу у препространномъ завитку видећи да се потайна навала у мени породити неће, да се опеть у свѣтъ повратимъ. Вратимъ се у мою пещеру, и почнемъ трудитисе, мысли мое сабрати. Но всуе! како кой дань, а я све више и више непрезвенній постая; и самъ себе укораватн почнемъ, зашто да се я весела оногъ оканемъ, кое самъ лако уживати могао. И са тимъ почнемъ сумнятисе; да оно, што я предосторожносћу именуемъ, лѣность и умиње ни є, кое ме є задржавало, да се на врхъ горе не попнемъ: єдномъ рѣчю, постанемъ са свимъ неспокоянъ, и наумимъ, пытолюбю момъ удовлетворити.“

„Іошть пре зоре устанемъ, и подьемъ: но старъ овако, а їошть къ тому и раану мою у торбицы носећи, нисамъ далеко дошао, а зора већ заплави; путъ, коимъ самъ ишао, почне свс по стрменній и стрменній бывати; песакъ почне исподъ ногу моїи измицатисе, и уморанъ и ослабившій додьемъ на малу єдну равницу, коя

є свудѣ унаоколо стѣномѣ окруженна была, и сѣ кое самь само кѣ истоку гледати могао. Сѣднемѣ на землю, да мало оппочинемѣ, и наумимѣ пупованѣ мое продужити, како се само мало оправимѣ. Но то ни є тако лако было; оппочиванѣ ми се тако омилило было, да ни успати не кпѣдо. Сѣнка отѣ кедра єдногѣ, кой є гране свое надѣ главомѣ моїомѣ разширїо быо, и пролѣтный воздухѣ, кой ми є проладьенѣ и тысящу благовонїя отѣ цвѣѣа и отѣ зела доносїо, весма су ме позывали, пу да останемѣ.“

„Докъ самь тако медьу тимѣ самѣ себе о томѣ извинявао, што не устаемѣ и далѣ не идемѣ, и докъ самь причине тражїо, зашто бы требало, далѣ да идемѣ, допле ме такавѣ уморѣ суспигне, кому никоимѣ начиномѣ преодолѣти не могo. Тако главу мою на брежулякѣ єданѣ наслонимѣ, и почнемѣ мало дремати. У єданѣ пупѣ ми се учини, као да орла каквогѣ чуемѣ, гди лепи, дигнемѣ очи, и упазимѣ преземно єдно сущетво предамномѣ. Іошть не знадо, како ћу небесномѣ томѣ образу да проговоримѣ, а онѣ ме за руку уваши, и запыта ме: „Кудѣ си намѣрїо Сала ићи?“

„Радѣ самь на врхѣ горе ове попетисе, отговоримѣ му я, да бы сѣ нѣга пространно и разнообразно єстество свободно прегледати могао.“

МАТИЦЕ СРП
У
НОВОМ САДУ

Но погледай найпре, отговори ми на то Ангелъ, како съ овогъ мѣста све прегледати можешь, и што неузразумѣшь, то ћу Те я свему научити. Я принадлежимъ къ благодѣтелнымъ онымъ существамъ, коя о чадамъ праа бду, коя їй отъ оны зала чуваю, коя добаръ конацъ не имаю, и коя она собственномъ своїомъ погрѣшкомъ на себе не навлаче. Безъ свакогъ страа погледай, посмотри све, што видишь, и научисе!“

Рѣчи те орабре ме; и я очи мое подигнемъ. Предамномъ упазимъ гору єдну, много већшу отъ ливанона, врхъ нѣнъ око смртногъ човека видити не може, и подножѣ нѣно губилосе у тамной и непровидимой бездни. Зачудимсе, толику высину видећи, коя се измѣрити неможе, и толику дубљину упазившїй, кое дно никако изслѣдити не мого. Но Покровитель мой тїимъ и опоминателнымъ гласомъ къ мени рекне: „Не бойсе Сала! то є гора живота предъ Тобомъ; промотри ю, и буди мударъ!“

„На то я гору живота съ већїимъ вниманѣмъ смапрати станемъ, и упазимъ, да є долня часть нѣ мало по мало спузнупїя бывала, и цвѣћемъ посѣянна была; гдигди су врхови спѣна видилисе, надъ ньима су дрвесне гране воћемъ обременѣнне висиле: а подъ овыма су дворчићи и

сѣнице сѣмо тамо расперканне лежале. Горња часпь, докле самь ю очима моима видити могао, была є безплодна; ничимь манѣ наодилосе на ньой измедьу самы развалина и пропастїй по гдикой струкь смиля; испинна, да угледь нѣговь нимало примамльивь быо ни є, но опеть ми се чинило, да усиловенѣ и трудь оны по нѣчемь наградьуе, кои су му се приближивали.“

„За тимь почнемь сваку часть горе испе истраживати, надалеко на долньой нѣной части множество дѣце обоега пола упазимь. Изь дальина писамь точно видити могао, шта дѣчица та чиняу; но кадь ми свакїй часакь ближе и ближе долазау, а я упазимь, да су она цвѣће брале, и весма весела была. Ньи є кротка єдна женица у бѣло обученна надгледала. Она є дѣчицу ону безь бриге пустила, да се около нѣ играю, нит' є веселю ньиномь на путь стояла, нити извѣстно само мѣсто, гди да се играю, опредѣливала, знаюћи, да ни єдно оть ньи вреда себи нанети, или заблудити неће, ибо є савь предѣлъ безбѣданъ и раванъ быо. А ако се кад када и случило, да є гдикое отъ ньи трнь мѣсто цвѣтка узабрало, то се женица та осмѣивала само, како се дѣтенце оно преварило. Надгледательница та была є Невинность.“

„Срећныи су, повикемь я, Невинность ви-

дивнїй, сви они, кои подъ тако благимъ и опетъ безбѣднымъ Владѣнѣмъ стое! Медьу тимъ ни є та њина срећа дуго траяла. И я упазимъ, да їй є невинность за мало време пратила. И кое є она оставила, и они нису пре примѣтили, да невинности кодъ њи не има, докле не видише, да су другу надзирателницу добили, єдну строгу и повелителну Богиню, сирѣчь Воспитанѣ. Ово имъ є нѣке опредѣлѣнне путове прописывало, кои су имъ често непрїятныи были. Истина, да їй є жедь морила, путове те да оставе, ничимъ манѣ знало є воспитанѣ њи непрестанно обуздавати, ако и ни є свагда толико моћи имало, отъ путова исты са свимъ удальити їй. Многїи отъ њи враћали су се у онай цвѣћемъ посадьенъ предѣлъ, но невинность ни є више ктела, подъ свою власть опеть узети їй. Кое пакъ воспитанѣ далѣ довести не може, они су по баровиты, и клизки путовы блудили, и слабо кадъ опеть указывалисе.“

„Чувайтесе отъ уобычаења неблагообразя, погрѣшака и порока, говорило є воспитанѣ питомкомъ своимъ непрестанно: оно Вамъ се лако и прїятно чини, но вы нећете ни осетити, а оно ће Васъ неприметно у окове метути, и кадъ у нѣгове окове упаднете, онда є тежко, изъ нѣговогъ робства искобелятисе, и

свободу свою опеть получити. Уобычаенѣ пораdьа пороке, оно чини, да страсти ваше пагубне бываю, а страсти причинюю прегрѣшеня. Истинна да се страсть сама себе гнуша; но уобычаенѣ уполява прерѣканя, и препепствуе човеку, да се кѣ мудросги и кѣ добродѣтельи повратити не може. Бѣж'те опіѣ уобычаепя! Окови нѣговыи не могу се разрѣшити; штогодь човекѣ стаpiй быва, а они све по тврдьіи, вечіи и дужіи бываю; и човекѣ живи и умире као робѣ ньинѣ."

„За тимѣ воспитанѣ Поддаппике свое на стрменнію гору доведе, и ту іи двома вышшіимѣ существамѣ преда. Прво є честно было; и чинило ми се, да є способно, цѣлымѣ земляма и народы владати: ничимѣ манѣ є непрестанно и внимателно на оно друго существо гледало; и све се чинило забрипуто, кадѣ бы кое трепуће ока само ово изѣ очію изгубило. Другого оно существо чинило ми се, да подданность одобрава, но то сѣ таквомѣ снисходителносѣу, изѣ кое се очевидно упазити могло, да є страопочитанѣ заслуживало, и заиста є образѣ овогѣ другогѣ существа тако честодостойнѣ и милокрванѣ быо, да га є свакіи, кой га є видіо, почитовати морао."

„„„Не бойсе, Сала! проговори ми Покрови-

тель мой, не бойсе! приближисе къ тимъ существамъ; власть ньина простиресе по цѣлой твари!""

„И я къ Богиньи оной, кое пронзателный погледъ єдва поднети мого, проговоримъ; и замолимъ ю, да ми покаже, коимъ начиномъ покровителство нѣно заслужити могу."

„Єдиннимъ повиновенѣмъ, отговори ми она, я самь Умъ, и ако моимъ закономъ повинова-тисе усхтѣшь, то ѣу Те къ вѣроисповѣданю — религїи — отвести, као што самь и друге мое Почитателѣ къ нѣму отвела.""

„Гласъ нѣнъ, и черте лица нѣногъ весма ми се допадну. И я богиньи уму покажемъ, да самь готовъ, ньой повиноватисе. На то ме умъ повелителницы своїой съ великомъ пріятельносѣу отведе, и представи, и ова ме съ милокрвнымъ осмѣиванѣмъ дочека."

"Кадъ є воспитанѣ питомке свое, за кое се толико старало, отпустило, то ми се чинило, као да за трудъ свой поне знакъ благодарности, или жалости, што се отъ надзирателнице свое оттрѣи мораю, очекуе. Но веселѣ оно, съ коимъ су се питомцы отъ нѣга удаллвали, показывало є, да су єдва чекали, да се нѣга само опросте, и да су наставленѣ, кое су отъ нѣга получили, за излишно држали. Радовалису

се, што више подъ повелителствомъ нѣговымъ и строгостю стояти нећею, но што ћею у предакъ подъ закономъ ума бити, кой су лако и нерушимо у цѣлости држати кнели.‘

„Умъ имъ тай савѣтъ даде, да медь Почитателъ вѣроисповѣданя ступе, увѣраваюћи ги, да небы довольно крѣпости противъ страспій своїй имали, кадъ бы само нѣга слушали; уобычаенъ бы їй найпосле надвладало, и у яму отчаяня бацыло. Но све то было є безполезно; найвише ныи было є, кои су рекли, да никако другогъ руководца отъ нѣга признати нећею, и да ћею они подъ ныимъ заиста на гору ону попеписе.“

„„Я не могу никогъ, отговори имъ на то умъ, силомъ на што наперати, моя дужностъ єстъ само савѣтовати. Я Вамъ опетъ кажемъ, изборъ Вашъ єстъ пагубанъ. Путъ се види съ почетка правъ и прямъ (grad); но мало после долазе насипи, пропасти и отвалине, преко кои Васъ єдинно вѣроисповѣданѣ превести можe. Погледайте горе: крозь маглу на горньой части горе не могу ни я провидити; єдинно вѣроисповѣданѣ може окомъ своимъ крозь ню пронзути. А за томъ магломъ свое храмови благополучя, у ньи сви они улазе, и отъ труд ногъ своегъ пупсваня почиваю, кои су подъ ру

ководителствомъ вѣроисповѣдания преко оны насипа, отвалина и пропастій прешли. Я пута тогъ не знамъ: я вамъ само болѣ руководителство препоручивати могу. Истинна, да ми є гордость моя често пребацывала, зашто самъ тако ограниченъ: и колико самъ се усиливао, да више дознамъ, но опеть далѣ допрети не мого, кромѣ до сѣница задовольства; а и ове, тек' што бы ій упазїо, и оне ми испредъ очїю у онай маа исчезаваy. И конгодь гордосћу заслѣпльни путованѣ свое безъ вѣроисповѣдания продужую, све оне пожеланя окиваю, и отчаянѣ у тамницу изврга ва; а отчаянѣ є онай свирѣпій мучитель, у кога и на десно и на лѣво таквы тамница има, изъ кои никадъ изићи не можешь.“

„То опоминанѣ ума учинило є, да су се гдикои заповѣдій оны сетили, кое имъ є воспитанѣ дало. И будући да су видили, да є поученѣ воспитаня са тимъ потврдьенно, то су се, хотя не съ вольомъ, непремѣнномъ заключеню вѣчне мудрости подвргли, и ступе у Почитателѣ вѣроисповѣдания.“

„Ето ти о Сала! человеческогъ живота!“ проговори ми Покровитель мой. Пре нег' што човекъ къ познаню добра и зла додье, а онъ блуди по цвѣтоносномъ стазама подъ руководствомъ невинности: но како лѣта никъ добро-

дѣтельи и порока у ньима развїяти почну, а онда їй воспитанѣ предузети мора. Додьул' онда їй воспитанѣ предузети мора. Додьул' пакь до лѣта крѣпости, самосталности, и бѣ-пакь до лѣта крѣпости, самосталности, и бѣ-да, то їй умь и вѣроисповѣданѣ по бѣдоносны да, то їй умь и вѣроисповѣданѣ по бѣдоносны и клизки путовы живота воде. Видишли оне он- и клизки путовы живота воде. Видишли оне он- де, што у средини свое, како се непрестанно де, што у средини свое, како се непрестанно узнемирую? Пожеланя и страсти гоне їй єднако, узнемирую? Пожеланя и страсти гоне їй єднако, она яко на ньи удараю, а борба сь овыма єсть она яко на ньи удараю, а борба сь овыма єсть упорна. Пожеланя їй често насилно отъ правога упорна. Пожеланя їй често насилно отъ правога пута оттрзаваю; а страсти иду сь умомь и пута оттрзаваю; а страсти иду сь умомь и вѣроисповѣданѣмь управо допле, докле непри- вѣроисповѣданѣмь управо допле, докле непри- мѣтно сь пута не сврну, и не учине, да се чо- мѣтно сь пута не сврну, и не учине, да се чо- векь тежко натрагь враћа. Найжесточїе по- векь тежко натрагь враћа. Найжесточїе по- желанѣ сстъ похоть, а найтаня страсть єсть желанѣ сстъ похоть, а найтаня страсть єсть сует а. И како пожеланѣ и страсть силе свое сует а. И како пожеланѣ и страсть силе свое єдно сь другимь саставе, онда ти є буря пре- єдно сь другимь саставе, онда ти є буря пре- страшна. И люди безбѣднїе иду по путу ума страшна. И люди безбѣднїе иду по путу ума онда, кадь їй пожеланѣ сь єдне, а страсть сь онда, кадь їй пожеланѣ сь єдне, а страсть сь друге стране раздражую.“ друге стране раздражую.“ ”

„„Власть пожеланя и страстїй єсть велика; „„Власть пожеланя и страстїй єсть велика; поглед' само, колико множество людїй само на поглед' само, колико множество людїй само на єдной найманьой ньиной стазицы има, а како су єдной найманьой ньиной стазицы има, а како су путови ума и вѣроисповѣданя праздныи. Поже- путови ума и вѣроисповѣданя праздныи. Поже- ланя и страсти умь лако надвладьую. Ако и ланя и страсти умь лако надвладьую. Ако и слѣдователи вѣроисповѣданя мало заблуде, то слѣдователи вѣроисповѣданя мало заблуде, то Посланикь нѣговь, савѣсть, за ньима иде, Посланикь нѣговь, савѣсть, за ньима иде, науке воспитаня непрестанно имь повторава и науке воспитаня непрестанно имь повторава и

трудисе, на правый путь опеть извести їй. А кои, за самымь умомь иду, они су самыи себи оставлѣнныи. Гордость и поуздаваиѣ на самога себе вараю умь; а уобычаенѣ окива заблуднике, и вуче їй кь порокомь тако силно, да већ никакве надежде више ие имаю, да ћею се икадь кь добру вратити.""

„„Погледай Сала! и оне заблуднике тамо, кои ни савѣсти свое не слушаю: безполезно пружаю они руке свое, помоћи пражећи, утроба ньина каесе о томь, што су стазу вѣроисповѣданя оставили; безполезно се сада пруде, окове оне пребити, кои їй у немилосрдномь робству држе. Много то значи, за вѣроисповѣданѣмь поћи: но оно наградьуе усиловенѣ, постоянство и вѣрность наградомь, кое никадь нестае.""

„„А подигни очи Сала! и погледай оне, кои су заповѣди ума пренебрегли.""

„И я упазимь, како су многїи отъ честолюбя заблудьавали. Ово имь є непрестанно дворове на гори показывало, и водило їй є преко дрвля и каменя. Многїи отъ ньи пропадали су са свимь, а кои су, по многимь паденямь, на свѣтъ опеть изплазили, они су у власть сребролюбя падали, а ово є такавь свирѣпь мучитель, да їй є окованне у пропасшь отчаяня низвргао. Другїи су ишли за неумѣренносћу.

Ова ïй є кѣ благовоніямъ и кѣ плодовомъ онымъ поводила, кои су измедьу пропастіїй были. Съ пожеланѣмъ пащили су они тамо; но тек' што су рукомъ єдномъ грану дочепали, а са другомъ плодове узабрати хтели, а грана се пребїе, и они у бездну падну, кою имъ є смрть подъ ногамъ ньинымъ оптварала... Трећи су съ пута ума сишли, и немарныи постали, непрестанно на стазу, кою су оставили были, погледали, и наумльивали, супра опеть да се врате, но све су на ономъ мѣсту спояли, гди самь ïй я садъ упазїо быо.“

„Похотацъ (Ausschweifling) є пѣвао и смеяосе, а честолюбацъ се радовао, што є саперникъ (Nebenbuhler) нѣговъ пропао; но немарливацъ никакве радости не осећаше. Намргодьенныи и забринутыи єдва су се кашлюћи у маковне врте (Mohngärten) отвлачили, и ту є меланхолїа дзери за ньима затворала, непрестанно ïй обезпокоївала, и свако отпочиванѣ, да и самъ дремежъ узнемирывала, докле и они найпосле у бездну отчаяния не падоше.“

„То ме бацы у дубоко замысленѣ. „„Опомнисе Сала! свега, што си видїо, и буди мударъ,“ “ проговори ми пренебесный онай духъ, и насмеявшиїйсе на мене исчезне.“

„При ¡тимъ рѣчма пробудимсе, и надьемсе у

истомъ положеню, у комъ самъ и легао быо, подъ кедромъ онымъ, и на равницы, коя є свудъ унаоколо стѣнама окруженна была; и птице воздушне поздравляле су велегласнымъ пѣснама прве зраке радьаюћегсе суница."

АНЕКДОТЕ.

И ДРУГЕ ПРОПОВѢДЧИЦЕ.

Єдна восточна Басна.

Гречески єданъ Императоръ имао є кћерь єдну, кол є не само красна, но и весма разумна была. Многїи Князеви, како востока тако и запада просили су ю за Супругу. Но ни єданъ ю добити не може. Она є хтѣла неуданна остати; и да бы се толико просїоца какогодь оттресла, а она то узакони, да свак', кой ню проси додѣе, или на предложенне му вопросе отговори, или, ако отговорити не уззна, а оно таки главу да изгуби. Вопроси нѣныи были су тако остроумныи, да нитко на ньи отговорити могао ни є: и по зидовы двора Императорова были су све саме главе просїоца нѣны, кои на вопросе нѣне отговорити знали нису, понапищане, да бы се и про-

ни, кои бы ю просити зажелили, отъ тогъ плашили, и усавѣтованныи не долазили їой. Напосле младић єданъ изъ града Ирака додье, и у службу Императорову ступи. Завистницы нѣговыи почну гледати, како бы му главе дошли; и зато га Императоровой кћери као просїоца нѣиогъ представе. И ова му овако говорити почне: „Младићу! заръ ни си видїо, како су зидови двора мога пуныи глава отъ Кралѣвски Сынова, и како прагъ тогъ харема крвлю каплѣ?“ „Видїо самъ, отговори їой на то Младић, но како самъ любовь къ Теби у срдцу момъ осетїо, таки є любовь къ животу изъ нѣга исчезла. Искажи ми сада оны деветь вопроса, кое Твоимъ просїоцемъ предлажешь.“

Кнегиня. Шта се непрестанно умножава, а никада не умалюе? А шта се непрестанно умножава, и опеть се умалюе?

Младић. „Непрастанно се умножава благость Божїя, она се никадъ не умалюе. А Старость непрестанно расти, но моћ старчева све се умалюе.“

Кнегиня. „Кажи ми, тко повѣренъ залогъ десетогубо безъ собствене штете натрагъ враћа? А тко повѣренъ залогъ безъ свакога щеденя упропашцуе, и самога себе губи?“

Млад. „Само мати земля враћа повѣрено

зрно десетогубо напрагъ. Аогань—ватра—све на свѣту упропащуе, а самь найпосле у пепео обраћасе.“

Кнег. „Кой живописацъ — малеръ — описуе найвѣрнїе постоящность и будущность (Gegenwart und Zukunft)?“

Млад. „Што огледало чини, то никакавъ живописацъ учинити не може; а будущносшь представля огледало сновидѣня (Träume).“.

Кнег. „Кажи ми, тко є онай векслеръ са плаветномъ алиньомъ, кой гвоздье дае, а душе узима?“

Млад. „Мачъ — сабля — “

Кнег. „Кой є онай цвѣтъ, што се смѣе и плаче, и веселѣ и жалость у себи сєдинява?“

Млад. „Ружа.“

Кнег. „Кое су оне горе, што два, четыри и осамь источника имаю?“

Млад. „Жена, крава, и кучка; жена две брадавице на сиси има, крава четыри, а кучка осамь.“

Кнег. „Градъ єданъ стои на два стуба: и има седамь дверїй — капїя — а петъ Стражара.“

Млад. „Тай градъ есть самъ човекъ, онъ има седамь отдушкїй или рупа, а петъ чувсшва.“

Кнегиня на то ућути, и далѣ га ил' не хтѣ-

де, ил' не може пытати, и Младић ю за Супругу узме.

Лѣствица смеяня.

У Паризу є отпре списанѣ єдно о смеяню изишло, кое є Лѣкарь єданъ, именемъ Роа, издао. Смеянѣ є такво расположенѣ душе, отъ когъ човекъ найтеже се уздржати може: и природа човеческа у свакомъ призрѣню побѣдити мора. И за доказателство тога доводи Роа пометодостоянъ єданъ случай. Француски морскій Капитанъ Мирабо замоли Папу Венедикта XIV. да му дозволи, да Морнаре свое предъ нѣга довести смѣ. Папа му то дозволи; и Морнари предъ Папу изиду, но тек' што прве у двору Папійномъ обычне церїмоніе смотре, а они сви у гласъ у єданъ путъ смѣятисе почну, и зацѣнесе. Сирома Мирабо волео бы, да є онда у прлу землю утећи могао. Но Папа му проговори, и ово рекне: „Не брин'тесе, не брин'те Мирабоу! истинна да самъ я Папа, но опеть то осећамъ, да толико моћанъ нисамъ, Француза єдногъ къ чувству довести, и опъ смея задржати га.“

Истый Списатель и то примѣчанѣ дае, да се ромыи, гуравыи и костобольцы много смѣю. Таліанскій єданъ Списатель и Архїмандріитъ додье на ту мысаль, да характеръ и темпераментъ човека изъ гласа оногъ изясни, конмъ се смѣе. И онъ лѣствицу — мердевине — єдну о томъ 1662 год. у граду Орлеансу изда, и каже, да гласови смеяня: „Ха! Ха! Ха! лѣнгуза; Хе! Хе! Хе! люпа! Хи! Хи! Хи! замыслѣнна, а Хо! Хо! Хо! вѣтреннѣста човека означую. Но Г. Роа другоячїе примѣчава, и каже, да є найприроднїи и найобычнїи гласъ смѣа Ха! Ха! Ха! Тко се Хо! Хо! Хо! смѣе, тай є подсмѣвачъ; рѣдко се кой Хе! Хе! Хе! смѣе, їошть редье Хи! Хи! Хи! а готово нико се Ху! Ху! Ху! не смѣе. — За времена Краля Французскогъ Франца I. было є у Французской Учителя таквы, кои су лекцїе о смѣяню предавали, какогодь што садъ Учителя свираня и играня има. И отъ ныи су се многїи учили, да се само умилно смѣяти могу.

Колико времена човекъ, кой бурмутъ смрче, губи?

Сада, гди се щеденѣ нѣко у све на слу увлачи, ни є съ горегъ Министру Финанціе казати, колико времена онай човекъ губи, кой бурмутъ смрче. Енглезъ нѣкій, именемъ Станкопъ, счисліо є време то. И каже, да свакъ такавъ смркачъ, кой свакій десетій мїнутъ по єданъ путъ смркне, 1 1/2 минута на то потребуе. Тако свакій данъ потребуе онъ 2 часа и 24 минута, када сирѣчь данъ безъ ноћи узмемо, да є 16 часова дугачакъ. И оттуда слѣдуе, да свакій, кой десетый минутъ по єданъ путъ бурмупъ смрче, на годину 36 1/2 дана или 1/10 часть године на само смрканѣ потребуе.

Особита Књига.

Фабїй Клаудїй Гордїанъ Фулгенцїй, старый Римскій Списатель, списао є у своме животу 24 књиге. У свакой отъ тих књига изостављао є онъ єдно отъ 24 римски писмена у алфавиту. Тако, да у цѣлой првой књиги ни єдногъ пи-

смена А, у второй ни єдногъ писмена Б, и т. д. было ни є.

АНЕКДОТЕ И ДОСЕТКЕ.

Шальивчина єданъ опази, гди сасѣдъ — комшїя — нѣговъ Крчмаръ — вирпацъ — два ведра воде у подрумъ снесе, да ю у вїно успе. Искочи на улицу, и изъ свегъ грла викати почне: „Ватра! — ватра! — “ Сви Селяни стрчесе, и запытаю га, „Гди є за Бога? гди є?“ Ено тамо, вели, у подруму крчмаровомъ, већ є два пута съ водомъ у нѣга стрчао.

Сребролюбацъ нѣкїй по цѣлу ноћ спавао ни є, но све є часъ єдно а часъ друго дѣте съ єдне стране на другу превртао. Иностранацъ єданъ, кой є кодъ нѣга дошао, ноћ єдну да преноћи, упыта га, шта то ради? „Та ево дѣцу съ єдне стране на другу превраћемъ, кадъ бы све на єдной страни лежала, то бы се внутрения врућина умножила, и єла бы имъ се у желудцу брзо скувала; и таки бы опетъ, огладнила; зато да ми манѣ што о ручку — Фрушпуку — поне изеду, а я їй часъ по часъ овако превраћемъ.“

Простъ єданъ Войникъ свадисе, и потучесе нѣгди у крчми. Капитанъ нѣговъ отсуди му, да му 25 палица по кошульи ударе. Простакъ сирома судъ тай видећи, скине свою кошулю, и бацы ю са себе: „Ево Вамъ, вели, кошулъ, можете їой дати палица коликогодь усхтѣте.“ Капитанъ се насмѣе, и опрости му, што се тако лѣпо досетїо.

Госпа нѣка навыкнесе, добро пити. Подье єданъ путъ на славу, и подобро уши угрѣе. Не могући найпосле ни главе дићи, запыта Крчмара, шта є дужна, да плати. Крчмаръ їой отговори: „само 10 мѣра — маасова — пива.“ „То ни є могуће, заплете Госпа єзыкомъ, то ни є могуће, я самъ толико путїй већ кушала, и не може више отъ 9 мѣра у прбу мой ући.“ — „Я вѣруемъ, отговори їой на то Крчмаръ, 9 мѣра иде ти у прбу, а 10та є отшла у главу!“

Сиромашакъ єданъ ни коре хлѣба не имаде у кући. Запыта га єданъ: „како си? Што радишь? како ти иду послови?“ „Какогодь у небу, отговори сирома, и тамо се нитшто єде, нитпїе; тако ти є и кодъ мене.“

У Паризу запытаю Адвоката єдногъ, кой

никаквы процесса не имадя, да тера, зашто є у своехотнике (Фрайкорце) ступїо. „Ето запо, опговори, тек' да бы и я єданъ путъ ствaрь какву добїо, кою бы бранити имао.“

Євреи у Прайзской запросе у Краля Прайзскогъ, да и ныма дозволи, мачеве носити „можете їй слободно носити, но не на лѣвой, већ на десной спрани“ напише имъ Краль на молбы ныной.

Господинъ Н. имао є обычай, каффу весма сладку пити, и запо єданъ путъ груменъ сахара — шећера — за груменомъ у каффу мера ћапи почне. Супруга нѣгова, Госпа весма щедлыва, по видећи, проговори му: „немой! толико груменъ мећапи, маня парчета много су сладья.“ „Нека! нека! ћерко! я не пїемъ радо сладку кафу, и запо ћу повелика парчета узимапи.„ „Но врло сладко чини многу жучъ, рекне му на то Супруга, пак' ћешь ми се, Срдце мое! много и єдипи!“ „Ако Теби чини, мени не чини“ опговори Господинъ, и каффу посрче.

Старой єдной баки рекну у дружству изъ шале: „Бако! ако видишь иглу на кули, то ћемо те удати!“ Бака сропта, колико є спара

была, но їошть рада удаписе, уздане, и рекне имь: „па назиремь на иглу, ал' не видимь куле!“

Селянина єдногь, отрастлогь већ, доведу у цркву, да га мїропомажу. Свещенникь га запыта, єли Катїхисись учїо? Єсамь да како?“ опговори Селянинь. „А єли и Богь Сынь Богь?“ упыта га далѣ Свещенникь — „Ни є їошше. ни є, но кадь му Отаць умре, то му не гине.“

Месари — касапи — у маломь нѣкомь граду потужесе Магїстрату, да имь много меса непроданна остае, и да они у напредакь обстати не могу. Премудрый Магистратъ напише имь на молебспву ньиномь: „А Вы отсадь само пополь вола кольите!„

Госпа Н. Н. са супругомь своимь, кой є откећ сресролюбивь био, препируѣнисе сва разяренна рекне му: „Кадь бы знао, после мое смрти само новаца, са женомь добити, то бы и најстарю кћерь дьавола за супругу узео?“ — О не бойсе! не бой! родіенна моя! закони наши не допущаю, две Сестре за Супругу узети.

Шваба (Schwab) єданъ додье у Франкурть на торгь — вашарь — и несрећомь нѣкако на злу

крчму наидье, да у ньой преноћи. Около полноћи пробудисе, а не зна, колико є часова. Пробуђи пробудисе, а не зна, колико є часова. Пробуђи ди зато Крчмара, и запыта га: „колико є часова куцнуло?“ КрчмарЪ му каже, да кодЪ ньи сата, што куца, не има, но само сунчанникЪ имЪ часове показуе. „Зато устани, отговори му памет-ный Шваба, узми кандило у шаке, пакЪ погледай на сунчанникЪ колико їошть спавати могу.“

Селянинъ єданъ покрай нове градске куће продье, и види, да су надЪ дверма — капїомЪ — великїй єданъ кипЪ метули. „Ай! упыта єдногЪ Господина, молимЪ ВасЪ Господине! какавЪ є то кипЪ?“ „То є правица“ отговори му Господинъ. „О Боже мой, придода СелянинЪ, како се све на свћту промћнуе? отпре є правица у куће сћдила, сада су ю предЪ дверїй изнели, а БогЪ зна, кудЪ ће їоште доћи, докле мира надье.“

Два Селянина почну се свадьати, и єданъ другогЪ подобро испсую, и изуруже. ЄданЪ отЪ ньи Адвокату нћкомЪ додье, и замоли га, да на оногЪ другогЪ процесЪ започне. „О мой Прїяне! рекне му АдвокатЪ, нећешь ништа добити, а морат' ћешь толико на процесЪ потрошити. Не прїймай све на зубЪ, и оканисе процесса! КадЪ бы я мой Брайко! све оне тужїо, кои су мене

хульомъ называли! —“ „О мой милостивый Господине ! отговори Селянинъ, Вы сте друго, а я самъ друго, я то не могу нипошто трпити. ·

Богата єдна, но преко мѣре сребролюбива, иначе отмѣнна Госпожа имала є тако мало повѣреня къ своїой куварки, да є сама ишла, месо куповати. Преко лѣпогъ своґъ одѣла имала є дебелу єдну препрегачу, и исподъ нѣ є месо кући носила. Случисе пакъ єданъ путъ, да телећїй бутъ изгуби, за ньомъ є Графъ єданъ ишао. Сагнесе, бутъ телећїй подигне, и Госпожи га даде говорећи. .„Милостива Госпоже! ево сте лепезе Ваше изгубили.“

Дружство нѣко хтѣло є на чуну по води увеселеня ради возитисе. Но чунъ є пунъ воде быо. Єданъ отъ дружства предье къ прочима, кои су неушѣшимыи спояли! и рекне имъ: „небринтесе Господо моя! не брин'те, садъ ће года изъ чуна истећи, само га сврдломъ пробушите!“

Господинъ Н. Н. ранисе у прстъ, и даде лѣкара дозвати. Овай додье, рану прегледи, и дѣчка, когъ є при себи имао, пошлѣ, брже болѣ кући да оптрчи, и мелемъ да донесе. „А што? зарь є тако зла рана, упыта га Господинъ, да неће ми се рука зажарити? Заиста сте ме уплашили.“ — „Не брин'тесе Господине! ништа, отговори му лѣкарь, Вы се ништ' не бойте, но я се боимъ, да се рана пре не залѣчи, докле мой мелемъ не додье.“

Селянинъ єданъ додье у градъ, и види све кслерскомъ дућану ништ' не може упазити, и зато се задржати не може, да Векслера тогъ не упыта: „а шта Ты Господару продаешь?“ „Магареће главе“ отговори му Векслерь, кой є све Селяне, тако и овога сада, за луде и простаке држао. Но то трговина Твоя, отговори му Селянинъ на то, добро иде, кадъ ти є само їошть єдна магарећа глава остала, да ю продашь, проче си све распачао!“

Кавалѣру нѣкомъ додье простосрдечанъ єданъ познаникъ на посѣщенѣ, човекъ, у кога є што на срцу, то и на єзыку было. „Опоминѣшлисе

їоште, кадъ є овде, гди самь я садъ замакъ сазидао, млина вѣтреннячна (Windmühle) стояла?“ „Опоминѣмсе весма добро, отговори познапникъ. млине вище не има, но вѣтра є їошть доста остало.“

Државномъ нѣкомъ Савѣтнику превалесе на путу кола. У то доба Селянинъ єданъ покрай кола предье. Замоле га, да имъ помогне, кола подићи. Селянинъ пре, него што се кола преваши, упыта Слугу, тко є тай Господинъ?“ „Државный Савѣтникъ Н. Н.“ отговори слуга. Селянинъ то чуюћи вратисе натрагъ говорећи: „покойный мой Отацъ све ме є савѣтовао, да се у државне ствари нипошто не мѣшамъ.“ Окренесе, и опиде своимъ путемъ.

Сребролюбацъ нѣкій свагда бы се лютїо, кадъ бы чуо, да є тко штогодь наслѣдїо. Разяренъ єданъ путъ повикне: „Та и кадъ бы сви дьаволи у паклу поизумирали, я не бы ни рога єдногъ наслѣдити могао.“ Супруга нѣгова хотѣћи га о томъ утѣшити рекне му: „не єдисе любимый мой! запто, та мы и онако доста имамо, будимо съ овымъ, што имамо, задовольны!“

Сребролюбивомъ єдномъ Государу подигну поменникъ єданъ, кой да га представля. Два Селянина мимо кипа тога продьу, съ вниманѣмъ на нѣга погледе, и єданъ другогъ запыпаю: „а зашто не има Государь рукавица на руку?“ — „А на што му рукавице, отговори на то другїй, када руке непрестанно у нашы дженовы држи.“

Кодъ Краля Прайзскогъ обѣдовао — ручао — є єданъ путъ Архїмандрїтъ Баспляній, и Краль му у шали рекне: „Тако Вамъ Бога! како ћете ме дочекати, кадъ єданъ путъ Папомъ постаме дочекати, кадъ є єданъ путъ Папомъ постаћете, а то ћете заиста Вашегъ благоговѣинства ради постати, како ћете ме, велимъ, дочекати, кадъ я у Римъ додьемъ, да дужность мою Вашой Светости укажемъ?“ „Я ћу таки, отговори Баспляній, заповѣдити, да чрнога Орле предаме пусте, но нѣгаћу онда замолити, да ме крилы свои покрїе, а са клюномъ да ме не клюца.“

Чиновникъ єданъ нѣшто сгрѣши, и зато сваченъ буде: и власть му отпустъ даде. Оплазе-

ћи изъ собе судсйске самъ у себи рекне: „Добро! добро! тоће многомъ гдикомъ главе доћи.“ Судїама се говорь тай не допадне, и таки га на судъ позову, да се пере. „О Боже мой отговори имъ онь на то, како можете невинну мою бесѣду тако зло толковати! — Та я намѣравамъ, лѣкарїю учити!“

Прїоди Краля Француского Лудовика XV. почну венути тако, да ни дворскїи Послужительи плаће свое уредно не добїяу. Измедьу ньи и Пѣвачи театра кралѣва съ молебствомъ додьу, да имъ опредѣлѣнну ньину плату намири. — Но Министерь Кралѣвъ ово имъ на то отговори: „Мы смо радьи найпре Господо моя! оне намирити, кои плачу, а после ћемо на оне доћи, кои пѣваю.“

Две дѣвойке сѣдяу єданъ путъ на ливади, и разговараусе. Медьу тимъ старацъ єданъ съ сѣдомъ кикомъ продье. Дѣвойкама неда дьаво мира, но запытаю старца подсмѣшнымъ гласомъ: „Зарь є веће падао снѣгъ на планини?“ „О дѣвойчице мое! отговори имъ Старина, претвараюћисе, да є отвеђ простъ, їошть є дуго до снѣга, та краве су їошть на ливади.“

Великій нѣкій Господинъ даде слалу єдну сазидати, и у ньой катедру начинити, са кое бы се публична слова давала. Додье єданъ путъ самъ, да види, како є зиданно; више отъ полосамъ было є веће готово; зато хтѣде и то прокушати, како се гласъ са катедре чуе. Запо вѣди єдномъ отъ Посленника, да се на катедру попне, и да што говори. Но Посленникъ никако гоpе попетисе не хтѣде, незнаюћи, шта да говори. „Е! Бога Ты! говори штогодь хоћешь и што ти на уста додье," рекне му Господинъ. Посленникъ се на то попне и рекне: „Господине! мы већ 6 седмица радимо, а ни крайцаре їошше зато добили нисмо, гледайте, да надницу нашу получимо, или — — —" „Доста! доста Прїяне! сидьисе само доле, доста самъ веће чуо."

Лажа и паралажа састанусе єданъ путъ у дружству єдномъ. Онай се почне хвалити, да тако добре очи има, да на цѣо часъ дальине видити може, и рекне:" „видишь ли ону кулу онде? Овай часъ трчи по врху нѣномъ єданъ мышь; я видимъ, како сваку ногу диже." — „То є веся ма чудноватно, отговори паралажа, я єдва куле видимъ, а камоли мыша, но добро чуемъ, како бакће."

Крадљиваць єданъ хтѣо є у великомъ нѣкомъ граду Фенѣръ да украде; тек' што се узъ зидъ нѣкако успуже, да га скине, а стражаръ (Wächter) опази га, и упыта: „Шта ћешь то?“ Та онъ жижакъ да усекнемъ, отговори крадљиваць, да ми се болѣ види, када продьемъ, Ты га ниси добро усекнуо.“

Лукава єдна лисица узайми отъ свога пріятеля нѣку сумму новаца на 8 седмица, и дадему на то векслу, да ће му 8 дана после Сп. Живка платити. Вексла є у свему точно и подробно написанна была; и позаймачъ на Сп. Живка ни мыслїо ни є. Но кадъ онай отиде, а онъ мѣсецословъ узме, и погледа, да данъ Сп. Живка какогодь поздніе отъ 8 седмица не пада. Десеть путїй прегледао є савъ мѣсецословъ, но нигди Сп. Живка у нѣмъ не надье. И зато брже болѣ къ ономъ отиде, и каже му, да вексла она добра ни є, „Та нигди, вели, у цѣломъ мѣсецослову, Сп. Живка не надьо.“ — „Я нисамъ тому кривъ, отговори му онай, Ты имашь векслу отъ мене, и кадъ їой време изидье, а я ћу ти онда платити.“ Позаймачъ са тимъ незадоволянъ, тужи га Власти. Власть обойцу дозове, и суочи. „Єли вексла ова, упыта Судїя лукавца оногъ, твоя?“ „Єсть управ' моя!“ „А єли Живко заиста Свешацъ!“ „Єсть тако!“ „А кадъ пада онъ“

упыта далѣ Судїя. — „То я не знамъ,“ отгово-ри дужникъ; „ни у єдномъ мѣсецослову неима га, отговори Позаймачъ, све самъ мѣсецослове покуповао, и прегледао, и не има га, и не има.“— Судїя мало бурмуша смркне, и овако отсуди: „я вѣруемъ, да є Живко светацъ: но будући да дана нѣгова нигди у мѣсецослову не има, то онъ пада о сви свепы: а праздникъ свїю свепы пада 1га Ноемвра, и зато треба векса ова 8 дана после сви свепы да се плати, иначе ће зло съ тобомъ быти.“ И са тимъ се Судъ саврши.

Госпа єдна набѣлисе яко, и подье по шуми проодатисе. Кратковидъ єданъ Дворянинъ сусрепне ю на пупу, и будући да є скоро съ пута дошао быо, а онъ хтѣде да ю полюби. Но она му скрене, и тако вѣшто окренесе, да є иза єдногъ кипа, кой є на пупу стояо, дошла. Кратковидъ Дворянинъ дочепа кипъ онай, и полюби га: цѣло дружспво почне се смѣяти. Но онъ нимало зато не марећи отговори имъ: „Гипсъ єдно, а гипсъ друго, та то є сее єдно, та єдно та друго полюбїо.“

„О како спе сожаленя достойныи, рекну є данъ путъ мужу єдномъ, кой є супругу свою смрп

но любїо, како сте сожаленя достойныи! Вы смртно любите неблагодарну єдну, коя, не само што Васъ не люби, него їошть и чрезмѣрно на Васъ мрзи.“ „А! нисамь я тако сожаленя достоянъ, отговори онъ на то, као што Вы мыслити; Супруга моя много є несрећнїя отъ мене. Я у ньой свагда супругу видимъ, кою силно любимъ; но она непрестанно предъ собомъ таква мужа има, кога никако миловати не може.“

У граду нѣкомъ оттворе лѣкари мртваца єдногъ, да виде, отъ чега є умрао. И већ су му желудацъ извадили были: но їошть примѣте, да месо на нѣмъ дркће, и да є їошть нѣколико знакова живота у нѣму остало. Єданъ отъ околостоећи, то видећи, и хотѣћи мудрость свою показати рекне лѣкаромъ; „тай мртвацъ могао бы їошть оживити, кадъ бы му само яка, већ скуванна, или сажваћанна єла дали!!!“

У градићу Н. Н. были су олуцы на стреяма подугачкїи, и вода є съ ньи каплюћи путъ весма излокала была. Зато Магистратъ заповѣсть изда, да сви олуке свое пократити имаю. Да се пакъ прочимъ Градьаномъ примѣръ даде, што првый, кой є олукъ пократити хтѣо, Градьаноначалникъ — Быргермайстеръ — самъ буде.

Узме лѣствице — мердевине — попнесе на олукъ, усѣдне на крај онај, што є на улицу гледао, и препестерише га, и како га препестерише, а онъ заєдно съ пресѣченнымъ краемъ падне на землю, и мртавъ остане.

Сребољубацъ нѣкій био є тако щедлывъ, да ни'на писмо ї оне две точке наметупи хтѣо ни є. Єданъ путъ га дужникъ за великусумму новаца пре-вари, и онъ зато науми обѣситисе. Но на срећу тек' што онъ уже за врапъ замакне, а слуга у собу удье, и уже пресѣче. — Полазећи пакъ отъ исто-га изъ службе, додье, да се съ ньимъ намири; и овай му 4 крајцаре за уже оно, што є пре-сѣкао, кодъ се онъ вѣшао, отбїе, и рекне му: „несрећниче проклетый! Видишь и онако веће, да самь несрећанъ, и да єдва имамъ, съ чимъ да живимъ, а ты ми їошште ново уже сѣчешь. Заръ ниси могао узао онај лѣпо отрѣшити, не-го да га сѣчешь: Ты си рдьавъ Домостроитель, ниси за мене. И запо плапи за уже.“ — Мало за тимъ умре. И єданъ отъ Сродника нѣговы сачини му ово надгробѣ: „Овде лежи Неситъ Свегра-бичь. Онъ є умрао у 9 часова у ютру, да бы само обѣдъ защедїо.“

Ливада нѣкогѣ Магїстратца лежала є до ливаде єдногѣ Селянина. Марва Магїстратца оногѣ све є у ливаду Селянина прелазила, и велику потрицу чинила. Селянинѣ зато у градѣ отиде, но Слугама Магїстратца наложенно є было, да му свагда кажу, да Господина кодѣ куће не има. Найпосле увреба га Селянинѣ у магїстрату, и ту га замоли, да му толико штете не чини. „Я ти не могу ништа у томѣ помоћи“ рекне му Господинѣ. „Добро, отговори Селянинѣ, а оно Васѣ морамѣ тужити.“ „А ты тужи,“ рекне му Господинѣ. Селянинѣ га тужи, и Судїе пресуде, да се поравнаю. Но Магїстратца никадѣ кодѣ куће было ни є. Селянинѣ тужбу понови, и кѣ Супруги онога отиде, и каже їой, да ће Господина нѣногѣ врховномѣ Суду тужити. И она му рекне: „нећешь се мой Брайко! са тимѣ нимало ползовати, и у истомѣ Суду засѣдава мой мужѣ: И кудагодь узидешь, то свуда мой мужѣ засѣдава.“ То є весма жалостиво за мене Селянина, да мужѣ Ваштѣ свуда засѣдава, рекне Селянинѣ, и подье: но опеть се окрене, и запыта ю: „а сѣди ли Ваштѣ мужѣ и на страшномѣ суду.“

Учитель єданъ на селу имао є само деветь ученика — дяка — Случисе нѣкомъ Господину умрети, и ученицы су за погребомъ нѣи морали. „Све два и два идите," рекне Учитель дѣцама, „Све два и два, чуете ли Вы магарцы." „О Господине! отговори му на то деветый Ученикъ, нѣу, друга не имаюћи, съ Вама нѣи."

Кнезь Райсскій 28мый буде Прайзскомъ Кралю Фридриху II. као Посланникъ представлѣнъ. Фамїлїа Райсска числисе по реду Кнезь Райсскій први, вторый, трећій и. пр. Краль хотѣћи, да га сбуни запыта га: „Тако Вы сте Князь Райскій отъ оне Фамїлїе, коя є тако числѣнна, као што Фїакери по велики градовы числитисе обычествую?" — „Я самъ, Ваше Величество! пай, отговору Кнезь на то, и наша Фамїлїа подобна є у томъ Кралѣвма, кои се такодье прьый, вторый, трећій и. пр. именую.

Єврей Шмуелъ, прчкарао є почесто нѣкомъ Гооподину, кой му є дужанъ быо. И све га є опоминяо, да му дугъ плати. то се Господину реченномъ найпосле досади, и рекне му: „Како мїошть єданъ путъ съ тимъ дьаволскимъ искањемъ дуга додьешь, то знай, да ћу те и уздужь и попреко избити." Дуго вре-

ме Шмуелъ не додье, но найпосле опеть помыс-
ли: „Садъ є време, отиħи му.“ Зато усудисе,
и додье къ Господину. Овай є Слугама своима
веħе заповѣдїо быо, ако Шмуелъ додье, а они
само преправныи да буду, и добро да га измажу.
Почну се свадьати, и Господинъ бичъ єданъ сче-
па, и нѣколико путїй Шмуела опаучи. Шмуелъ
сирома побѣгне. Но на другомъ, трећемъ и
четврпомъ степену — басамаку — стояло є по
две Слуге, и они га поздраво исчасте. На дверма
добїе Шмуелъ їошпе нѣколико товара палица.
Кадъ веħ изъ двора изидье, а онъ се обрне, и
не пазећи, шпо є издрпанны альина и крвавы
ледья изишао, рекне; „Милый Боже! да чудна по-
редка у овой куħи: свако ти то зна, шпа є чїй
посао!“

Мужу єдномъ умре прва Супруга, и онъ дру-
гу узме; но ова є отвеħ маленна, хотя и пре-
добра, была. Запытаю га изъ шале, зашто є
тако малу и премалу женицу узео. И онъ имъ
такодье шалећисе отговори: „Та то добро
знапе, да човекъ измедьу зала свагда найманѣ
треба да избере.“

Мудролюбацъ — Фїлософъ — нѣкїй почне
дѣвойцы єдной любовь свою изјасняваши. „Шпа,

рекне дѣвойка, зарѣ се и Мудрацы залюбити могу?“ „Да како? отговори мудрацѣ, да како, и дѣвойке бы весма достойне свакогѣ сажаленя быле, кадѣ мудрацы у ныи залюбитисе не бы могли, ибо бы їи онда самыи лудови любили.“

Мудраца єдногѣ запыта Богатырь Н. Н. сѣ подсмѣомѣ, како то, да Мудрацы тако често богатыма на двери — врата — долазе, а да Бобогате никадѣ предѣ дверма мудраца видити негате можешь. „То оттуда быва, отговори мудрацѣ, што мудрацѣ цѣну богатства види, а Богатырь цѣне мудрости не познае.“

Єданѣ є весма много новца узаймао, но никадѣ не враћао. И єданѣ путѣ кѣ своѣ Пріятелю додье, и замоли га, да му нѣку сумму позайми. „Я бы Ты, заиста, отговори му овай, позаймїо, да си ми непріятель, но будући да си мой Пріятель, то ни самь радѣ, да ме, искаюћи, да ми врапишь, єдимѣ.“

Учитель єданѣ на селу имао є сына весма тупе главе. Ничимѣ манѣ опетъ га на то опрступе главе. Ничимѣ манѣ опетъ га на то опредѣли, да и онѣ учителѣмѣ постане. Но овай є весма мало научити могао, и весма є зеленѣ у науцы быо. Подье на испытанїе, и зло отговори, на множество вопроса ни запети! Испытателѣи

трпили су га донѣкле, но найпосле принудити га хтѣдоше, да тек' штогодь опговори. Измедьу прочи увѣри ій ученикъ, да бїблическу исторїю найболѣ зна. И они га упытаю: „Ное имао є три Сына, Сима, Хама и Яфета, тко є Отацъ быо? „Но онъ безполезно главу себи разбїяше, да имъ опговори. Отпусше га, и онъ Отцу дотрчи, и потужи му се, како є прошао. Отацъ се на то разлюти, и рекне му: „Воденичаръ Ранко, има три Сына: Петра, Павла, и Іованна, тко є ньинъ Отацъ? ха?“ „Воденичаръ Ранко! воденичаръ Ранко!“ опговори ученникъ: брже болѣ у градъ поити, да на ново испытанїе даде, оно, што пре знао ни є, сада знаюћи. Испытатељи га опеть запытаю: „Ное имао є три Сына: Сима, Хама, и Яфета, тко имъ є Отацъ быо?“ И онъ на то опговори: „Воденичаръ Ранко!

Министеръ єданъ подье по земльи путовати. Додье предъ єданъ градић, и ту му се осовина пребїе. Пошлѣ Слугу свога унутра, да колара и ковача доведе, да му се осовина начини. Магїстратъ є предъ дверма градскима Министра веће очекивао, и то чуюћи, опреди нѣколико младића, да иду, и кола засадъ само уже-шы увежу. А Магїстратцы и самыи понадалеко

предъ нѣга на сусретъ изиђу. Кола допру до града, и Министеръ Магїстрату на почитаню ньиномъ благодари. „О Ваше Превосходителство! предузме Градьаноначалникъ—Бургермайстеръ—мѣстный рѣчь, до чрне землѣ поклонивши му се, Вы сте и више ужѣта о нами заслужили, и шо є мала услуга, шшо смо Вамъ сада учинили.“

Министеръ єданъ упыта Государа свога, кому празданъ єданъ чинъ да се даде. Государь-зле ћуди нѣшто бывшїй, отговори му намргодьенъ и жестоко: „Дьаволу!“ Министеръ се поклони, и запыта га: „Заповѣдате ли Ваше Сїятелство! да указъ о тому обычнымъ начиномъ: „„нашемъ прелюбезномъ и вѣрномъ““ Государь се мало промысли, куцне Министра по рамену, и рекне му: „не! не! нећу ни дьаволу чинъ тай да дадемъ, ибо є Вашъ Сродникъ!“

Войвода нѣкїй буде єданъ путъ у дружство позванъ, кое є Кральица нѣгова давала. И онъ Кральицы рекне: „я само три пошшение жене познаемъ.“ „Знате ли Вы Бога Вамъ! шта говорите?“ упыта га Кральица, „а кое су те три жене?“ „Ваше Величество! отговори Войвода, Вы сте прва, друга є моя жена, прећу нећу да

именуемъ. Зато нека свака отъ овы Госпа мысли, да є она."

Младъ сданъ Богословацъ изъ училища — школе-изидье, но буйна кипа спустисе, и онъ принудьенъ буде, у книгопродавню єдну ући. У истой продавньи и єданъ остроумацъ бияше, кой таки на ту мысаль дође, да Богословца реченнога мало прокиньи, и рекне му: Отъ Вашега отвећ благонаравногъ поступаня заключующи чини ми се, да сте Богословацъ, кажите ми, молимъ Васъ, єстел' и Вы тога мнћнїя, кадъ човека єдногъ по лћвомъ образу ударе, требали, и другїй да даде?" „По светомъ писму, отговори Богословацъ, треба." „Пуфъ, ћуши-га остроумацъ по єдномъ образу. „Кадъ є тако, а оно ево Вамъ и другога, рекне му на то Богословацъ, испуните само рћчи светогъ писма." Остроумацъ се упне, и по другомъ образу їошть ячше га ћуши. Сви присутствующїй почну се Богословцу смћяти, а остроумцу дивити, како се досетїо, Остроумацъ на то поносећи-се изъ продавнћ изидье. Но тек' што на улицу

корачи, а Богословацъ га састрагъ за вратъ посчепа, на прагъ продавнѣ свали, и уздужъ и поперекo испеснича, говорећи: „чекайте! чекайте Пріяне! у светомъ писму и то стои: „„„Єюже мѣрою мѣрите — тоюже да возмѣрится Вамъ!““ И поштенно га избїе. Дружество изъ продавнѣ сиромау остроумцу у помоћ' приспрчи, но овай имъ отговори: „Оставте насъ Господо! остав'те! мы толкуемо само єданъ другомъ нѣколико рѣченя изъ светога писма.“

Младић єданъ буде кодъ Господина Н. Н. на обѣдъ позванъ. Човекъ вобразльивъ, мыслїо є, да све на свѣту зна. Донесесе печенъ ћураћъ на столъ, и онъ узме, да га сѣче. Но блюдо — таньиръ — є преко края стола яко къ себи привукао, и како првый путъ засѣче, а ћураћъ подъ столъ. „Ахъ тежкс сига мени, повикне Госпоя, ако гаровъ нашъ подъ столомъ буде, то ће намъ ћурка заиста слапити.“ „Не бойтесе, милостива Госпоїо! отговори на то младић нашъ, я самъ стао већ ногомъ на нѣга, обућа моя чиста є, мало пре дао самы ю намазати.“

Кадъ се Императоръ Максїмїлїанъ на престолъ Римскїй вѣнчавао, и помазавао, поднесу му Євреи малу єдну котарицу отъ сребра, но пуну златны ая. Максїмїлїанъ мѣсто да имъ на дару томъ благодари, а онъ їи затворити даде. Уплашенныи сироти Євреи почну съ приклонѣны колѣны молити, да имъ причину кажу, зашто су затворенныи, и да нису у изражаваню свои желаня какву злу рѣчь рекли. Но Императоръ имъ отговори: „та тко бы те рѣдке коши, што златна ая легу, пустїо, свободно да иду, на вьи треба човекъ, што више може, да пази.“

Богатыръ єданъ а при томъ и Благороданъ подье са слугомъ своимъ яшити. Додьу на потокъ, кой му се дубокъ и брзъ учини, зато заповѣди Слуги, да напредъ яши. „Боже ме сачувай! отговори на то слуга, по за главу учинити нећу, заръ мыслите, да самъ я тако неучтивъ и безобранъ, да предъ Вама яшимъ: не! не! я знамъ, гди є мое мѣсто!“

Проповѣдникъ єданъ почне слово давати, но примѣти, да є єданъ отъ Слышателя испод катедре заспао тако, да є већ ркати почео; две Госпое, кое су до нѣга сѣдиле, почну се тако велегласно разговарати, да су ркање онога надвысиле биле. „Любиме мое Госпе! рекне имъ на то проповѣдникъ, говорите, молимъ Васъ, мало лакше, иначе ћете Господара тога до Васъ пробудити.“

Кавалиръ Н. Н. радо се хвалїо, но превећ є страшливъ бїо. Додье єданъ путъ у дружство, и ту измедьу прочи луды говора и то рекне: „я бы за сваку ону 20 дуката дао, коя бы їошть дѣвицомъ била.“ У дружству испомъ била є и єдна Госпа съ кћерю своїомъ, и она му рекне: „я ћу Вамъ таки дѣвицу єдну показати, дайте само дукате на среду!“ „А коя є та? упыта Кавалиръ. „Вашъ мачъ, отговори Госпоя, оиъ їошть ни є изъ корица извученъ бїо.“

Кадъ є у Паризу у време революције Саборъ народный био, дошла є была у вртъ версаилскій и Супруга єдногъ Депутата. Испинна, да є скупоцѣнно обученна была, но одѣло нѣно ни є по новомъ вкусу начинѣнно было, и зато се нѣкимъ младићима весма чудно и смѣшно види. И Єданъ отъ ньи тако є лакомысленъ био, да є обшивъ альине нѣне полюбїо. „А заръ є садъ обычай у Паризу, жене у скутъ любити?“ упыта Госпол. „А! то ни є, отговори младић, него я почитуемъ сваку стародревну ствaрь, и зато и Башемъ одѣлу дужанъ самь, то почитанѣ указати.“ „О! Господине! заключи Госпа, а зашто ми пре не казасте, да стародревности тако высокопочитуете, я бы Вамъ друго нѣшто дала да полюбите, што є їошть двадесеть година отъ одѣла мога старъ.“

Императоръ Каролъ 6-тый ударао є весма вѣшшо у клавиръ. Єданъ отмѣнъ Ударачъ на клавиру, чуе га єданъ пупъ, како вѣшто удара, и савъ у васхищеню повикне: „Заиста є велика шпета, што Ваше Величество свирачемъ постали ниете, по цѣломъ свѣту могли бы срећньи быти.“ „Не! не! отговори му Каролъ,

хвала ти на твомъ добромъ мнѣнїю, нека насъ и овако намъ є доста добро.“

Прота єданъ сусретне дебелогъ нѣкогъ трговца на путу; но овай му съ пута сврнупи не хтѣде, нити поклона учинипи. „Видимъ Сынко! рекне разлюћенъ Прота, да си болѣ угоенъ, нег' воспипанъ.“ „Богме! имате право у томъ Отче Прото! отговори му трговацъ, ибо Вы ме воспитаваше, а гоиписе моремъ самъ.“

Славанъ єданъ Паризскїй играчъ, именемъ Вестрисъ, ни є хтѣо предъ Кралѣмъ Шведскимъ играти, кадъ є овай у Паризу быо, и волео є у тамницу доћи, него ногомъ само маклупи. После нѣкогъ времена додье и Прайзскїй наслѣдникъ Хайнрихъ у Паризъ. И онда га Генерали запытаю: „а оћешь ли садъ предъ овымъ играти, Вестрише!“ „Оћу! да како?“ „А зашто то, предъ Шведомъ ни ногомъ маћи не хтѣде, а предъ овымъ си готовъ играти?“ запытаю га Генерали далѣ. „Ето зато, отговорипмъ Вестрїсъ, што сте и Вы кодъ Росбаха онако лѣпо предъ Хайнрихомъ играли.“

Младић єданъ весма ружанъ, но иначе отъ добре Фамїлїе, почне на Курфырстна Саксонскогъ навальивати, да га Чиновникомъ постави. Досадисе већ Курфырсту, што му толико досадьуе, и зато му єданъ путъ рекне: „Иди Сынко къ моимъ Министромъ, они су мои живописцы — малери — и они найболъ знаю, съ каквымъ четкама писати могу."

На обѣду єдномъ сѣдїо є стїхотворацъ нѣкїй спроћу єдногъ Адвоката, кой є съ остроумѣмъ своимъ поносећисе, свакомъ пошто годь пришити морао. Кадъ се веће поднапїю, а нашъ Адвокатъ Стїхотворца упыта: „какво є Бога Вамъ отстоянѣ измедьу будале и Стїхотворца?" „Трапеза!" Отговори- Стїхотворацъ.

Ромъ сусретне гурава, и да му се подсмѣне, упыта га: „шта є ново у той твоїй врећи?" „То мое ни є, отговори гуравъ, новине знати; но треба ты да знашь, Ты по васъ дань съ єдне стране на другу идешь."

Жена єдна почне у дружотву нѣкомъ женскїй полъ преузносити, и у звѣзде ковати говорећи, да є жена отъ свїю прочи тварїй на

свѣту найблагороднїе существо. И реченѣ свое
да потврди, а она библическо изреченѣ избере,
у комѣ се каже: „да єБогѣ жену найпосле спво-
рїо" „Жена є тако найвышша тварь на свѣту."
„И есть тако заиста, отговори єданѣ отѣ
друштва, Богѣ є то мудро учинїо, найпре є
морао темель положити, после кућу сазидати,
а найпосле вѣтреннячу намештити."

ИСТОРІА СЛАВЯНА.

(Г. Хердеромъ.)

Славяни мораю се по произношеню нашегъ нарѣчя — дїалекта — Славены называти; ибо Срби промѣнюю радо Я на Е.

Славенскїи Народи занимаю више простора на земльи, негол' у Исторїи. Они су снрѣчь као обытаительи землѣ ове надалеко распространѣнныи, много важнїи, негол' као народъ єданъ, у кога се много приключеня сбывало, коя бы велику и нечаянну какву промѣну у свѣту причинила. Измедьу прочи причина тога єсть и та, што су отъ Римлана удалѣннїи были. Мы смо їй прво на рѣцы Дону, потомъ на Дунаву познали. На Дону были су медьу Готы, а на Дунаву медьу Хунны и Бугары, съ коима су Римско Царство често узнемирывали, или као Спомагачи, или као Слуге.

Истинна, да су гдигди и велика дѣла чинили, ничимъ манѣ нису они никадъ предпрїятльивѣ и отважанъ народъ были, као што су Нѣмцы непрестанно ратъ водили. Но све су полагано и тїо за Нѣмцыма ишли, и мѣста, коя су они праздна за собомъ оставляли, допле населявали, докле прегрдно оно парче не населише, кое отъ Дона до Лабе (Елбе) и отъ источнога мора даже до адрїатїческогъ допире. Отъ Лынебурге починуѣи, пакъ до Мекленбурга, Поморїе, Бранденбурга, Саксонске, Лужице, Чехске, Моравске, Слезїе, Польске, и Россїе идуѣи простирала су се нына обыталища съ оне стране Карпатскы гора; а съ ове стране исты гора были су їошть пре тога у Валахїи и Молдавїи населѣнныи; поздніе су се помоћу разны обстоятелства, све далѣ и далѣ распростирали, докле їй Грчкїй Императоръ Ираклїе (Хераклїй) у Далмацїю не прїими, и докле се найпосле мало по мало Краљѣвства Славонїа, Боснїя, Сербїа и Далмацїа отъ ныи не основаше. Исто тако умножили су се они и у Папонїи; изъ Фрїула населили су се и по южновосточномъ углу Нѣмецке, тако, да су предѣли ныныи Штаерскомъ, Каринтїомъ и Крайномъ заключенныи. А све то єсть найвеће парче землѣ, на комъ Єданъ народъ понайвише и садъ їошше живи.

Славени су се свуда населявали, землю отъ други народа оставлѣнну притежавали, ию као Населѣнницы, или као Пастыри или као землѣдѣлцы радили и употреблявали. И будући да су врло мирна духа, при томъ пакъ и отвећ раденныи были, то є присуиствѣ ныно земляма онымa, кое су разны и безчисленны пролазки прочи немирны народа опустошенне и упропащенне быле, весма полезно и поспѣшно было. Славени су землѣводство, и скотоводство, и гдикоя домашня художества миловали, и съ производы свое землѣ и съ плодовы своги труда тргoвину водили, тргoвину, коя є не само ныма, но и прочимъ народма полезна была.

Дужь источногъ мора отъ Любеке (Лыбека) поправили су приморне градове; и Славенскїй Амстердамъ быо є градъ Винета. Тимъ начиномъ были су съ Прайзы, съ Куры и са Лепты у састанку. На рѣцы Днѣпру были су Кїевъ, на Волхову Новградъ сазидали, и овїи су наскоро процвѣтали, чрно море са источнымъ састављали, и источне производе сѣвернымъ и западнымъ Европейскимъ земляма додавали.

По Нѣмецкой пакъ радили су около руда, разумѣвали су претапланѣ и лїенѣ ныно, прерадьивали су солъ, ткали платно, кували медъ,

насадьивали растѣния, и тако су весео свой животъ, понайвише у свиркама, проводили.

Славени су весма благїи и щедрыи, до разсипаня већ госполюбивыи, любительи слободе селяиске, но при томъ и подвржльивыи и покорныи были; нипт' су икадъ отимали или плѣнили. Но све те ньине добродѣтельи нису имъ могле ништа помоћи, да другїи народи на ньи не нападу, и не угнѣте їй: їошть є благость ньина много више причинила, да другїи на ньи наламу. Ибо они за врховну власть надъ цѣлымъ свѣтомъ марили и никаквы наслѣдственны и войножедны Владѣтеля имали нису, и радїе су данакъ плаћали, само землю свою на миру уживати да могу; и тако су многїи народи а особито народи нѣмецкїи много и премиого сагрѣшили, што су Славене угнѣтавали.

Іошть подъ Кароломъ Великимъ започели су угнѣтателныи они рапови, кои су се очевидно въ сбогъ трговине водили, а овамо Хрїстянско вѣроисповѣданѣ за поводъ свой проглашавали. Ибо є юначкимъ Франкомъ много удобнїе — коммоднїе — было, съ прилѣжнымъ, землѣдѣлаюћимъ и тргуюћимъ народомъ, као са робовы поступати, неголи иста художества учити и управляти. Франки су започели народъ Славенскїй угнѣтавати, а Саксонцы су довршили; Славени

су по цѣлымъ областма истребљѣнныи, или робовы учинѣнныи были, а землѣ ныине подѣлилесу се медьу Епїскопе и Благородне. Трговину Славена по источномъ могу разорили су сѣверныи Нѣмцы; ныиной Венетп додьоше Данцы главе: а и што є у Нѣмецкой їошть заостало, то є исто онако прошло, као што су Перуанцы у Америїки прошли; кадъ су у ню Спаньолцы ушли.

Были зато чудо было, што су Славени, столѣтяма угнѣтенныи, и толико пулїй противъ Хрїстянски своїи Господара и плѣнителя огорчаванныи толико отродили, да су у лукаво работѣпство пали? Ничимъ манъ опеть се старо ныино простодушѣ у земляма оныма види, у коима колико толико слободе уживаю. Славени су зато несрећны постали, што су миръ и домашнѣ трудолюбѣ миловали, и зато никакве военне конституцїе увести не могоше: ничимъ манѣ имамо довольно и таквы примѣра, гди су се и они храбри и весма мужствепныи показывали. Несрећныи су сиромаси были, што су съ єдне стране близу Нѣмаца землю свою имали, а са друге стране ледьа гола Татаромъ оставлятп морали, подъ коима су, да и подъ Моголы, много претрпили.

Медьу шимъ се коло — точакъ — времена, кое све промѣнюе, непрестанно окреће. И будући да Славени сада найлѣпша парчета землѣ у Европи обытаваю, нек' се сва та земля само уреди, и трговина изъ нѣ поведе; и будући да ћею законодаванѣ и политика Европейска, као што быти мора, трудитисе, да тїо трудолюбїе и спокойный састанакъ измедьу народа што више подигну; то ћете се и Вы тако дубоко нападшїи, прилѣжныи и щастльивы Славенскїи народи, отъ дугога Вашега сна єданъ путъ пробудити, и отъ окова робски освободьенныи прекрасне Ваше предѣле отъ Адрїатическогъ мора до карпатически гора, и отъ Дона до Мулде као Ваше имѣнїе употребляваши, и Ваше старе празднике спокойнога прилѣжаня и трговине на ньима славити смѣти.

О колико бы я желїо, кадъ бы тко остатке славенски обычая, кои већ исчезаваю, ньине пѣсне, и ньине приповѣдке и гатке сакупїо! и кадъ бы се єданъ путъ исторїа цѣлогъ Славенскогъ народа, но у цѣло издала онако, као што ю описанїе човечества изискуе.

— Тако Г. Хердеръ, Нѣмацъ, о Славены, изъ коїи мы произлазимэ, пише, и умствуе: и како на Нѣмце виче, што су Славене, миролюбиве оне Славене удручавали, рекао бы човекъ, као да ни є онъ самъ Нѣмацъ, но да є Славенинъ, кадъ їй толико брани. О Роде! Роде! кой ће се отъ насъ наћи, кой ће му зато благодареніе по достоянїю принети, и кой сѣни Хердерове зато, што є о Праотцы наши тако лѣпо писао, заборавити неће!!!

ПРИМѢЧАНЯ БАЖНІЯ.

Што се подрекла Славена каса, то првый источникъ ньиногъ произлазка наћи не можемо, какогодь што се и о прочи народы не зна, откуда су управъ произишли. Но понайвећа часть Списателя сагласуесе у томъ, да Славени отъ Ноева Сына Яфета пронсходе: кой много дѣце изродившій поселисе и по Асїи, и по цѣлой Европи. Доказателства о томъ

свакїй своя доводе. Мы їй краткости ради просторa сва овде исчислити и претрести не можемо; и будимо сь тимь задовольныи, што Славеи такодье до потопа бытЂ свое протежу.

Име Славена производе єдныи отЪ рЂчи Слово, другїи отЪ Слава, а трећїи отЪ Салава. Но Г. (Добровскїй опроврга та мнЂнїя, и доводи име Славена отЪ глагола Слути, Славити, Словити.

Опроврга ваюћи мнЂнїя она говори овако:

„Име Словена, Слована не може отЪ рЂчи Слово долазити. Слово значи рЂчь; а слогЪ онай АнЪ додаесе людма, кои су изЪ какве землЂ, или мЂста. Н. пр. РуссїянЪ, АустрїанЪ, и. пр. Тако, кадЪ бы наименованЂ Словена, Слована, Словина отЪ слово происходило, то бы име то онай народЪ означавало, кой є у земльи живїо, коя се Слово звала. А гди є та земля была, коя се слово называла? — Гдикои су хтели име Словена отЪ слово запо произвести, што су Словени таквїи люди были, кои су говорили, и у єзыку своМЪ рЂчи имали, коима су говорили, илити люди, кои су многорЂчивыи (wortreich, verbosi) были. Но како су могли Словени себе за говорећe сматрати? ЗарЪ зато, што су проче народе, кои нису Славены были, за нЂме држали? Та зарЪ имЪ ни є

познанно было, да и другїи народи, а не самыи они, говорити знаю? Проче народе называлису они Язицы, тако єли могуће, да су имъ говоренъ отрицали? знаюћи, да разлика измедьу народа само изъ разлике єзыка происшиче. Тако називаюћи проче народе, кои нису ньиногъ рода были, Языцы, како су могли Славени испе народе за нѣме држати, и себи име оттудъ надети, шшо говорити знаю, илити шшо Слова, т. є. рѣчи у своимъ єзыку имаю?“

„Но веле другїи, Славени су поне Нѣмце за нѣме држали; тако су себе поне у призрѣнїю Нѣмаца за говореће, словуће држати могли. Но и то мнѣнїе ни є основанно. Зарь ни є вѣроятно, да су они Нѣмце отъ єдногъ ньиногъ стабла назвали, кое се Неметы именовало, и кое є старо стабло Нѣмаца было? А шшо су їй Нѣмцы, а не Неметы називали, и то причину свою има; Латини сирѣчь дали су имену Нѣмаца свой падежъ и назвали су їй Nemetes; а Славени су му дали свой падежъ, и назвали їй Нѣмецъ, Нѣмацъ. Гдикои ће може быти рећи, но цво нѣмецкїй родъ ни є име свое отъ єдноga стабла само получити могао. То нека нитко не опроврга: ибо сви народи тако поступаю, кадъ єдинственно име свеобщимъ оћею да учине. Какогодь шшо Турцы све Европейце Франи-

ки называю, тако су и имена Теутони, Германни, Алеманни, и Немети имена разны нѣмецки народа была; тако єи Тайчерь кодь самы Нѣмања, German кодь Енглеза, Allemand кодь Француза, а Нѣмець кодь Славена обще име Нѣмачки народа постало. И будући да су Славени Нѣмце добро познавали, и Языцы называли, то ни сама Исторїа не дозволява, да су Славени име Нѣмаца опь рѣчи нѣмь произвели.“

„Г. Дубравскїй Епїскопь Олмыцскїй, производи такодье име Славена опь Слово, и каже, да су Славени себе тако зато назвали, што су надалеко разсеянныи были, а сви готово єднако, и єдне рѣчи, илипи слова говорили. Но то ни є могуће, ибо рѣчь ова Слово ни у кога цѣо єзыкь не означуе: то є самоизмыслѣнно, а шта се измыслити не може? ‘

„Име Славена не производисе ни отъ „слава.“ Славени су бо име то пре їошть имали, него што су оружїемь славныи постали: они су се Славены называли, и кадь су првый путь у грчке землѣ упали. И жао ми є, вели Добровскїй, што произведенѣ то имена Славенскогь отбацыти морамь, хотя да бы, као Славень родьень, участникомь славе мога народа радо и радо быо.“

„Г. Остермайерь доводи име Славена отъ рѣчи Литавске: „Салава“ коя у насъ островъ, или ли землю измедьу рѣка лежећу значи. Но и отъ те рѣчи не може се име Славена довести. У цѣломъ Славенскомъ єзику рѣчи Сала не има, но по сви нѣговы дїалекты значи она островъ или ли ада. Тако кадъ бы име Славена отъ рѣчи Сала долазило, како бы се рѣчь та у єзику ньиномъ са свимъ изгубити и заборавити могла. Да рекнемо, да су Славени отъ рѣчи те име свое узели, но тко ће прегрдно оно парче тврди, на комъ Славени живе, за островъ єданъ запо држати, што є оно рѣкама или заключенно или ограниченно? И тко ће прегрдно то парче ритомъ називати?“

„Я производимъ име Славена отъ глагола слути. У Србаља значи овай глаголъ именоватисе, називатисе. Отъ нѣга су и глаголи: славити, словити, и славляти са множествомъ други отъ ньи сложенны произишли.“

„Но како су Славени име свое отъ глагола тїи произвели? Ево како!

Славени су были народъ многочисленъ. Веће Јорданъ, Историографъ, каже, да су у найстарїя времена на две части раздѣлѣннїи были, на праве Славене, и на Анте. Кромѣ тога има-

лису и свое гране, коя є свака собствено име себи надела.“

Многочисленни будући, тако и надалеко разсупли были су принудьеннїи, за све свое родьаке єдно име извести, да бы се посредствомь нѣга измедьу себе познавали, да су єдногь конѣга измедьу себе познавали, да су єдногь конѣга; при томь да бы се и отъ свїю прочи народа разликовали.

Славени су тако себе єднымь именомь именовати морали, све проче народе или Иноземцыма называюћи, или имь она имена даваюћи, коима су народи истїи самїи себе называли.

И зато себе єдноименованны назову, т. є. народомь, кой у своемь єзыку значећа имена има. Но мѣсто овогь глагола именовати се, ималису они сви вобще и заєдно глаголь Слути, и отъ нѣга произведенне Словити, Славити. Называюћи себе народомь именованнымь моралису отъ глагола овы наименованїе свое узети. И оттуда се или Словини; или Славени и Словени, или Славяниназову.“

ТУРЦЫ.

(Г. Хердеромъ)

Турцы єсу народъ Туркестанскій. Истинна, да се они више опъ три стотине годинв у Европи веће наоде, ничимъ манъ мораю се они и садъ као каквын странныи народи у ньой сматрати.

Турцы су источномъ царству, кое є преко тысяще и више година самомъ себи и цѣлой земльи теготно было, главе дошли, и тако и не знаюћи и нехотѣћи художства и науке далъ къ западу Европейскомъ оттерали. Они су на Европейске Силе често нападали, тако ове непрестанно на опрезу држали, и свакомъ єдновластїю препетствовали. Но све то єсть мало добро, кое су они учинили, кадъ узмемо у сравненїе съ ньимъ зла она, коя су Европи нанели. Они су найкрасніе предѣле Европе у пустынѣ, и Грке, кои су нѣкадъ наймудрїи были, у невѣрне робове, и похотне Варваре обратили. Колико красны и художественны стваріи нису они, ненаученныи будући, разорили и истребили! и колико ни є посредствомъ ньи упропащенно, што се никадъ више повратити и установити неће моћи.

МАЧЖАРИ.

Мачжари єсу отъ колѣна Фїннїйскогъ; то се оттуда доказуе, што є єзыкъ Мачжарскїй Фїннїйскомъ са свимъ раванъ. Народи Фїннїйскїй называли су самыи себе Суомїи. Къ ньима су принадлежали: Ингри, Ести, и Ливи, Сирани, Перми, Вогуми, Вортяки, Чермиси, Мордвини, и Кондски Остяки. Но сви тїи народи никакве конституцїе не имаюћи, єсу отъ проши у Европу улазећи народа удручення, и покорениыи, тако, да имъ є єдва име заостало.

Отъ свїю Фїннїйски родова єсу єдинныи Мачжарй, кои су се медьу Освоителѣ утурали. По свой прилицы пребывали су они найпре у земльи Башкирской, измедьу рѣке Волге и Яика; позднїе осную Мачжарско Кралѣвство измедьу чрногъ мора и Волге; но и то Кралѣвство расцѣписе мало по мало. И тако Мачжари подъ Хазаре додьу, позднїе їй Печенеги раздѣле; са тимъ они на границы Персїйскогъ Царства Мачжарску Државу устрое, а кромѣ тога у седамъ чета У Европу предьу, и са Бугары бѣсне ратове водити почну. Бугари їй яко скуче и утѣсне, и Арнулфъ Императоръ позове їй пропивъ Моравца. И тако Мажари изъ Панноніе у Моравску,

Баварску, и горню Италіїю ударе, и Земљ исте опустоше: огнјмъ и мачемъ ишли су по Тирингу, Саксонской, Франконской, Хессенской, Швабской и Елсасской до саме Француске; а изъ ове се опеть у Италіїю враше, и отъ Императора Нјмецкогъ срамотный данакъ получе. Но найпосле се войска Мачжарска, кое поморомъ, кое пакъ боемъ са Саксонцы, Швабама и Вестфалцы умали, са тимъ се нјмецко Царство обезбјди, и сама ньина Мачжарска Апосполичскомъ Држаномъ постане. И тако су они сада медьу Славены, Нјмцы, Власы и прочи народы маня часпь жителя Мачжарски; и чудо є, (као што Г. Шварпнеръ вели) како имъ їошпь и єзыка има.

САДРЖАНЄ.

Лѣточисленѣ памеѣодосѣойны вещій.
Увѣдомленѣ о години 1816.
Мѣсецословъ (Календарѣ).
Родословѣ Владѣѣеля Европейски.
Вышша духовна досѣоинства восѣочне цркве.
Назначенѣ ѣорговa.
Синсакѣ поглавиѣы купечески градова у Европи.
Имена ГГ. Пренумеранѣа.

ПРИПОВѢДКЕ.

Два Пуѣника . . . . . Страна 1
Дармансѣ и Херминїа . , ... — 33
Изображенѣ свемїриогѣ Поѣопа . . — 49
Прьый Пловацѣ - . . . . . — 56
Оба Пріятеля . . . . . — 99
Любисавѣ . . . . . — 133
Смѣсе . . . . . — 170

АЛЛЕГОРІЕ.

Каллигенїа . . . . . — 187
Превидѣнѣ Салїйио . . . . . — 198
Приповѣдчице и Анекдоте — 213 — 247
Исѣроріа Славена . . . . . — 248
— Турака . . . . . — 259
— Мачжара . . . . . — 261

ОБЯВЛЕНѢ.

Пѣсана лѣпи, и новы нисамь отъ Пріятеля мои, кое самь молїо, добити могао, зато ій у забавнику не има.

Погрѣшке веће назначїо самь, а манѣ ћею ГГ. Читашельи и самїи знапи поправити. И убо.

На страни				мѣсто	читай.
31	врсти	2	одоздо	Драгимиръ	Любисавъ.
33	врсти	1	одозго	воспиттанаца	воспитаника
54	—	9	одозго	наша мысаль	наша мысаль
58	—	7	одозго	чула бы. . .	чула не бы
63	—	3	одоздо	майки нѣной.	кћери нѣной
69	—	1	одозго	тыяше . . .	таяше.
74	—	2	одозго	покрывише са	покрываше га
—	—	11	—	како гора . .	како зора.
77	—	4	—	свой пасао. .	свой посао.
—	—	16	—	нѣговомъ во-	
	—			ображенїо . .	воображеню
78	—	2	—	въ чунъ . . .	у чунъ.
82	—	8	—	найсум. сѣкне	сѣнке.
89	—	12	—	недостоятти	недостаяти.
90	—	8	—	овцы овде .	овцы овце.
92	—	8	—	умъ непрес .	имъ.
99	—	18	—	а оноай . . .	а онай на.
104	—	15	—	перобрати му	
				се.	преобрати.
107	—	2	одоздо	опричемь . .	опричешь.
108	—	8	одозго	дражесиїй . .	дражестїй.
111	—	6	одозго	пренесбесанъ	пренебесанъ.
118	—	1	одоздо	у нѣму . .	у ньой.
120	—	2	одозго	корака . . .	Корана.
139	—	6	одоздо	до не . . .	да не.
158	—	1	одоздо	огдину . .	годину.
159	—	2	одоздо	излитно . .	излишно.
179	—	14	одозго	Афрїкансїй. .	Афрїканскїй

Пѣсана
мои, кое са
забавнику н

Погрѣш
ГГ. Читаще

На страни

31	врсти	2	с
33	врсти	1	с
54	—	9	о
58	—	7	с
63	—	3	о
69	—	1	о
74	—	2	о
—	—	11	
77	—	4	
—	—	1	

78
8

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

РТкСр I 63/1816.